

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (ГОРБАЧЕВ-ФОНД)**

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ВЛАСТЬ ФАКТА И ВЛАСТЬ МИФА: КАК СОЗДАЕТСЯ
ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИИ
ПЕРЕСТРОЙКИ В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ**

МОСКВА 2005

Горбачевские чтения: Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. — М.: Горбачев-Фонд, 2005. — С. 160.

**Под редакцией *О.М. Здравомысловой*
Компьютерный набор *И.Г. Вагина***

ISBN 5-86493-135-7

© Горбачев-Фонд, 2005.

© Оформление. Эслан, 2005.

Сдано в набор 28.05.2005. Подписано к печати 06.06.2005.
Формат 60x90/16. Объем 10 п.л. Тираж 700 экз.
Международный фонд социально-экономических и политических
исследований (Горбачев-Фонд)
Отпечатано в ООО «Связь-Принт»

Содержание

От редактора	6
Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России	7
Диалог с прошлым: от перестройки до наших дней <i>Мария Ферретти</i> , профессор Центра исторической антропологии им. Марка Блока, РГГУ	7
Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого <i>А.Б. Каменский</i> , д.и.н., профессор, РГГУ	12
Выступления в дискуссии	21
«Как «делалась» политика перестройки»: необходимость исследования <i>А.С. Черняев</i> , к.и.н., Горбачев-Фонд	21
Миф, пиар и обман <i>Г.А. Боровик</i> , журналист	25
Исторические знания и проблема идентичности <i>И.А. Климов</i> , к.с.н., Фонд «Общественное мнение»	27
Массовые представления о 1991-ом годе: господство «простых» формул? <i>И.В. Задорин</i> , к.с.н., Исследовательский центр Циркон	31
<i>М.С. Горбачев</i> , Президент Горбачев-Фонда	41
Идеи перестройки и мифы о перестройке <i>А.А. Бессмертных</i> , Президент Внешнеполитической Ассоциации	42
О «массовом» и научном историческом знании <i>А.С. Барсенков</i> , д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова	48
<i>Я.Н. Засурский</i> , профессор, декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова	55

Российский миф о западном опыте и развитие социальной сферы в России	
<i>В.Р. Шмидт</i> , Московская Школа экономических и социальных наук	57
Технократический миф в современной России	
<i>Д.А. Андреев</i> , к.и.н., МГУ им. М.В. Ломоносова	61
<i>Н.В. Ильинская</i> , Академия Народного хозяйства при Правительстве РФ	65
Заключительное слово	
<i>М.С. Горбачев</i>	66
Тексты, присланные участниками дискуссии	71
Современное мифотворчество: технология и социальная база	
<i>О.Р. Лацис</i> , д.э.н., газета «Русский курьер»	71
Перестройка в СССР: некоторые вопросы изучения исторических фактов	
<i>Д.В. Маслов</i> , д. и. н. СПФ МГИУ	78
Перестройка: факты и мифы	
<i>В. Г. Сироткин</i> , д. и. н., профессор, Дипломатическая Академия МИД РФ	82
Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории	88
Введение в дискуссию. «Необходимость перестройки»	
<i>В.Т. Логинов</i> , д.и.н., профессор, Горбачев-Фонд	88
Выступления	91
Учебник для подростков, а не для профессоров	
<i>Н.В. Загладин</i> , д.и.н., профессор, ИМЭМО	91
Прелюдия и начало перестройки	
<i>А.С.Черняев</i> , к.и.н., Горбачев-Фонд	96
Перестройка как процесс	
<i>А.А. Данилов</i> , д.и.н., профессор, МГПУ	98
В контексте системной трансформации	
<i>А.С. Барсенков</i> , д.и.н., профессор МГУ им. М.В.Ломоносова	102

<i>В.Т. Логинов</i>	108
Социал-демократическое прочтение перестройки	
<i>Б.Ф. Славин</i> , д.ф.н., профессор, Горбачев-Фонд	109
Перестройка переустроила мир	
<i>А.А. Галкин</i> , д.и.н., профессор, Горбачев-Фонд	117
Перестройка и российская история	
<i>В.Д. Соловей</i> , д.и.н., Горбачев-Фонд	119
Перестройка и реформация	
<i>В.А. Медведев</i> , член-корр. РАН, Горбачев-Фонд	123
Периодизация «по царям»	
<i>Д.В. Маслов</i> , д.и.н., СПФ МГИУ	127
Поиски согласия	
<i>В.В. Загладин</i> , д.ф.н., профессор, Горбачев-Фонд	132
Сформировалась ли точка зрения общества?	
<i>О.М. Здравомыслова</i> , к.ф.н., Горбачев-Фонд	137
В контексте мировой истории	
<i>А.Б. Вебер</i> , д.и.н., Горбачев-Фонд	139
Перестройка и «катастрофка»	
<i>Г.С. Остроумов</i> , Горбачев-Фонд	144
Что это было?	
<i>В.В. Журавлев</i> , д.и.н., профессор, МГОУ	145
Была ли альтернатива?	
<i>Н.В. Загладин</i>	150
Надо было объяснять	
<i>А.А. Данилов</i>	154
«Коридор возможностей»	
<i>А.С. Барсенков</i>	156
Заключительные замечания	
<i>В.Т. Логинов</i>	157

От редактора

В очередном, третьем выпуске «Горбачевских чтений» опубликованы материалы круглых столов, посвященных 20-летию перестройки, которое отмечается в 2005 г.

Историки, социологи, политики, журналисты, выступившие в дискуссии о власти факта и власти мифа в историческом знании и массовых представлениях, исходили из того, что интерпретация современной истории, в том числе, периода перестройки зависит от того, как конструируется образ прошлого в современной России. По известному выражению академика Покровского, история — это политика, обращенная в прошлое. На наших глазах она все чаще становится полем битвы за то, какой быть России в настоящем, и какой она должна стать в будущем.

Анализ фактов недавнего прошлого, создание объяснительных концепций и мифов непосредственно связаны с обсуждением того, как освещается период перестройки в современных российских учебниках истории. Круглый стол на эту тему был организован профессором В.Т.Логиновым. В третьем выпуске «Горбачевских чтений» опубликованы выступления исследователей, большинство которых — известные историки, принявшие в нем участие.

ВЛАСТЬ ФАКТА И ВЛАСТЬ МИФА: КАК СОЗДАЕТСЯ ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Диалог с прошлым:
от перестройки до наших дней

Мария Ферретти,
профессор Центра исторической антропологии
им. Марка Блока, РГГУ

Историк по профессии, я давно занимаюсь историей России. Живя в этой стране, я сохраняю взгляд со стороны, поскольку остаюсь человеком другой культуры. В споре о том, как создается образ современной истории России, я представляю мои размышления, наблюдения, выводы проведенных исследований. Предметом моего анализа стали представления о памяти — их развитие с начала перестройки до настоящего времени.

Как мы знаем, в последние двадцать лет образ прошлого и отношение к прошлому играют в России особую роль. Председатель «Мемориала» Арсений Рогинский заметил однажды, что обычно революции начинаются с насилия, с выстрелов, а в России революция началась с пробуждения памяти. Хотя эти слова были сказаны в конце 80-х годов, они справедливы и по сей день.

После окончания хрущевской оттепели был приостановлен процесс, который можно было бы назвать «трауром по сталинизму». «Траур» — принятое в науке определение, суть которого состоит в том, что как в личной, так и в общественной жизни, есть периоды великого драматизма (сталинизм, несомненно, был одним из таких периодов), которые необходимо осмысливать и переживать. Траур означа-

ет принятие на себя ответственности за прошлое, возможность отдать себе отчет в том, что произошло, и стать, таким образом, субъектом, а не жертвой исторической драмы. Проблематика траура и памяти развивалась в Германии в 60-х годах XX века в связи с отношением к нацистскому прошлому.

В рамках заявленной темы важны два момента. Во-первых, существование механизмов, которые влияют на работу памяти, обуславливают политическое использование прошлого в широком смысле слова и определяют роль памяти в построении коллективной идентичности. Во-вторых, содержание, которое вкладывается в само понятие «память», ставшее одним из ключевых во время перестройки. В этот период считалось, что в официальной истории существовала ложь, а в памяти жила правда. При этом не учитывалось, что существуют **разные конструкции памяти**. Правомерен вопрос: какая конструкция памяти способна развивать общество в направлении его демократизации, а какая препятствует этому?

Нельзя не отдавать себе отчет в том, что с начала перестройки до настоящего времени память играет огромную роль в общественной жизни России. В этом процессе определения прошлого и формирования отношения к нему ясно выделяются четыре важных этапа. Первый этап (1986–1989 гг.) соответствует перестройке. В этот период идет восстановление «работы траура» — осмысление прошлого и принятие на себя ответственности за него. На первом этапе в общественном сознании доминировала проблема сталинизма — причем сталинизм рассматривается не как нечто «привнесенное к нам извне», но как «наша общая история» (вспомним, как много говорили тогда о покаянии, о чувстве коллективной вины и т.д.). Казалось, именно через болезненное восприятие прошлого создавался политический субъект. В широком смысле слова, создавался гражданин, то есть человек, отвечающий за общество, в котором живет, а не просто пассивно воспринимающий то, что происходит вокруг. Это был очень важный период — возрождение политического субъекта в России.

Критика сталинизма, как она велась тогда, разрушила один из основных мифов старой официальной истории — миф о существовании неких исторических закономерностей. Благодаря этому открылось пространство для политической жизни: оказалось, что политика не написана «на небесах», не выражена в абстрактных законах, которые знает партия или какой-то выдающийся человек. Оказалось, что политика — момент выбора для общества и для человека. Это было время, когда говорили о возможных альтернативах сталинизму. По сути дела, речь шла не столько о конкретных альтернативах, существовавших в прошлом (Бухарин и т.д.), сколько о том, что в России, в конце концов, создается политическая сфера.

Великая заслуга Михаила Сергеевича Горбачева состоит в том, что он секуляризировал власть в России, изменив источник ее легитимации. Созыв Первого съезда народных депутатов (1989 г.) означал, что источником власти становится народный суверенитет. Это явилось одной из предпосылок, как дальнейшего развития общества, так и продолжения размышлений о прошлом. По моему мнению, это был ключевой эпизод в новейшей истории России.

После Первого съезда народных депутатов исторический процесс стал развиваться более быстрыми темпами — и внутри России обострилась политическая борьба. Интеллигенция, по крайней мере, та ее часть, которая в начале поддерживала реформы, становилась все более радикальной. В 1990–1995 гг. в среде либеральных интеллигентов, которые считали себя наследниками шестидесятников, создается совершенно новый образ прошлого, связанный с радикальной критикой Октябрьской революции. Предпосылки этого этапа можно датировать публикацией известных статей Александра Ципко в журнале «Наука и жизнь»¹.

Способ, каким велась в то время критика Октябрьской революции, имел два неожиданных результата. С одной стороны, он дал возможность освободиться от тяжести ста-

¹ А.И. Ципко Истоки сталинизма // Наука и жизнь, 1988, №11-12, 1989, № 1-2.

линизма — от чувства ответственности, поскольку именно тогда была создана известная конструкция: «сталинизм есть прямое следствие Октябрьской революции». Иначе говоря, в бедах России виноват не Сталин, а «вообще» большевики. Кто же были, в таком случае, большевики? Ответ: это было «меньшинство», которое руководствовалось утопией, заимствованной на Западе. Россия — жертва большевиков, но она не имеет ничего общего с большевизмом, не должна за него отвечать, поскольку во всем виновата «плохая» партия. Другая сторона той же конструкции: «до революции Россия была прекрасной страной; она была богата и являлась частью мировой цивилизации». Так был создан миф о либеральной России с ее светлым будущем, рухнувшим из-за какой-то не совсем понятной «ошибки» истории.

В 90-е годы, казалось, перелицовывалась официальная советская история: если в советское время считалось, что революцию сделали большевики, и они были «хорошие», то теперь утверждалось, что революцию сделали «плохие» большевики. Таким образом, поменяв знаки, построили новую конструкцию. В первой половине 90-х г.г. публичное политическое использование прошлого сыграло роковую роль для понимания перестройки. С одной стороны, Горбачев стал олицетворением всего того, что было плохого в СССР. С другой стороны, сознательно создавался образ Ельцина — бывшего Первого секретаря обкома КПСС — как наследника традиций великой дореволюционной России. (Если обратиться к символике, которая восстанавливалась в 1990 и 1991 гг., то окажется, что слово «губернатор» первым использовал Ельцин еще до путча 1991 года.)

Новый образ прошлого имел огромный успех. Массовые издания объясняли, как плох был Ленин, и уверяли, что надо вернуться к дореволюционному прошлому, поскольку существуют некие закономерности истории и теперь «у нас нет альтернативы» кроме рыночного общества. (Вспомним, как восторженно была принята концепция «конца истории» Фукуямы). А следовательно, опять «кто-то» имеет право решать «за нас».

Именно в этом повороте к дореволюционному прошлому России лежат корни авторитаризма в политической культуре, так называемой либерально-демократической, постсоветской России. В ней опять оказалось, что политика как таковая не существует — что нет людей, но есть «закономерности истории». Новый образ отечественной истории был легко воспринят постсоветским обществом, потому что он освободил его от тяжести прошлого. Утверждалось, что «мы можем все забыть, потому что мы все были жертвы». Так, в начале 90-х распространился миф о том, что интеллигенция была вечной жертвой советской власти, что она всегда спасала русскую культуру. Мифология, которая создавалась тогда, имела четкие политические функции: если у нас было светлое (дореволюционное) прошлое, теперь, опираясь на него, мы двинемся светлому будущему. Однако вскоре эта мифология перестала работать: во имя возврата к прошлому обещали рай уже завтра, но последствия ельцинской реформы оказались слишком тяжелыми для российского общества.

В середине 90-х — третий этап — начался возврат к национальным ценностям. Новый — четвертый этап этого процесса можно наблюдать сегодня, когда от мифа дореволюционной либеральной России двинулись к мифу дореволюционной царской России в более жестком, националистическом варианте.

Нельзя не видеть, что существует прямая связь между развитием демократии и тем, какую память о прошлом мы конструируем. Создавая память, основанную на переживании своей причастности к прошлому и ответственности за него, мы тем самым отвечаем за все, что происходит с нами сегодня — это и есть способ развивать культуру демократического общества.

Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого

А.Б. Каменский,
д.и.н., профессор, РГГУ

Факт и миф — это ключевые понятия при обсуждении проблем истории и массового исторического сознания. Надо, однако, заметить, что в исторической науке последнего времени ведутся жаркие споры об адекватности и относительности самого понятия факта, в то время как под мифом понимают нечто гораздо более сложное, нежели просто выдумку, не имеющую ничего общего с реальной историей. При этом, поскольку миф является одним из способов осмысления действительности, массовое историческое сознание мифологично по своей природе и иным просто не может быть. Причем, это не есть свойство исторического сознания только российского общества. Это общее свойство массового исторического сознания любого народа, в любой стране. При этом миф или мифы, формирующие это сознание, могут иметь различное происхождение. Они могут быть искусственными, т.е. быть результатом социального конструирования (сознательно созданными политиками, идеологами или политтехнологами). Но могут иметь и естественное происхождение, т.е. порождаться самим массовым сознанием, как ответ на определенные общественные потребности, в частности, связанные с формированием национальной идентичности. Такие мифы становятся частью национального самосознания и зачастую их функции гораздо важнее, чем так называемая «правда истории».

Специфика же российского исторического сознания — в особом отношении к прошлому. Примерно четверть века назад американский историк С. Монас заметил, что для русского сознания характерна повышенная детерминированность настоящего и будущего прошлым. Русские острее,

чем другие народы, ощущают, что прошлое определяет настоящее и будущее. Я бы добавил к этому, что в определенной степени подобное отношение к прошлому есть рудимент домодерного, традиционного сознания. Стоит отметить, что в принципе подобное отношение к прошлому не уникально, черты его можно обнаружить и у других народов, например, у французов. Однако, в целом, так называемой западной цивилизации и, в особенности, той ее составляющей, которая сегодня является доминирующей и которую можно условно назвать американской, это не свойственно. Для среднего американца представление о том, что США — великая страна, в первую очередь, связано с настоящим, что, впрочем, соответствует и историческим реалиям.

Можно сказать и иначе: ощущение детерминированности настоящего и будущего прошлым в принципе не характерно для постмодернистского сознания, что выразилось в последние десятилетия и в отношении к историческому метанарративу и вообще к достижениям исторической науки. Общество как бы получает «message»: не стоит всерьез относиться к истории, поскольку все, что рассказывают историки, не вполне правда. При всей болезненности этих процессов для профессиональных историков следует, вероятно, признать, что этот своего рода способ избавления от давления истории является, по-видимому, одним из важных условий перехода к новой цивилизационной парадигме. И это понятно: в возникающем на наших глазах глобальном мире национальные истории отходят на второй план, уступая место новой, еще не написанной истории так же, как уходят в прошлое национальные государства.

Обозначенная специфика российского исторического сознания ярко проявилась в период перестройки, когда в обществе существовало убеждение, что для быстрейшего достижения светлого будущего необходимо сказать «всю правду» о прошлом. При этом характерно, что авторами потока обрушившихся тогда на голову читателей и телезрителей публикаций были преимущественно не профессиональные историки, а журналисты. На то было много причин, но среди прочего и то, что в то время еще скорее подсознательно и лишь позже вполне сознательно историки ощуща-

ли, что собственно историческая «правда» весьма относительна. Во-первых, потому что существует определенный лаг между тем, что мы знаем о прошлом, и тем, каким оно было на самом деле. Во вторых, потому что прошлое, как и настоящее, многогранно, многоаспектно, неоднозначно и с большим трудом поддается каким-либо оценкам, даже морального свойства, в то время как массовое сознание нуждается именно в оценках — и в оценках, достаточно однозначных. Строго говоря, историческая наука работает над созданием картины прошлого, своего рода многоцветного полотна, пытаясь максимально воссоздать его оттенки и нюансы, она стремится не судить прошлое, а, скорее, объяснить его, в то время как массовое сознание основывается не на многоцветном полотне, но на образе прошлого. И этот образ, как правило, либо преимущественно позитивен, либо преимущественно негативен, носит либо героический, либо трагический характер. При этом массовое сознание в принципе не обладает механизмом, позволяющим разбираться в деталях и оттенках.

Образ прошлого, созданный в годы перестройки, был преимущественно трагическим. Причем это касалось, в первую очередь, недавнего прошлого. Одновременно, немало было сделано для реабилитации прошлого более отдаленного, а, проще говоря, дореволюционного. В этом была своя логика, поскольку очевидно, что без отказа, без перечеркивания советского прошлого радикальные реформы вообще были бы невозможны. Одновременно с этим создание мифа о «России, которую мы потеряли», было также необходимым условием движения вперед, как некоей духовной опоры и оправдания. С этой точки зрения, неудивительно, что воссозданный образ дореволюционного прошлого оказался новым — а по сути «старым» — мифом, весьма далеким от картины, известной профессиональным историкам.

Но одновременно, с массовым историческим сознанием случилось то же самое, что и триста лет назад, в петровское время: представление об историческом процессе приобрело разорванный, прерывистый характер и в нем образовалась лакуна в виде советского периода, который ока-

зался как бы вне Истории. Как заметил недавно Д. Гранин, «Советская жизнь вычеркнута из нашей истории. Она выпала полностью, затонула, как Атлантида, и мы делаем вид, что прямо из царства Романовых перескочили в эпоху Ельцина-Путина».² Вполне понятно, что с психологической точки зрения подобный разрыв для массового исторического сознания — травма. И в этом смысле нельзя не признать вполне разумными попытки власти в последние годы излечить общество от своего рода посттравматического синдрома путем примирения с советским прошлым, хотя очевидно, что власть при этом руководствуется не гуманитарными, а сугубо прагматическими политическими целями.

Стоит сказать и о том, что разорванность или прерывистость исторического процесса в массовом сознании, на мой взгляд, явление в принципе весьма опасное, поскольку оно ведет к деформации общеисторических представлений, существенно превышающей допустимый, или обычный для всякого массового исторического сознания уровень подобной деформации. Иначе говоря, если, как правило, образ прошлого в массовом сознании при всей его мифологичности все же может быть соотнесен с достаточно широким спектром суждений, восходящих к научному знанию, то здесь он выходит за допустимые рамки. Это и есть почва, на которой возникают и становятся популярными антинаучные творения А.Т. Фоменко и ему подобных авторов. Вряд ли надо объяснять, что подобная деформация общих представлений об историческом процессе и его особенностях ведет и к деформированному восприятию картины современного мира. Также вполне очевидно, что все это определенным образом сказывается на процессах формирования новой российской идентичности.

Впрочем, стоит отметить, что представление о целостности исторического процесса отчасти было деформировано и в массовом историческом сознании советских людей, поскольку официальная историография насаждала представление о том, что История началась в 1917 г., а все, что

² «Московские новости», 2 декабря 2004 г.

было до этого — лишь предыстория страны и народа. Именно в этом состоит, в свою очередь, сходство с петровским временем, когда утверждалась мысль о начале Истории с Петра I.

Между тем, с точки зрения представления о непрерывности российского исторического процесса произошла еще одна существенная потеря, осознать которую массовому историческому сознанию еще предстоит — и это осознание может также иметь весьма серьезные последствия. Дело в том, что одним из краеугольных камней стереотипных представлений об отечественной истории является словосочетание «тысячелетняя русская история». Мы привыкли полагать, что история страны, в которой мы живем, это непрерывный процесс, восходящий к Киевской Руси. Но сегодня «Киев — мать городов русских» оказался столицей зарубежного государства. Более того, часть украинских историков в последние годы старательно создает представление о том, что к Киевской Руси восходит исключительно современная Украина и уж, конечно, не Россия. Причем, нельзя не признать, что на Украине, заново создающей собственную государственность и остро нуждающейся в ее легитимации, задача конструирования национального исторического мифа стоит еще острее, чем в России.

Как уже сказано, российское массовое историческое сознание эту потерю пока не осознало. Однако, как ни странно, она была замечена во властных сферах. Собственно, выхода из сложившегося положения два. Можно настаивать на прежней версии, но тогда рано или поздно неизбежно возникнет представление о территории Киевской Руси, как об утраченной «исконно русской земле», а значит, подлежащей возврату. Понятно, что политически это не самый перспективный путь. Другой путь был, как ни странно, подсказан историками. Несколько лет назад во время посещения президентом В.В. Путиным Великого Новгорода местные историки поведали ему, что формула «Киев — мать городов русских» создана «фальсификаторами истории», в то время как в действительности все пошло из Новгорода. Президент был настолько озадачен этой новостью, что, вернувшись в Москву, собрал совещание ведущих историков.

Правда, услышанные от них суждения, должны были еще сильнее озадачить главу государства. Между тем, можно не сомневаться, что последние события на Украине приблизили момент, когда потеря киевских корней будет осознана и массовым сознанием. Вместе с тем, переориентация на Новгород может иметь далеко идущие последствия, поскольку Новгород связан с иной политической традицией и имеет перспективу доказать наличие в российской истории демократических традиций. Собственно говоря, попытки такого рода делаются историками и публицистами примерно с середины 90-х гг. и эта тема достаточно активно обсуждалась в прессе, в том числе, и вопрос о том, какой была бы история России, если бы в XV в. в противостоянии Москвы и Новгорода победа осталась бы за Новгородом. В только что вышедшей книге американского историка Николая Петро, посвященной развитию новгородского региона в постперестроечный период, доказывается, что немалую роль в его успехах играло как раз использование того, что он называет «новгородским мифом». Н. Петро, в частности, пишет: «Использование новгородского мифа в качестве активного политического ресурса изменило темпы развития общества. Оно привело к тому, что обозреватели назвали «западным» или «либеральным» консенсусом элит в регионе».³ Однако вполне очевидно, что у переориентации массового сознания с Киева на Новгород есть и другая сторона. На первом плане неизбежно окажется противопоставление Новгорода Москве и история постоянного, последовательного подавления Москвой новгородской демократической традиции. Существует, конечно, и третий путь, наиболее соответствующий научному знанию: признать, что историческая память о Киевской Руси не является собственностью ни России, ни Украины и что ни современная российская, ни современная украинская государственность с нею никак не связаны. Но этот путь самый трудный.

Между тем, не так давно мы наблюдали попытку реанимации и использования в политических целях тезиса об «ис-

³ Петро Н. Взлет демократии: новгородская модель ускоренных социальных изменений. М., 2004, с.220.

конно русских землях» применительно к отдельному региону — Калининградской области. Произошло это в момент обострения визовой проблемы. В Калининграде была созвана весьма помпезная и дорогостоящая конференция, в прессе появились публикации, в которых из небытия была извлечена давно отвергнутая исторической наукой легенда о происхождении Рюриковичей от Прусс, а администрация Президента даже заказала бронзовый памятник императрице Елизавете Петровне, в царствование которой Восточная Пруссия действительно на почти на четыре года вошла в состав Российской империи. Успеха эта акция не имела и даже открытие памятника, которое по планам политехнологов должно было состояться в период выборной президентской компании и в присутствии Путина не состоялось. Массовое сознание по сути дела осталось ко всему этому индифферентным, не говоря уж о Евросоюзе, на планах которого ввести визовый режим, это никак не отразилось. Весьма показательно также, что открытие памятника не состоялось еще и потому, что вокруг него возник конфликт, связанный с финансовыми интересами: местные бизнесмены непременно хотели, чтобы в его подножии были ресторан и казино, в то время как автор (скульптор Г. Франгулян) настаивал на музее. Этот эпизод, на мой взгляд, показателен, поскольку продемонстрировал, что символы, связанные с Елизаветой, также были, по сути, апелляцией к отсутствующей исторической памяти.

Стоит также обратить внимание на то, что тезис об исконной принадлежности этой территории России был частью массивной советской пропаганды, развернутой сразу после окончания Великой Отечественной войны. Но в то время у нее была еще одна составляющая, а именно стремление стереть память о немецком прошлом. И то, и другое, по сути, не имело успеха уже тогда, а в наши дни именно немецкое прошлое Калининградской области, как известно, активно эксплуатируется для пополнения местного бюджета. Стоит обратить внимание и на то, что как советская, так и постсоветская пропаганда исходят из убеждения в том, что для россиянина справедливость, конечно же, важнее закона. Иначе говоря, вместо того, чтобы делать акцент

на незыблемости международных соглашений, согласно которым Восточная Пруссия вошла в состав СССР, взывают опять же к отсутствующей исторической памяти. В данном случае, как мне представляется, мы имеем яркий пример того, как искусственные попытки конструирования образа прошлого проваливаются в силу несоответствия общественным потребностям.

В заключение хотелось бы обратить внимание на еще один аспект. В недавно опубликованной статье украинского историка Александра Осипяна, посвященной польско-украинским отношениям 1939–1947 гг. и открывающей российскому читателю, по преимуществу, неизвестные страницы истории, имеющие непосредственное отношение к сегодняшним событиям на Украине, рассказывается о том, как в послевоенный период сознательно вытравлялась память о событиях, в ходе которых погибли десятки тысяч украинцев и поляков. Как историк, автор, естественно, не может и не хочет с этим мириться. Но одновременно он отмечает, что «табу на упоминание украинско-польских этнических чисток 1940-х гг. способствовало их постепенной маргинализации и частичному забыванию... Подавление конфликтной памяти не допустило самого страшного — культивирования чувства обиды и потребности реванша... Тотальное замалчивание украинско-польского конфликта в советскую эпоху позволило Украине и Польше установить нормальные отношения в 1990-х гг.». Сравнивая эту ситуацию с бывшей Югославией, где «столь явного вытеснения травматических воспоминаний и конфликтных версий памяти не было», автор считает, что это стало одной из причин последовавших там событий.⁴ Интересно, что в журнале, опубликовавшем эту статью, ей предшествует другая, посвященная также вычеркнутым из коллективной памяти страницам истории, связанным с т.н. операцией «Юг», т.е. депортацией населения левобережной Молдавии, современного Приднестровья в 1949 г. При этом, автор этой статьи настаивает как раз на

⁴ Осипян А. Этнические чистки и чистка памяти: украинско-польское пограничье 1939–1947 гг. в современной политике и историографии. // *Ab Imperio*. №2. 2004. с.309.

том, что в данном случае забвение этих событий способствует сохранению нынешнего конфликта, а их, как он пишет «полноценная историографическая реконструкция» могла бы способствовать его преодолению.⁵

Эти, конечно же, дискуссионные суждения, во-первых, обнажают проблему ответственности истории и историков и, во-вторых, ставят нас перед очень сложной и, наверное, почти неразрешимой проблемой: всегда ли историкам следует сообщать обществу всю правду «до самого конца», разоблачать мифы и реанимировать стершиеся фрагменты коллективной исторической памяти? На мой взгляд, единственно возможный в этой ситуации выход — это стремление к максимальной деидеологизации и деполитизации истории, по крайней мере, ее преподавания и, прежде всего, в средней школе, которая, как известно по многочисленным социологическим исследованиям, является одним из наиболее важных источников формирования образа прошлого в массовом сознании.

Цель преподавания истории, по моему мнению, должна быть не дидактической, а познавательной. Результатом изучения истории должно стать усвоение существа исторического процесса. И, среди прочего, того, что исторический процесс — это не постоянное движение от хорошего к лучшему, как учила марксистская историография, а бесконечная череда конфликтов, проблем и ошибок, постоянно преодолеваемых как человечеством в целом, так и отдельными народами. Иначе говоря, обучение истории не должно создавать иллюзии возможности существования бесконфликтного общества, но должно знакомить с накопленным предшествующими поколениями опытом преодоления конфликтов.

Подобная постановка задачи ни в коей мере не противоречит задачам патриотического воспитания. Только взвешенная, сбалансированная, лишенная излишней эмоциональности и идеологизации картина прошлого может вос-

⁵ Дигол С. Операция «Юг» 1949 года в Левобережной Молдавии: забытый фрагмент «реабилитированной» памяти. // *Ab Imperio*. №2. 2004, с. -269-296.

питывать истинный гражданский патриотизм, который должен быть естественным результатом осмысления учащимися исторического прошлого, а не навязывания им уже готовых ответов, представляющих собой не что иное, как те же мифы. Опыт показывает, что культивирование в массовом сознании представлений об «особости» русской истории и, в частности, ее особой трагичности, как, впрочем, и особой героичности, в конечном счете, создает закомплексованных людей, видящих окружающий мир в черно-белом цвете и не способных адаптироваться к современным процессам. На мой взгляд, человек, заканчивающий среднюю школу, должен выйти из нее с пониманием того, что история России не хуже и не лучше истории других стран и народов, но она — наша история и именно это дает основание ей гордиться.

Выступления в дискуссии

«Как «делалась» политика перестройки»: необходимость исследования

А.С. Черняев,

к.и.н., Горбачев-Фонд

Человечество с тех пор, как его позволено называть таким именем, живет с мифами и при помощи мифов. Это продолжается до сих пор и так, наверное, будет всегда.

Как и у древних, у современных людей есть мифы — добрые и злые, полезные и вредные. В России судьба мифов — от Ивана Грозного до Ельцина — всегда была своеобразна. Сначала мы выдумывали героев, восхищались ими и почитали их, потом ставили все с ног на голову, после чего начинали «реанимировать» историю.

Сейчас создается миф о Горбачеве, который пока еще не сложился окончательно. Несмотря на признание и высочайшие оценки исторического подвига Горбачева в мире, в России миф о нем складывается, главным образом, из элементов «с отрицательным знаком». Для меня это непостижимо и, кажется, это вообще трудно всерьез и разумно объяснить. Не говоря уже о телевидении, но даже в учебниках по современной истории перестройка либо игнорируется, либо подается поверхностно, либо оценивается негативно. Я спрашиваю себя: нужен ли России в ее нынешнем нравственно-политическом состоянии дурной миф о Горбачеве? По моему глубокому убеждению, существование подобного мифа наносит нашему обществу непоправимый вред.

В перестройке есть элементы утопии, но есть утопия как плод фантазии свободных умов, и есть утопия как политическая категория. Думаю, ни один великий реформатор, революционер, ни один значительный исторический деятель не обошелся без утопизма. Проблема состоит в том, что утопия связана с проблемой субъекта и объекта, как в самой истории, так и в ее описании. В современном мире роль этой субъективной составляющей стремительно возрастает, но на переломных, революционных поворотах истории субъективный фактор приобретает взрывной характер, взрывное влияние на ход событий. И тут уж без утопии не обойтись, потому что не обойтись без идейности и, если угодно, без веры в то, что только ты прав. Без этого не бывает ни революций, ни глубоких реформ. Серьезному историку нужно не априори отвергать утопию на том основании, что ей не место в политике, но разобраться в ее обоснованности, ее необходимости, ее значения в историческом развитии

Горбачев как личность, как политик заслуживает того, чтобы начатая им перестройка, провозглашенное им новое мышление интерпретировались честно, в режиме нравственности и исторической правды, насколько она возможна и насколько она выявляема в историческом исследовании. Об одном из таких исследований я хотел бы коротко рассказать.

...У меня в руках тетрадка. Это аннотированное, 100-страничное оглавление — содержание большого проекта Горбачев-Фонда. Проект мы делали в течение нескольких лет. Результатом стал трехтомник из 6-ти книг, 3 тысячи с половиной страниц, 150 печатных листов. Это записи, сделанные на заседаниях Политбюро и в других местах, где вершилась политика.

Назвали мы его так: «Как «делалась» политика перестройки — 1985–1991 год». Слово «делалась» взято в кавычки, поскольку это калька с английского языка, но в данном случае слово показалось нам подходящим. Михаил Сергеевич любит называть это «кухней» перестройки. И в самом деле, на заседаниях Политбюро «готовилась», «варилась» и оттуда «раздавалась» политика перестройки. Так что это действительно очень адекватная метафора.

Проект составлен из записей трех человек: Г.Х. Шахназарова, В.А. Медведева, который был сначала зав.отделом, потом секретарем ЦК, потом членом Политбюро, и А.С. Черняева, т.е. моих. Научный вид, научный характер этому произведению, придавал А.Б. Вебер. Он, в основном, является автором этого сброшюрованного Оглавления, которое очень тщательно подготовлено, дает широкое представление о том, что заключено в 3000-страничном сборнике.

В этих записях — полная картина того, как и что обсуждалось на Политбюро и в других местах. Как спорили, как ругались, как расходились и сходились. Как принимали решения, как их отменяли, переделывали, как возвращались к одному и тому же вопросу. Как менялась ситуация. Сборник содержит уникальную информацию, которой располагали члены Политбюро по своим источникам. Эта информация дает понять, как менялись взгляды по ходу развития событий, как возникали сначала разногласия, потом противоречия, как постепенно менялись отношения между членами Политбюро — от дружественных, единомышленных к прохладным, а в некоторых случаях, и враждебным..

Таким образом, в проекте — живая картина деятельности организма, который по существу и определял политику, судьбы страны.

Каков был принцип составления записей и подготовки самого проекта? Я недавно перечитывал Фукидида. Реймон Арон (при всем его безбрежном релятивизме) считает, что этот грек создал образец описания истории. Его принцип: что слышал, что видел, то и записал. Этот принцип так сформулировал намного позже Тацит: *Sine ira et studio* (т.е. без гнева и пристрастия), но сам ему не следовал, а вот Фукидид держался его последовательно. Мы тоже руководствовались подобным принципом: что видели, что слышали, то и записывали, и потом включили в проект. А.Б. Вебер очень тщательно следил за тем, чтобы мы не добавляли в текст свои страсти и свои эмоции, потому что страстей и эмоций достаточно в самих материалах проекта.

Я позволю себе сослаться также на фон Ранке, основателя историографии нового времени. Он тоже придерживался похожего принципа: пишите так, «как было на самом деле». Очень просто сказать, но не просто этого добиться... Тем более, что к его времени философы так запутали гносеологию, что историки уже не знали, как искать истину, что она из себя представляет и существует ли вообще как таковая.

Мы надеемся, что лет через эдак две тысячи с половиной, которые нас отделяют от Фукидида, кто-то вспомнит о великом событии, каким явилась в мировой и в нашей истории перестройка, и помянет добрым словом наш «скромный труд». По-моему, без знания материалов, включенных в проект, невозможно понять суть перестройки, ее намерения, ее главную идею, глубоко и серьезно разобраться в процессах, которые развернулись под влиянием идей и политики перестройки. Так мы сами себя в этом смысле оцениваем. Своим проектом мы решили оказать помощь тем, кто готов неангажированно и непредубежденно заниматься величайшим событием нашей истории.

Миф, пиар и обман

Г.А. Боровик,
журналист

Мы живем в эпоху победы пи-ара над разумом. Оказывается, и раньше эта победа была ощутима — только достигалась она другими путями, не теми, которые используются сегодня.

Для меня основополагающим заявлением, которое помогло мне понять, что происходит с нашей историей и с нашим настоящим, явилось заявление хорошего и уважаемого кинорежиссера, который сделал фильм о богатой, быстро развивающейся, демократичной почти идеальной России, существовавшей при царе. Когда критики начали обвинять его в сильных отклонениях от истины, он ответил: «Ну и что? Мы так много вдали, говоря о дореволюционной России, как об отсталой и недемократичной стране, что не грех сейчас приврать о ней и в другую сторону!»

Сегодня критерий факта настолько расплывчат, что факт или то, что выдается за факт, почти всегда используются в целях либо политического пи-ара, либо коммерческой рекламы. Установить истину очень трудно, как трудно определить роль того или иного выступления в печати, по ТВ, роль того или иного произведения литературы, искусства, кино в создании мифа или правдивой картины нашей сегодняшней и вчерашней жизни.

Обман сейчас принят как совершенно законный ход в дискуссии, в полемике.

Не далее, как сегодня, довольно пожилой человек подошел ко мне на улице и спросил: «Простите, я вас узнал?». Я ответил, что все зависит от того, за кого он меня принимает. Человек назвал мою фамилию. Я говорю: «Ну, вроде бы, да, узнали». «Тогда объясните мне, пожалуйста, — говорит он, — вчера по телевидению передавали заявление правительства о том, что за последний год реальные доходы рос-

сиян выросли на девять процентов. Скажите, пожалуйста, у вас они выросли на 9%?». Я отвечаю: «Вы знаете, нет». Он говорит: «А на сколько процентов они у вас выросли?». Я говорю: «Честно говоря, я не подсчитывал, но мне кажется, что они упали, я не знаю, на сколько процентов, но сильно упали». Он говорит: «Вы знаете, удивительная вещь — у меня то же самое».

Я задаю себе вопрос: как можно миллионам людей, которые смотрят телевизор, знают цены в магазинах, как можно им говорить, что их реальный доход вырос на 9%? Я понимаю, как это просчитывается. Нефтяные деньги, которые идут неизвестно куда, делятся на число населения и получается средняя цифра, как в той больнице, в которой «температура, в среднем, нормальная». Но простите, какое это имеет отношение к смелой фразе «реальные доходы россиян»?! Как может так говорить член правительства? Но он говорит. И через десяток лет кто-то будет утверждать, ссылаясь на эти слова, что «так оно и было». А кто-то будет возражать: нет, это неправда. И еще кто-то скажет: «Ну и что? Пусть неправда. Но мы так много дурного говорили о России начала XXI века, что можно приврать и в обратную сторону». И назовут это полит-технологией или пи-аром. А раз полит-технология или пи-ар, значит, можно узаконено врать. И все опять повторится с начала

Я сильно сомневаюсь, что в эпоху пи-ара и господства полит-технологии над разумом, мы сможем восстановить объективную историю — и все же надо пытаться.

Двадцать лет назад началась перестройка. К нашему времени она обросла таким грузом сознательно созданных мифов, что пробраться к правде, к той атмосфере надежды, которая господствовала тогда, совсем нелегко. Я очень надеюсь сделать документальный фильм о перестройке и не поддаваться при этом искушению говорить о том времени надежд — одно только хорошее.

Результаты реформ 90-х годов в большой степени провальны, ухудшение качества жизни большинства населения несомненно. Все это потрясло общество. Конечно, происходит абберрация сознания, и набирает силу миф о том, что

все было прекрасно 20 лет назад, нечего было начинать перестройку и вообще, во всем виноват Горбачев.

Еще миф — «во всем виновата Октябрьская революция». И долой праздник 7 ноября. А вместо него — восставшим справедливость и отпразднуем, наконец-то, освобождение всех нас от поляков! Как легко было бы жить, если бы благополучие страны зависело от перемещения праздников и переименования улиц!

Мы не имеем права позволять уйти в небытие очень многому из того, что дала перестройка. Мы просто не имеем на это права, если мы собираемся всерьез думать о нашем будущем.

Мы живем в очень неблагоприятном мире. Ему — миру — тоже нужна перестройка.

Исторические знания и проблема идентичности

И.А. Климов,

к.с.н., Фонд «Общественное мнение»

Я хочу начать с постановки под сомнение одного из тезисов, прозвучавших в выступлении Александра Каменского — тезиса, что из российского массового сознания «выпала» советская история. Судя по результатам социологических исследований, проводимых Фондом «Общественное мнение», советский период — это часть исторической памяти, которая, безусловно, существует и которая характеризуется большим числом проблем и аномалий. Их нужно изучать, с ними нужно скрупулезно разбираться — и отнюдь не в уничижительных категориях «массового сознания», родства не помнящего и истории не знающего. Рассматривая отношение к советской истории в рамках проблематики социальной памяти, нужно остановиться на нескольких важных моментах.

Воспоминания и знания о советской истории характеризуются огромным количеством аномалий. Речь идет о том, что в сознании людей присутствуют не примиренные между собой воспоминания, сведения, знания, мифологизированные сюжеты. Когда мы спрашиваем респондентов о том, что такое фашизм или коммунизм, или когда мы разговариваем с ними, например, о Сталине или о войне, когда так или иначе мы начинаем говорить о смыслах и значении исторических событий или деятелей, всегда обнаруживаются знания «иной истории» — той, которую человек не принимает, но о существовании которой он знает и, может быть, даже знает ее основные утверждения и нарративы. Но главное все же состоит в том, что он не принимает ее, что она для него неудобна и отвергаема — будь то официальная советская история или же ее перестроечная версия.

Так, когда мы попросили респондентов поразмышлять на тему «фашизм и коммунизм — одно и то же или разное?», выяснилась очень странная вещь. Оказалось, что дискуссия о советской истории, о том, что такое коммунизм, социализм, СССР, не прошла бесследно. Но результат ее не в том, что люди что-то усвоили и изменили свои представления о советском времени, а в том, что они болезненно переживают незавершенность самой дискуссии. Отсутствуют внятные формулы, которые примирили бы героизм и преступления, например, представления о войне как о подвиге, и знания о преступлениях, чудовищных даже по меркам войны. Оказалось, что люди, которые придерживаются диаметрально противоположных позиций, не могут ни договориться, ни признать правоту той или другой точки зрения, потому что доводы обеих сторон оказываются очень сильными, друг друга не отменяющими и не перекрывающими. «В чем различие сталинских и гитлеровских лагерей? Если Сталин — зло, то с кем мы воевали и самое главное — почему победили?» Подобные нерешенные вопросы можно множить.

Для социальной памяти о советской истории характерен образ «новой бессубъектности». Прежде люди знали, что является «нашей историей», а что — «не нашей» (пусть не чужой, враждебной, отвергаемой, но иной — например, американский документальный сериал «Неизвестная вой-

на» смотрели и как «их» взгляд «на нашу» историю). Сейчас такое понимание, в значительной мере, утрачено. Постоянный рефрен в опросах и в обсуждениях на фокус-группах: «Мы усвоили, что прежде нам очень много вдали: обманывали, скрывали, умалчивали. Но мы на 100% уверены, что сейчас происходит то же самое. Чувствовать, что тебя обманывают, тобой манипулируют — унизительно, поэтому мы не верим ни тому, что рассказывали раньше, ни тому, что произносится сейчас».

Две ключевые проблемы — включение в свой горизонт знаний и в свой опыт знания о негативных событиях, а также доверие к источникам информации — фиксируются, практически, в каждом обращении к проблемам социальной памяти, идет ли речь о памятных датах или об исторических персоналиях. Надо иметь в виду, что с течением времени происходит изменение принципов функционирования социальной памяти в отношении событий недавнего прошлого. Как минимум, меняется непосредственная, личная связь с этим временем — она заменяется ориентацией на некоторую систему знаков, напоминаний о том, что было.

Ту же проблему можно представить как уход от мифологических конструкций и обращение к знаниям об истории. В классической традиции считается, что миф и история, миф и знание — две разные мнемонические практики. Оказывается, что сейчас не просто отсутствует более или менее сформированная система значений, связанных с советским временем, но довольно распространенным является отсутствие самого желания узнавать, задавать себе вопросы, формулировать представления о не-знании и преодолевать свое незнание.

Простая иллюстрация. Когда мы расспрашиваем людей о праздниках, связанных с памятными датами, стандартно присутствует ответ: «историю нужно знать, историю нужно помнить, надо извлекать уроки из истории». Однажды, в опросе о начале Великой Отечественной войны, проводившемся в очередной раз к 22 июня, мы спросили (предполагался ответ в свободной форме): какие, собственно, уроки нужно извлекать из того, что случилось тогда? Люди, как правило, отделялись ничего не значащей формули-

ровкой «историю нужно помнить», и доля таких ответов была существенной — примерно, 12%. На фокус-группах, где обсуждалась тема 22 июня, респондентам было предложено поразмышлять над тем, почему, собственно, следует помнить о событиях начала войны, какие уроки следует извлекать из этих событий. Главный вывод, который можно сделать на основании сразу нескольких дискуссий, состоит в том, что в высказываниях типа «историю нужно помнить» нет устойчивого содержания и отчетливой аргументации. Продолжение разговора с большой вероятностью застаёт людей врасплох, провоцирует их на спонтанные ответы или же на «ход в сторону» — смену темы.

В то же время, когда мы спрашиваем о смысле 9 Мая, доля подобных квазиответов составляет 5–6%, а когда в канун 5 марта мы говорили о Сталине, их численность выросла до 25%. Что это означает? Мое предположение состоит в том, что квазиответы — свидетельство «растерянности», неопределенности «онтологического значения» исторического события или явления, о котором заходит речь. Чем более «неудобными» или же непонятными являются исторические сведения, тем сложнее человеку включить их в свое мировоззрение, в систему представлений о себе и обществе, о своем прошлом, о своем опыте, о сегодняшнем дне. С этой точки зрения, праздник Победы в своем онтологическом значении оказывается наиболее четким и определенным, а фигура Сталина — наиболее проблемной

Знания, привнесенные публикациями конца 80-х — начала 90-х годов, вступили в конфликт с идентификацией граждан. Оказалось, что людям очень трудно встроить знания о негативном, отрицательном опыте в систему представлений о себе. Речь идет не о коллективной идентичности, а о процессе идентификации конкретного человека, которого мучает, например, вопрос: как я буду выглядеть в своих же собственных глазах, если я знаю, что мой дед, мой отец участвовали в репрессиях? Подобные аномалии и нерешенные проблемы возникают на каждом шагу, и люди говорят об этом, когда им предлагают сформулировать смысл и значение событий, связанных с советским периодом нашей истории.

В качестве резюме. Любые исторические знания — это не просто некоторые факты или описание последовательности событий, но еще и рассказ современникам о том, кто они такие сегодня, а не только в прошлом. В связи с перестройкой и в результате перестройки появилась новая, альтернативная прежней информация о советском периоде истории, но не было предложено объяснений или формул, которые помогали бы людям встраивать представления, в первую очередь, о негативных сторонах собственной истории в систему представлений о самих себе. Эта проблема не была сформулирована ни в «ученом сообществе», ни в общественной дискуссии. В результате в социальной памяти обозначились «болевы́е точки», которые используются различными силами для манипуляции массовым сознанием и решения своих политических задач.

Проблема знания своей истории — это проблема идентичности. Усвоение такого знания, в том числе, знания о негативном историческом опыте обусловлено этой особенностью функционирования социальной памяти. Поэтому следует очень осторожно подходить к различению мифа и знания. Если знание оскорбительно по своей форме, человек предпочтет миф — существующий или вновь сконструированный. Одновременно миф может служить стимулом к познанию, к приобретению знаний, лежащих вне мифологической конструкции.

Массовые представления о 1991-м годе: господство «простых» формул?

И.В. Задорин,

к.с.н., Исследовательский центр Циркон

Темой круглого стола является обсуждение того, как складывается новая мифология о сравнительно недавней истории России и истории перестройки. В этом контексте я хотел бы на нескольких иллюстрациях показать текущее со-

стояние процесса складывания новой мифологии об одном, можно сказать, ключевом этапе перестройки, а именно о ее завершении. Еще точнее, буквально о двух событиях 91-го года — августовском путче и распаде Советского Союза.

Я приведу здесь всего несколько иллюстраций, хотя мы знаем, что исследований на эту тему достаточно много, и, наверное, коллеги здесь знакомы с ними. Я не специалист по мифологии, но, как мне кажется, одной из характеристик любого мифа является его относительная понятность, так называемая когнитивная простота. И в любом мифе, как правило, должно быть достаточно четкое и понятное разделение на «плохих» и «хороших», на добро и зло.

Каким образом воспринимаются сегодняшней Россией события того же августа 91-го года. Кого из тогдашних противоборствующих сторон россияне сегодня считают «хорошими», а кого «плохими». Приведу несколько цифр из опросов населения России последних лет.

На рисунке 1 приведены данные опроса Фонда «Общественное мнение», проведенного в августе 2001 года к 10-летию событий 91-го года. Тогда был задан вопрос — *«На чьей стороне были ваши симпатии во время путча?»*. (См. рис. 1). Мы понимаем, что люди в настоящее время во многом отвечают на такие вопросы уже с известной переоценкой прошлых событий. Но себя «в прошлом» они ставят все-таки, как говорил Иван Климов, в такую позицию, чтобы не выглядеть неприлично «в настоящем». И мы видим, что подавляющее большинство сегодня дает весьма неопределенные ответы — *«ни на чьей стороне не был»*, *«не помню»*, *«затрудняюсь ответить»*. Только немногим более 40% респондентов в той или иной степени откровенно говорят, что у них были в то время какие-то определенные позиции, симпатии и предпочтения. Таким образом, получается, что сегодня «прилично» не солидаризироваться ни с одной из сторон тогдашнего конфликта, а, скорее, наоборот, дистанцироваться от них.

Если бы вы сейчас вернулись в те августовские дни, на чьей стороне были бы ваши симпатии?

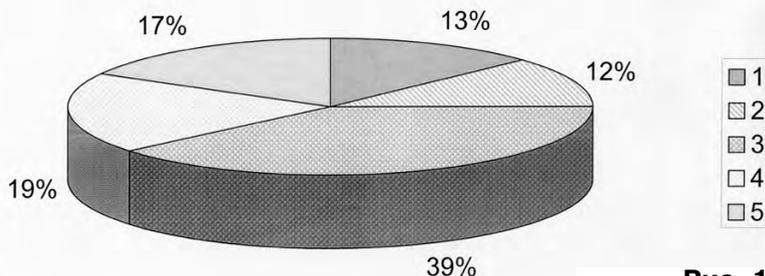

Рис. 1

1. На стороне организаторов путча (руководителей ГКЧП) — 13%
2. на стороне Президента РФ Б. Ельцины и тех, кто его поддерживал — 28%
3. ни на чьей — 31%
4. не помню — 14%
5. затрудняюсь ответить — 14%.

Источник: ФОМ, август 2001

Другой вопрос, совсем недавно заданный ВЦИОМом — «А если бы вы сейчас вернулись в те августовские дни, на чьей стороне были бы ваши симпатии?». (См. рис. 2). Мы видим, что ситуация серьезно изменилась в одной конкретной позиции. А именно: на стороне ГКЧП тогда по собственному признанию были 12% респондентов, а сейчас 13%, что, собственно говоря, одно и то же. То есть позиция тех, кто был на стороне ГКЧП, достаточно устойчивая. А вот позиция тех, кто был на стороне Ельцина, изменилась. Признались, что тогда были за Ельцина 28% опрошенных, а сейчас встали бы на его сторону только 12%. Таким образом, можно говорить о некоторой переоценке. Тем не менее большинство респондентов сегодня позиционируют себя в таких альтернативах, когда «обе стороны не вызывают сим-

патий», «до сих пор не успел разобраться в ситуации», «затрудняюсь ответить».

1. На стороне ГКЧП — 13%
2. на стороне Б. Ельцина и других противников ГКЧП — 12%
3. обе стороны не вызывают у меня симпатии — 39%
4. до сих пор не сумел разобраться в ситуации — 19%
5. затрудняюсь ответить — 17%

Источник: ВЦИОМ, август 2004

Четкое позиционирование себя относительно основных противоборствующих сторон в 91-м году для большинства населения еще затруднено. Этой позиции нет до сих пор. И это как раз первый тезис, о котором я хотел сказать. Ясности мифа еще нет, где «хорошие», а где «плохие», до сих пор непонятно и спорно. Иными словами, можно предположить, что полноценного мифа о 91-м годе в привычном понимании мифа до сих пор нет, он еще в стадии формирования, он еще только-только складывается. И определенного отношения к тем событиям нет у большинства сегодняшних россиян.

Посмотрим на другой вопрос ФОМ: «*Как бы вы сейчас оценили эти события?*». (См. рис. 3). Респондентам задавались три альтернативы ответа — «*победа демократии, закончившей с властью КПСС*», «*трагедия, имевшая гибель-*

ные последствия для страны», и «просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны». Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть, что преобладающее большинство респондентов сегодня все-таки оценивают те события как «эпизод борьбы за власть». То есть нет отношения к путчу, как к событию, которое имело бы какие-то объективные предпосылки, какие-то фундаментальные причины. Августовская революция сейчас фактически воспринимается как некоторое «верхушечное» действие.

Как бы вы сейчас оценили эти события (путч 1991 год)?

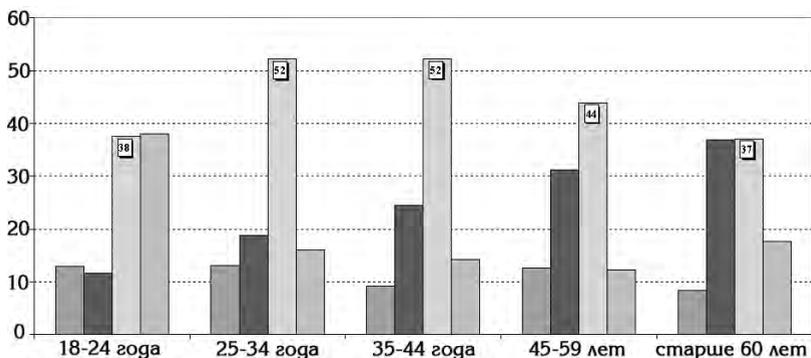

Рис. 3

1. победа демократии, покончившей с властью КПСС
2. трагедия, имевшая губительные последствия для страны и народа
3. просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны
4. затрудняюсь ответить

Источник: ФОМ, август 2001

Кстати, в 91-м году в сентябре сразу же после августовских событий ВЦИОМ задавал россиянам вопрос «В чем вы видите главные причины неудачи ГКЧП?», и тогда на первых местах в ответах респондентов были такие причины, как «сопротивление народа», «решительные действия руководства России». По моему мнению, утверждая, что «сопротивление народа» — это «важнейший фактор провала путча»,

сами граждане хотя бы в некоторой степени воспринимали себя субъектом событий. И таким образом считали себя тоже причастными процессу. А сейчас, когда задают тот же вопрос «*в чем причина неудачи ГКЧП*», респонденты чаще говорят — «*плохая подготовка и организация переворота*». То есть теперь люди стараются дистанцироваться от тех событий. Они уже не хотят считать себя ответственными за тот исторический слом, они говорят о том, что это власть (одна группа власти, другая группа власти) боролась тогда сама с собой, а нас (народа), строго говоря, там не было.

Выделю очень важный фактор, от которого, прежде всего, зависит восприятие прошлых событий. Этот фактор — возраст. (см. рис. 3) В ответах на вышеприведенный вопрос есть такая альтернатива: «*события августа 1991 года — это трагедия для страны и народа*». В большинстве своем такая позиция присуща лицам старшего поколения. Доля сторонников этой позиции возрастает от младшей возрастной группы к старшей, доходя до 35%. У лиц среднего возраста, то есть самого активного возраста, именно в тот период начала 90-х самый распространенный ответ в том, что это был «*просто эпизод борьбы за власть*», данная альтернатива ответа откровенно доминирует — больше половины респондентов средневозрастной группы выбирают именно эту альтернативу. Самое интересное: в самой молодой группе, как мы видим, очень много респондентов, просто затрудняющихся сформировать и высказать свое мнение.

Таким образом, приходит новое поколение, которое впереди себя, то есть в чуть-чуть более старшем поколении, видит точку зрения, что события 1991 года были, прежде всего, борьбой за власть. А это все-таки такое поколение, которое не участвовало в тех событиях и само ничего не видело, в этом смысле у него вообще нет по-настоящему своей точки зрения. Для них получается выбор между двумя альтернативами: либо это была борьба за власть, либо «не знаю, что это было». Это еще один довод в пользу главной формулы моего сегодняшнего выступления о том, что мифа еще нет, но он должен появиться, потому что на него есть очевидный запрос со стороны нового поколения. Подчеркиваю, появляется новая группа людей, которая, как я пони-

маю, все-таки будет задавать себе определенные вопросы о конкретном периоде истории, а ответов пока нет. Я имею в виду, что нет вполне определенных, ясных и четких ответов, соответствующих настоящей политической мифологии.

Еще несколько иллюстраций. С 1991-го года началась новая история России. И социологи ВЦИОМа и Левада-Центра в последние два года задавали вопрос про исторические последствия того периода «Как вам кажется, начиная с этого момента страна пошла в правильном или в неправильном направлении?». (См. рис. 4).

19 августа исполняется очередная годовщина «путча» 1991 года, после которого, как говорят, началась новая история России, как вам кажется, начиная с этого момента страна пошла в правильном или неправильном направлении?

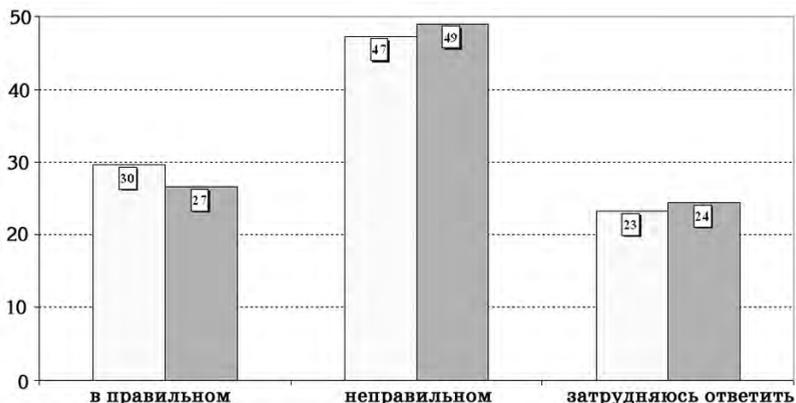

Рис. 4

1. ВЦИОМ 15–18 августа 2003 г.

2. Левада-центр 16-19 июля 2004 г.

Мы видим, что большинство респондентов высказываются о «неправильном» направлении, хотя есть, в общем-то, достаточная группа одобряющих. Но самое интересное — другое. Из половины респондентов, которые говорят, что страна после 91-го года пошла в неправильном направлении, подавляющее большинство называют причиной это-

го «неправильные» действия конкретных политических персон. (См. рис. 5). Т.е. не «трагическая случайность», не «объективная ослабленность страны после 70-летнего правления коммунистов», не «алчность чиновников», и даже не «интриги мирового капитализма в лице США и других стран Запада», а либо недальновидная политика Михаила Сергеевича Горбачева, либо такая же некомпетентность, ошибки Ельцина и т.д.

Что стало главной причиной того, что страна пошла в неправильном направлении

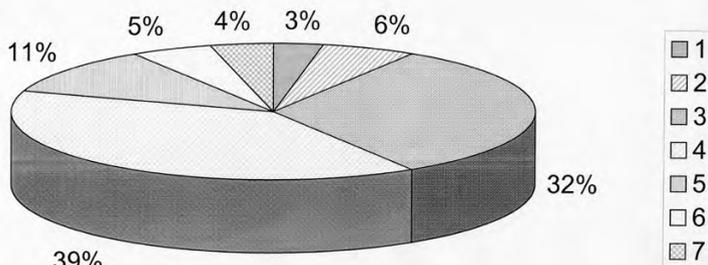

Рис. 5

1. Случайность, трагическое стечение обстоятельств — 3%
2. страна была ослаблена 70-летним правлением коммунистов — 6%
3. недальновидная политика М.С. Горбачева — 32%
4. некомпетентность и ошибки Б.Н. Ельцина и его окружения — 39%
5. алчность чиновников, стремившихся прикарманить богатства России — 11%
6. интриги США и других стран Запада — 5%
7. затрудняюсь ответить — 4%

То есть что в массовом сознании отсутствует представление об этих процессах как о комплексе явлений, связанных с очень многими разными факторами, причинами, со многими разными социальными группами, группами влияния и интересов, сложными политическими механизмами и

т.д. Люди, в общем-то, не осознанно упрощают явление, потому что таким образом миф проще усваивается. А какое может быть самое эффективное упрощение? Персонализация процесса и возложение ответственности на конкретных лиц. Вот один из элементов складывания мифа — при нынешних тенденциях важнейшими элементами его, очевидно, будут не объективные явления, не сложные механизмы и комплексы причин, а конкретные персоны.

Это что касается путча. Как мы понимаем, здесь не то что бы последнего слова, а и предпоследнего слова не сказано в формировании устойчивого мифа.

А что касается общественного мнения о распаде СССР, случившемся буквально через несколько месяцев после августа 91-го, то ситуация несколько иная. Здесь, несмотря на то, что время все дальше и дальше уводит нас от тех событий, переоценки не происходит на протяжении всех этих лет. По самым разным данным разных опросных центров подавляющее большинство россиян (65–70%) сожалеют о распаде в 91-м году Советского Союза. Данные ноябрьского (2004 г.) опроса «Левада-Центра», в котором 71% опрошенных высказали сожаление о кончине великой страны, представлены на рис.6.

**Сожалеете ли вы сейчас о распаде в 1991 г.
Бывшего Советского Союза?**

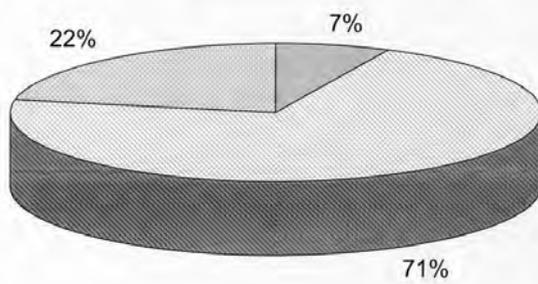

Рис. 6

1. Да — 7%
2. нет — 71%
3. затрудняюсь ответить — 22%

Источник: Левада-центр, ноябрь 2004.

По вопросу «А был ли распад СССР неизбежен или его можно было избежать?» большинство по-прежнему считает, что его можно было избежать. (См. рис. 7).

**Распад Советского Союза был неизбежен
или его можно было избежать?**

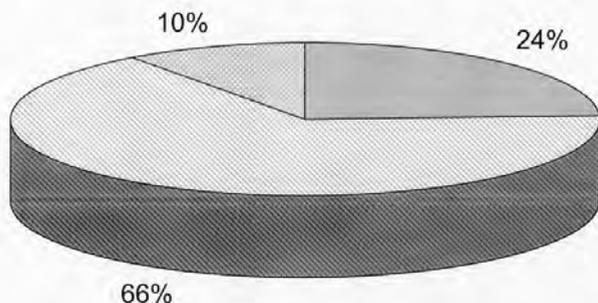

Рис. 7

1. Был неизбежен — 24%
2. можно было избежать — 66%
3. затрудняюсь ответить — 10%

Источник: Левада-центр, ноябрь 2004.

То есть и здесь россияне не становятся на точку зрения объективности процесса и его неизбежности в силу многих исторических факторов (как об этом теперь говорят некоторые деятели, действительно ответственные за распад Союза). Все равно подавляющее большинство россиян видят за развалом СССР определенные, вполне персональные действия, которые можно было бы предотвратить или скорректировать, и таким образом, история пошла бы по-другому.

В заключение я хотел бы, исходя из приведенных очень простых иллюстраций, высказать следующее предположение. Я уже говорил, что, на мой взгляд, мифология 1991-го года еще не сложилась, она только-только складывается. Фактически — это плацдарм будущей борьбы за восприятие всей недавней истории России. Насколько я знаю, миф о Великой Отечественной в официальной пропаганде тоже стал складываться только к моменту 20-летия Победы, ког-

да в 65-м году готовились к соответствующему юбилею. До этого времени не было такого уж четкого расписывания этого самого мифа. А если мы заглянем в еще чуть более ранний период? Когда появился миф об Октябрьской революции — не тогда ли, когда появился Краткий курс ВКПб? То есть через те же самые 18–20 лет после революции.

Иными словами, можно предположить, что есть некий исторический цикл, который во многом, наверное, связан со сменой поколений и приходом нового поколения, не имевшего личных впечатлений от конкретных событий. Проходит 18–20 лет, и возникает необходимость легитимации тех событий перед новыми взрослыми гражданами страны. Все это означает, на мой взгляд, что мы с очевидностью идем к написанию «Краткого курса перестройки». Возможно, все-таки в ином жанре, но кто-то обязательно будет пытаться выполнить эту задачу. То есть задачу не собственно написания этого самого «Краткого курса перестройки», но закладывания уже на длительный период определенных и вполне понятных формул и мифов о перестройке. Сейчас как раз наступает тот период, когда эти формулы будут складываться, и за них даже будет идти борьба. А к 2010–2012 гг. (тоже сакраментальный срок) написание Краткого курса должно быть завершено. К этому времени миф о перестройке и распаде СССР должен быть закреплен в массовом сознании. Ну, а сейчас наступает фаза активной работы над его созданием и продвижением.

М.С. Горбачев, Президент Горбачев-Фонда

Надо научиться говорить «просто» о самых сложных вещах, потому что люди любят это. «Проще» не скажешь: «Союз развалил Горбачев». Это можно даже в рамку поместить — и не нужно никакого анализа, не нужно знать, кто сражался до последнего патрона, кто покидал дискуссии, сказав, что не пойдет по этому пути, если он ведет к развалу Союза. Но — «это длинно», это слушать надо, а легче найти простые формулы. Например, «Горбачев и его команда не

имели программы». Хорошо — не имели программы. Можно подумать, что в Политбюро сидел Горбачев или кто-то еще и писал программу о политических реформах в Советском Союзе. Я уверен, что этому человеку, по меньшей мере, дали бы возможность заработать в Магадане, но доехал бы он туда или нет — неизвестно.

Взрослые люди, что-то знающие, могут рассуждать критически, но сейчас входит в жизнь новое поколение, которому подбрасывают «простые» формулы и, по сути дела, лишают возможности разобраться в том, что же, в действительности, произошло.

Как уже говорил А.С.Черняев, мы собираемся опубликовать потрясающий политический детектив «Как «делалась» политика перестройки». Читая его, видишь, как менялись люди, как нарастала борьба, возникал раскол, наконец, враждебное отношение к Политбюро. Не зная этих материалов, бессмысленно спорить, доказывать, повторять одно и то же.

Идеи перестройки и мифы о перестройке

А.А. Бессмертных,

Президент Внешнеполитической Ассоциации

Я очень рад, что Михаил Сергеевич сейчас своей интервенцией возобновил разговор о перестройке. Мне хотелось бы сказать несколько слов о растущей неудовлетворенности тем, что тема перестройки, оценка ее роли в истории социально-политического развития страны, значимость нового мышления в фундаментальном переустройстве мировой системы затухают не только в общественном сознании, но и в работах профессиональных историков. Противоречивость оценок с политически поощряемым преобладанием негатива может привести к серьезным искажениям не только советской истории, но и самой интересной, оживля-

ющей части этой истории (6-летия перестройки). Истинная картина затуманивается в сознании свидетелей этих событий, и особенно тех, кто знает об этих событиях понаслышке или в толковании необъективных аналитиков.

Перестройка и новое мышление — это не только практика, но и совершенно новая идея. Давно замечено, что в истории на фоне богатого разнообразия фактов идей хороших или плохих — мало. Но зато, когда идее удастся протолкнуться через толпу суетливых фактов, она обретает способность довлеть над ними десятилетиями, а может быть, даже и столетиями. При этом происходит интересная вещь. Факты бросаются мстить, они облепляют, как муравьи, идею, скрывают ее или пытаются видоизменить. В результате на месте истины, а идея, на мой взгляд, — это нарождающаяся истина, вырастает миф.

Думаю, в контексте нашей дискуссии мы употребляем понятие «миф» как заблуждение. Иначе можно далеко зайти в дефинициях.

Мы не всегда считаем факт железной вещью. Факт не всегда защищает правду, он порой даже подставляет ее. Факт то и дело фарисействует и ведет себя как Иуда. Почему такое возможно? Мне кажется, потому, что факт оглашается, а значит и толкуется не только свидетелями, но и лже-свидетелями. Еще Гете сказал, что человек хватается за ложь, если она ему годится хотя бы на одно мгновение.

Отсюда образ истории современной России формируется не столько властью факта, сколько ожесточенной борьбой с рядом важнейших идей, которые родились в великое и странное шестилетие 1985–1991 годов.

Кто может претендовать на их авторство? Это немало-важный вопрос, поскольку большое количество претендующих на авторство людей затуманивают суть происходившего. Наша тренированная мысль подсказывает, что это либо «коллективный ум», либо «коллективный разум» и т.п. Но не только марксистская закваска подводит нас к такому выводу. Как у всякого благого дела, у идей 80-х годов много отцов.

Один из иностранных исследователей феномена появления мощного нового мышления в СССР — Роберт Инглиш.

Он опросил большое число деятелей 80-х гг. и результаты этих разговоров изложил в книге «Россия и идея Запада». Этот американский ученый — человек честный, но по-доброму несколько наивный. Он отводит главную роль в рождении и развитии идей перестройки либеральной академической элите, утверждая, что именно она создала теорию и концепцию перестройки и нового мышления. С другой стороны, он особо выделяет тех, кто на протяжении десятилетий был вовлечен в конфиденциальные переговоры с Соединенными Штатами по самым чувствительным проблемам безопасности — стратегическим, ядерным и космическим вооружениям. Объясняет это тем, что участники этих переговоров (это была небольшая группа людей) сумели сломать в себе традиционные предпосылки недоверия, страха, неприязни к другой стороне, научились видеть и вторую сторону медали. И, в конце концов, обретя некие черты надидеологической идентичности, сформировали что-то вроде либерально-реформаторского сообщества. Тут кое-что тонко подмечено, но это, конечно, не объясняет глубинность происходивших процессов.

Конечно, верно, что М.С. Горбачев с самого начала впитывал информацию и свежие мысли из книг и общения с представителями интеллектуальной элиты. Многие из них в своих опубликованных книгах и интервью скромно подтверждают свою историческую роль в воспитании Горбачева. Но поскольку реформаторские диалоги раскрывались прежде всего во внешней политике (я имею в виду новое мышление), а я был одним из реализаторов, исполнителей этого нового мышления, то могу с достаточной точностью засвидетельствовать следующее.

Никто из претендентов на авторские права на новое мышление не может и близко сравниться — по собственному вкладу, в развитие концепции мирного окончания холодной войны через решительные меры в области сокращения вооружений, в освобождение человечества и нашей внешней политики от идеологических оков, от застарелых подходов — с самим Горбачевым. Мне просто стыдно видеть во многих книгах некие претензии на оспаривание ответственности за идеи периода перестройки.

Автором принципиальных, фундаментальных открытий следует признать именно М.С. Горбачева. При этом, мне кажется, он не вымучивал эти идеи, скрипя пером, запершись в кабинете. Как показывали наблюдения (не только мои, а и, скажем, Шеварднадзе, с которым мы долго работали), чаще многие идеи рождались на глазах у других — порой просто экспромтом.

Михаил Сергеевич Горбачев принадлежит к категории вербальных политиков и мыслителей. В полемике или в дискуссиях он неожиданно высказывал поразительные по глубине мысли. Мы в Министерстве иностранных дел все это, конечно, фиксировали. Большие доклады о новом мышлении во внешней политике, которые исходили из МИДа, фактически, в большой степени, были разработкой идей, высказанных Горбачевым.

Изначально Горбачев хотел быть просто понятым. А в результате он сумел навязать истории конца XX столетия разумный вариант мирного развития целостного мира. Была предложена концепция перестройки страны и международных отношений в сторону безъядерного и ненасильственного мира. И этот мир начал строиться. Странниками нового направления стали миллионы людей, как известно, и в нашей стране, и в остальном мире. История впервые под прямым воздействием идеи двинулась в верном направлении. Сегодня спрашивали: в верном ли направлении двигаются исторические процессы? Вот тогда они двинулись в верном направлении.

Но произошли события августа и декабря 91-го года: обвал державы и вместе с ней власти перестройщиков. Появилась некая новая Россия, а вместе с ней заработала, воспрянув, система полуправд. Она стала обслуживать то, что у Бориса Раушенбаха именуется какократией, от греческого слова — «властью плохих».

Таким образом, какократия, обслуживаемая системой полуправд, начала лепить современную историю России. Эта лепка почти полностью совпала по образу с тем, что недавно в романе «Отрицание отрицания» написал Борис Васильев: «Когда социальный кустарник получил численное преимущество, армии кустов смели с лица России ее по-

следние тысячелетние дубы и вековые сосны». Кусты стали писать новую историю России, в которой вообще отрицается существование когда-либо крупных деревьев. Идеи перестройки стали почти запрещенными для произнесения, во всяком случае, вслух. Позитивное толкование понятия перестройки попало под серьезный запрет. Не только потому, что оно слишком близко ассоциировалось с Горбачевым, но и потому, что оно являло собой глубокую межу во внутрисполитических делах между Ельциным и Горбачевым.

Стержневой смысл этой межи неплохо обозначил наблюдательный английский посол в Москве Р. Брейтвейт. Он часто заходил в секретариат Михаила Сергеевича. В своей только что опубликованной книге «За Москвой-рекой перевернувшийся мир», он эту межу обозначил так: «В отличие от Горбачева, Ельцина сравнительно мало смущало кровопролитие». Вот эта пролитая в 1993 г. кровь и разделила две эпохи. Началось бурное развитие полуправд, о которых я говорю. Они столь же гротескны, сколь уродливы те подмосковные дворцы, что построила себе какократия. Часть этих полуправд ложилась в основу современной истории России.

Хотелось бы надеяться, что здравомыслие, которое проявляется нынешним руководством России в базисных делах формирования российской стратегии, позволит объективно оценить и вклад нового мышления в историческое развитие страны.

Я уже отмечал на «Горбачевских чтениях», что ни один министр иностранных дел России после 1991 года ни разу объективно не упомянул внешнюю политику периода Горбачева. Ни разу. Они сравнивали себя только с «мрачным» периодом Громыко, хотя и черпали основные идеи из запасников перестроечной дипломатии.

Сейчас я хотел бы кратко выделить несколько беспокоящих меня мифов, не имея времени разворачивать аргументацию вокруг них. Мифы, которые навязчиво присутствуют не только в умах, но и в работах ряда историков.

Первый неприемлемый миф: развал СССР — это результат перестройки как идеи. На самом деле (мы об этом сегодня говорили) эта грандиозная катастрофа была вызва-

на одновременно и в одном направлении действующими двумя разнородными силами — консерваторами (ГКЧП) и «демократами» (в кавычках), хотя были и истинные демократы, но их затоптали политические носороги.

Второй миф: новая Россия — это исконная Россия, перестроенная на демократический лад. На самом деле, это, к сожалению, всего лишь осколок России. В 1991 году была разрушена исконная Россия, которая существовала в политико-идеологическом облике Советского Союза. Конечно, был возможен вариант смены лишь «нутра» — социально-экономической системы, но с сохранением реальной державы: об этом довольно настойчиво говорит и общественное мнение. Такой вариант был возможен. Но этого не произошло.

Третий миф: происходящие после 1991 года перемены в России — это «демократическая революция». Таков почти аксиоматический тезис в большинстве работ. Это только частично верно. Но, по сути, речь идет о банальной реставрации капитализма в России, причем в далеко несовершенной модели. Февральская революция 1917 года была предпоследней действительно демократической революцией, увы, унесенной октябрьским ветром. Перестройка же была последней демократической революцией в России XX века.

Четвертый миф: СССР проиграл «холодную войну» Союзным Штатам. На деле же — кто участвовал в событиях, прекрасно знает — именно новое мышление, в известной мере разделяемое политической элитой США, позволило двум супердержавам совместно покончить с «холодной войной». Об этом свидетельствует масса документов. К сожалению, в позднем общественном мнении США, а потому и в России (которая, к сожалению, заимствует многое из политических общественных настроений США), это обстоятельство затушевывается, на глазах рождается ложная истина, о чем я говорил в начале.

Наконец, еще один миф неприемлемый и требующий разработки: развал Советского Союза — самый убедительный факт поражения СССР в «холодной войне». Это совершенно не так. Дело в том, что США не хотели развала Советского Союза, боялись развала и просили нас этого не допу-

стить. К тому же «холодная война» закончилась в 1989, а развал СССР произошел в 1991 г.

В заключение упомяну один «мстительный факт». Научного анализа перестройки как исторической идеи до сих пор не проведено. Участники событий, особенно рангом поменьше, задохнувшись от амбиций, устроили толчею у дверей, стремясь пролезть в историю: хитрят, лгут, тянут шею, чтобы их заметили. В результате путают историков, ведут их по ложному следу. Историки к тому же работают не в келье, а в реальном мире, раздираемом серьезной борьбой идей и борьбой интересов. Поэтому я заключаю свое выступление словами: не рискну их винить в застенчивом отношении к истине.

О «массовом» и научном историческом знании

А.С. Барсенков,
д.и.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова

Считаю избранную для дискуссии тему актуальной и важной. Лично мне она симпатична потому, что уже более двадцати лет занимаюсь историей исторической науки в СССР и в России, и почти столько же — реформами М.С. Горбачева. Хочу начать с того, история всегда будет наукой, которая будоражит сознание и вызывает к себе интерес, и никогда никого не будет оставлять равнодушной. Во-первых, людям свойственно, интересоваться своими корнями — откуда они произошли, что они унаследовали, с чем пришли в эту жизнь. Немаловажное значение имеют те историко-культурные ценностные ориентиры, которые сформировались у отдельных национальных и социальных групп в ходе длительного периода их возникновения и развития. Во-вторых, каждая эпоха несет свои вызовы, ставит свои вопросы, на которые нужно отвечать, оглядываясь на опыт

прошлого. Помимо этого, история всегда является важнейшим элементом любой политики. И к какой бы сфере человеческой деятельности не обращался человек, он неизбежно начинает с доставшегося ему наследия.

Академику М.Н. Покровскому принадлежит фраза, что история — это политика, опрокинутая в прошлая. Интересно, что высказывание, сделанное в начале 1920-х гг., опровергали в течение всего XX века — эту мысль академика вспоминают чаще, чем его труды. И на случай, ибо здесь затронут занимающий многих вопрос о том, насколько объективным может быть историческое знание, содержащееся в трудах профессиональных историков, и, следовательно, насколько сама история является наукой, если концепции научных трудов predeterminedены политической конъюнктурой. Большая часть споров обусловлена тем, что в массовых представлениях все знания о прошлом объединены одним понятием — «история». Между тем следует говорить о трех важнейших уровнях исторических знаний, которые качественно отличаются друг от друга, но находятся во взаимозависимости. Их существование обусловлено теми функциями, которые призвана выполнять в обществе историческая наука.

Первый уровень — это профессиональное историческое знание. В собственно научных трудах историки-специалисты, как правило, излагают события во всей полноте, с разных сторон, учитывая многообразие объективных и субъективных факторов. Но чаще всего эта история широкого читателя мало интересует, потому что существует в форме «толстых» и «скучных» монографий и далеко не у всех есть желание вникать во все ее нюансы.

Второй исключительно важный пласт истории — воспитательный. Он реализуется в ходе подготовки учебных программ, планов и учебной литературы в средней и высшей школе. Это тот пласт истории должен готовить граждан своей страны, воспитывать любовь и уважение к ней. Какая бы ни была страна, какую бы сложную историю она не имела, без бережного к ней отношения невозможно осуществление никаких-либо позитивных преобразований. Здесь создаются мобилизационные символы и мифы, которые ле-

жат в основе патриотического воспитания. Как точно заметил французский историк М. Ферро, нацию делают учебники истории. Поэтому школьная литература отличается от собственно научной, и ее создание требует особенно осторожного отношения и продуманных подходов.

И, наконец, третий пласт исторических знаний, который вызывает самый большой интерес, и преимущественно который был сегодня предметом нашего обсуждения. Это — исторические знания, используемые в политике. Часто они имеют мало отношения к профессиональной исторической науке и выступают лишь в качестве инструмента политической борьбы.

Все правители с давних времен использовали ссылки на историческую традицию, обычай, обосновывая принятие необходимых решений. Одна из самых откровенных фраз на эту тему принадлежит Бисмарку. Он сказал: «Я всегда найду сто историков и юристов, которые меня оправдают». В переломные эпохи этот тип исторических знаний востребован более других. Такая «история» дальше всего от истины. Любопытно, что прочно укоренившийся миф может подавлять объективное знание, если оно противоречит мифу. Известный сюжет — убийство С.М. Кирова. С хрущевских времен внедряется представление, будто Сталин был виновен в его гибели. Профессиональный историк Ю. Жуков, который по архивам изучал этот сюжет, документально выяснил, что Сталин не готовил это преступление. Но ранее созданный и кому-то нужный миф пустил глубокие корни в массовом сознании, и многие считают «неприличным» не знать, что именно Сталин организовал убийство своего преданного соратника.

Чем эти три уровня исторических знаний — профессиональное, воспитательное и политическое — отличаются друг от друга? Они отличаются, во-первых, полнотой представлений и, во-вторых, степенью достоверности. Школьная история менее полная и более «спрямленная», чем история профессионально-академическая, и это нормально. Школьников важно воспитывать на позитивных примерах, давая в то же время представление об общих закономерностях исторического развития. Учет возрастных особеннос-

тей (небольшой багаж знаний и отсутствие собственного социального опыта) диктует необходимость крайне осторожного освещения сложных и спорных сюжетов национальной истории, и требует не сводить ее к истории неудач и поражений. В качестве неудачного примера такого рода следует привести пользовавшийся определенной популярностью в 1990-е годы учебник И. Долуцкого. Считаю просто вредным изданный обществом «Мемориал» практикум для старшеклассников по теме «История политических репрессий в СССР». Так мы едва ли воспитаем граждан своего государства. О трудных сторонах нужно знать, о них следует рассказывать правдиво, но к такой сложной истории детей нужно готовить. Поэтому в учебниках характер исторической информации должен быть отобран особенно тщательно и продуманно.

Что касается использования исторических знаний в политических целях, то это было, есть и будет. И, к сожалению, после распада СССР мы вступили в длительную фазу активного и я бы сказал безудержного исторического мифотворчества. Это связано с тем, что на пространстве бывшего СССР в новых независимых государствах строятся новые политические нации, которые интенсивно формируют свою собственную мифологию.

Здесь уже упоминали Украину. С точки зрения профессионального историка там происходят явления вопиющего плана. Идет крайне тенденциозное переосмысление отечественной истории. Есть попытка вычленивать из единой многовековой российской истории историю только украинцев, украинской культуры, т.е. есть разорвать историю общего для всех государства на историю разных народов и преподнести эти «истории» как борьбу за свое национальное освобождение внутри России, а затем СССР. В качестве примера можно назвать изданный в Киеве в 2004 году двухтомник «Две Руси», не менее характерно название книги Л. Кучмы: «Украина — не Россия», где украинская история достаточно произвольно «вырезается» из российской. Эта вышедшая за подписью президента государства книжка далека от исторической правды, но что особенно печально — ее подготовили «специалисты» Института истории Украины. Это сви-

детельствует о том, насколько жесток социальный заказ националистического толка.

Украина любопытна еще и тем, что здесь в 1992–1993 годах всерьез обсуждался вопрос о введении в вузах новой дисциплины — «Научный национализм». Думаю, ассоциация с памятным всем «Научным коммунизмом» советских времен очевидна. Слава Богу, хватило такта от этой идеи отказаться, но угол переосмысления всей общественной жизни был именно такой. Из числа ярких примеров такого рода можно назвать перевод Гоголя на украинский язык. Понятно, что у Гоголя была возможность выбрать, на каком языке писать и с какой культурой себя ассоциировать. Сейчас выбор писателя «подкорректировали». Нынешняя украинская элита, интеллектуальная и политическая, ставит «украинский акцент» совершенно иначе, чем это было в реальной истории. Пока элита открыто демонстрирует «наступательную позицию». Кучма в своей книге по этому поводу высказывается совершенно определенно. Он считает, что раньше был крен в сторону русской культуры и русского языка, а теперь, по его мнению, ситуацию нужно исправить. Поэтому крен должен быть в другую сторону. То есть, он вроде бы признает, что ущемлять русский язык нехорошо, но на нынешнем этапе это, по Кучме, оправданно и искусственная украинизация вполне допустима.

К сожалению, такая ситуация на постсоветском пространстве еще более усиливает негативный эффект «избирательных», т.е. неполных и поэтому искаженных, исторических знаний. Этот эффект становится особенно ощутимым в связи с той огромной ролью, которую в нашей жизни играют СМИ, особенно электронные. Исторические мифы, которые мало соответствуют реальностям, укореняются посредством СМИ намного более совершенно, изощренно, чем это делалось раньше.

Хотя проблема осознается, тем не менее, разрыв между научным знанием и «упрощенной» историей, которая используется в пропаганде, в ближайшее время вряд ли будет сокращаться. Это будет продолжаться до тех пор, пока интеллектуальная элита, а вслед за ней и власть, не решатся ликвидировать существующий здесь зазор.

Вопрос о соотношении «массового» и научного исторического знания очень интересный, и он непосредственно связан с перестройкой. И здесь я хотел бы категорически возразить А.Б. Каменскому, который говорил о необходимости деидеологизации исторической науки. Думаю, многие эту иллюзию уже изжили: деидеологизированная наука об обществе невозможна. Гуманитарные сочинения несли, несут и будут нести определенный идеологический заряд. Общество не может мыслить одинаково, т.к. всегда существует объективная социальная основа для «оттенков» во мнениях. И на опыте последних двадцати лет мы вновь убедились, что «деидеологизация» означает лишь то, что ранее господствовавшие идеологии уступают пространство другим, и они в лучшем случае сосуществуют.

Поэтому мы можем говорить о необходимости учитывать позитивные сегменты различных идеологий. В нашей идеологической ситуации не принято акцентировать внимание на том, что во всех развитых демократических государствах есть и либеральная, есть социал-демократическая и консервативная идеологии. Все они находятся в очень сложных отношениях друг с другом, в чем-то уравнивающая крайности каждой из них. Умение понять своего оппонента, стоящего на иной, чем ты позиции, учесть его точку зрения при написании любого (в том числе исторического текста), — это важнейшие элементы профессиональной культуры любого гуманитария. До тех пор, пока не сформируется такая культура терпимости, в стране будут существовать учебники, в идеологическом плане разительно отличающиеся друг от друга.

Нынешнее положение в сфере как массового исторического сознания, так и в образовании, к сожалению, далеко от совершенства и начало складываться в период перестройки, когда не все из задуманного тогда реформаторами осуществилось так, как они предполагали. Именно с 1985 года предпринимались попытки качественно изменить ситуацию в исторической науке. На этом пути предстояло решить две огромной сложности задачи. Первая — избавиться от догматизма, который занимал прочные позиции в гуманитарных науках. Вторая — найти новые идеологические

ориентиры, на которых можно строить и науку, и политическую практику, которые позволяли бы составить адекватное представление об окружающем нас мире и служить опорой для внятной, рациональной и принимаемой большинством общества политики. Поэтому вполне закономерно в СССР в 1985–1991 гг. возник интерес и к либеральной идеологии, поскольку страны Запада, где она доминирует, исторически добились больших успехов. При этом в силу ряда причин социал-демократическое и консервативное течения были оттеснены на второй план.

Важная черта идеологической ситуации в период перестройки состояла в том, что отказ от старых ложных концепций намного опережал формирование замещающих их представлений. Особенно ярко эта ситуация проявилась в сфере школьного образования: в 1989—1990 гг.: существовавшие учебники уже явно не соответствовали уровню информированности общества, а новых еще не было. При этом профессиональные историки объективно не могли решить эту задачу быстро: им предстояло освоить огромную массу ставших доступными источников и заново осмыслить ранее запрещенные и тенденциозно трактовавшиеся темы. Тяжелее всех было школьным учителям: испытывая затруднения в использовании прежних учебников, они часто обращались к газетной и журнальной публицистике, а здесь ситуация складывалась неоднозначно. Журналисты активно взялись за ликвидацию «белых пятен» истории, что на практике привело к освещению лишь негативных сторон, прежде всего советского прошлого. «Количество» быстро переходило в «качество»: о несомненных достижениях забывалось, зато вся история выглядела как череда преступлений и провалов. Вспомним, как осенью 1988 года на встрече с журналистами М.С. Горбачев призывал их к взвешенному изложению событий, обращая внимание на то, что в советском прошлом было и героическое и трагическое. Однако тогда в информационном пространстве разумного баланса соблюсти не удалось, и журналистские порывы к сенсационности, к острым фактам подавили все остальное. Такая «история» в методологическом смысле мало отличалась от «Краткого курса истории ВКП (б)»: по сути, был сменен лишь знак. Хо-

чу напомнить одно из писем, которое было опубликовано тогда в «Огоньке». Приславший письмо читатель рассказал, как его сын, пришедший со школьного урока по истории Великой Отечественной войны, сказал: «Отец, каких же козлов вы тогда защищали». Это, конечно, крайность, но пример не единичен. Полагаю, что раскрепощенные перестройкой СМИ сыграли неоднозначную роль: декларируя раскрепощение сознания, они часто воспроизводили крайний субъективизм и избирательное отношение к фактам. В 1990—1991 гг. большая часть СМИ была вовлечена в политическую борьбу, в которой объективность не была востребована.

Я считаю, что окончательный обвал в идеологической сфере произошел после августа 1991 года, когда началось так называемое либеральное наступление; под флагом либерализма формировалась новая идейная нетерпимость, и идеологический баланс сдвинулся далеко от центра. Нынешнее общественное сознание находится по-прежнему в переходном состоянии, хотя некоторые позитивные подвижки все же наметились.

В заключение повторю, что между тремя уровнями знаний об истории, о которых я говорил, — «профессиональным», «просветительским» и «политическим» — сохраняется довольно сложная зависимость. И от того, каким будет отношение власти к истории, какие стороны этой науки будут востребованы, будет зависеть и будущее самой науки, и состояние массового общественного сознания.

***Я.Н. Засурский**, профессор, декан
факультета журналистики МГУ им. Ломоносова*

СМИ в очень большой степени отражают реальности политической жизни. Возьмите, например, события на Украине. Вы скажите, что СМИ это сказали: Янукович — за русских, Ющенко — за американцев. Это же не СМИ сказали, а был выдвинут тезис, видимо, теми, кто работал на Украине. Сейчас это все превратилось в очень серьезную политическую проблему.

Вчера вышел номер журнал «Economist» с заголовками: «Путин против Запада», «Путин против демократии и всех других» — вот ответ на антитезу Янукович-Ющенко. Английские журналисты в резко антипутинской статье, говорят: «А все-таки в России другие еще хуже, чем Путин, Путин — человек, который понимает, что такое Запад. А остальные — это еще хуже».

Конечно, здесь средства массовой информации выполняют очень важную, но очень негативную функцию, потому что, по существу, речь идет о том, что журналисты хотят вернуться к логике и риторике холодной войны. Даже у нас, может быть, нет столь ярко выраженной риторики холодной войны. Хотя у нас на третьем канале (ТВЦ) есть Алексей Пушков, который, конечно, видит мир в двух красках и очень боится, что американцы нас съедят.

Но в данном случае речь идет об очень серьезном английском журнале «Economist». Это не «Новые известия», не «Русский курьер» и не газета, которую издает Александр Проханов. Конечно, здесь виноваты журналисты, но журналисты следуют за политиками. И, к сожалению, журналисты очень сильно связаны с политиками.

Я думаю, что журналисты еще вернутся к этой теме. Я надеюсь, что они не бросятся в истерику, но многие западные дипломаты уже говорят о том, что Россия и Соединенные Штаты находятся сейчас не в тех отношениях, в каких они были, когда Михаил Сергеевич Горбачев начинал перестройку.

Журналисты обслуживают политику, но им положено обслуживать политику, а историкам не следовало бы этого делать.

А.С. Барсенков

Ясен Николаевич не опроверг меня, высказавшись в пользу великой роли средств массовой информации в современном мире, но вопрос в том, что вложить в уста журналистов. Мы прекрасно знаем, какое значение имеют «упаковка», мастерство журналиста, который может усилить или ослабить соответствующий эффект.

М.С. Горбачев

Вот кто вкладывает — это важно.

А.С. Барсенков

Это важный вопрос, но я думаю, что это тема отдельного «круглого стола».

Российский миф о западном опыте и развитие социальной сферы в России

В.Р. Шмидт,

Московская Школа экономических и социальных наук

Я хотела бы начать с того, что Мария Ферретти и А.Б. Каменский, в том числе, обсуждали консультативный и даже терапевтический эффект истории как возможности обнаруживать мифы, понимать их значение и ограничивать влияние. А.С. Барсенков тоже обратил внимание на эту задачу современной исторической науки, проводя различие между профессиональной и воспитательной историей. У меня, как у помогающего специалиста, вопрос, а существует ли клиент, которому такое понимание истории нужно?

Мне думается, что да, об этой группе я и буду говорить — именно о тех, кто создает социальную сферу и в ней работает. Обращение к проблеме мифов дает шанс найти ответ на вопрос, почему социальная сфера в России развивается так противоречиво, и как это отражается в повседневной практике обычных людей?

Мое убеждение состоит в том, что перестройка дала очень много шансов для социальной сферы. И в первую очередь, появилась та основа, которой не было раньше, и которая, как показывает опыт развитых стран и ряда стран Ла-

тинской Америки, становится неперенным условием активизации общественного и государственного секторов социалки, а именно — религиозный плюрализм. К сожалению, этот процесс закончился в 1991 году. Сегодня прозвучало некое новое для меня объяснение тому, почему плюрализм не развивался дальше и не внес свой вклад в развитие социальной сферы — миф о возвращении к имперской России, соответственно, доминированию одной религии.

Развитие социальной сферы в 80-е и 90-е г.г. происходило под влиянием мифа о том, что на Западе в социальной сфере все лучше, чем у нас. Сложился этот миф до перестройки, но влиять на ход развития институтов социальной сферы стал в период гласности.

Когда мы стали говорить о западном опыте, то для нас весь Запад сосредоточился в одной точке, а именно в США. Либерализация социальной сферы, которая происходила в США, еще не была осознана, но ее частные последствия были восприняты как эталон, которому необходимо следовать. Копирование американской модели оказалось весьма непродуктивным для нашей страны и привело к плачевным последствиям. Во-первых, возник так называемый вакуум служб, когда специалисты на местах сталкивались с проблемой вне сферы их компетенции, а делегировать носителя проблемы было некуда. А, во-вторых, само формирование социальной сферы было перевернуто с ног на голову. Изменение социальной сферы было начато с каких-то частных вопросов, без учета самых главных направлений развития социальной сферы — ее де-институционализацию, изменение системы финансирования.

Влияние мифа о том, что западная социальная сфера эффективнее нашей, было усилено и тем, что многие забыли о достижениях социальной сферы к середине 80-х гг. К концу 80-х г.г. были приняты многие законы и разработаны законопроекты — об обеспечении социальных прав инвалидов, о защите материнства и детства. Были предприняты шаги к обобщению сложившегося опыта психосоциальной помощи и встраиванию отечественной гуманитарной науки в общемировой контекст. Но все эти начинания остались нереализованными также, как и складывающийся плюрализм.

Отрицательные последствия нововведений в социальную сферу вместе с отказом от прежних достижений привели к формированию у специалистов чувства бесполезности их деятельности. За десять лет произошел исход нескольких поколений специалистов здравоохранения, образования, социальной служб.

Важнейшим условием преодоления мифа о возможности и нужности реализовать американскую модель социальной сферы становится понимание всего многообразия социальных моделей, например, тех же государств, благосостояния, а затем и подходов к анализу этих моделей.

Из-за недостатка понимания альтернативных путей развития социальной сферы и ее анализа появились новые мифы, которые выглядят как выбор между разными вариантами решения проблемы, т.е. как дилеммы, обозначающие ограничения социальной сферы. Начинает казаться, что существуют непримиримые противоречия, и что следует выбирать какой-то один вариант, например, государство или рынок, жесткие институциональные формы помощи нуждающимся или мягкие, де-институционализованные. То есть никакие подходы, методологически связанные со смешанными моделями благосостояния, которые так активно пропагандируются в странах Восточной Европы, в странах Латинской Америки, близких к нам странах, к сожалению, не получают своего распространения.

Кроме того, что мифы, выраженные в дилеммах, создают ложный выбор, они еще и формируют устойчивое представление о том, что есть хороший выбор и плохой. Например, выбор между институциональными, про-государственными программами, и программами, ориентированными на микросообщество и самопомощь трактуется как правильный, если сделан в пользу последнего из двух вариантов. Этот выбор — предмет активного обсуждения в развитых странах. Первый из путей, обоснованный в работах Э. Гидденса, часто подвергается сомнению как единственно верный — ведь не может человек постоянно принимать решение, действовать активно и менять среду в соответствие со своими потребностями. Второй путь обосновывается в работах П. Бурдьё, который подчеркивает роль традиций и ав-

томатизма в решении социальных проблем. Но сила мифа такова, что мы забываем о правомерности разных точек зрения.

Выход мне видится в следующем. Важно ориентироваться на западный опыт, но следует отчетливо понимать, что необходим ретроспективный анализ этого опыта, в котором важно понимать и доходить до того момента, с которого мы можем начинать сравнивать свою ситуацию с их историей решения той или иной социальной проблемы. И точно так же мы должны ориентироваться на свой ретроспективный анализ и понимать, до какого момента этот анализ важен для сегодняшнего решения. То есть очень часто мы уходим либо слишком далеко в историю, анализируя социальную сферу, либо мы остаемся слишком близко, т.е. мы не доходим до исторически сложившихся источников происходящих событий.

Например, трудности реализации альтернативными форм наказаний. Несмотря на правовое обеспечение этих форм и многочисленные проекты, эти формы не укореняются. Во многом, потому что мы не заглядываем на 40 лет назад своей и западной истории становления альтернативного наказания. Мы ограничиваемся в своем анализе проблемы тем самым периодом перестройки, гуманизации наших ценностей, который вроде бы начался тогда. Но мы не анализируем ту массовую культуру, которая стала складываться после репрессий, и учитывать степень распространения тюремной культуры в обществе, вклад этого явления в отношение к людям, попадающим в места не столь отдаленные, к пенитенциарной системе в целом.

Чтобы прийти до такого уровня анализа социальной проблемы рядовым специалистам — а я уверена, что они должны доходить до этого уровня понимания проблем, — нужно менять преподавание социальных наук. Оно должно становиться историчным. Важно не только менять курс истории, важно менять курсы социальной политики, курсы методов социальной работы и другие. Эти дисциплины должны становиться по-настоящему историчными в лучшем смысле этого слова, для того чтобы не только избавляться от мифов, но и предупреждать их появление.

Технократический миф в современной России

Д.А. Андреев,
к.и.н., МГУ им. М.В. Ломоносова

Когда я увидел заглавие сегодняшнего круглого стола «Власть факта и власть мифа», то сразу почувствовал изначально заложенную в нем контроверзу, противопоставление факта и мифа. Я же всегда исхожу из онтологической взаимосвязанности того и другого, ведь мифотворчество — непременный атрибут нашей жизни, чрезвычайно значимый элемент социальной практики и тем более политики. Другое дело, что следует отличать мифы креативные и эвристические от деструктивных и неэффективных.

В частности, одним из примеров последних мне представляется раскручиваемый уже несколько лет миф о технократизме, о технократии как некоей альтернативе жесткому либеральному режиму, осуществившему буквально тоталитарное вбрасывание страны в рыночную стихию в начале 90-х годов. Впервые о технократии у нас заговорили где-то в середине минувшего десятилетия. Своеобразной отправной точкой здесь можно считать президентские выборы 1996 года, когда ради самосохранения режим пошел на небывалые идеологические компромиссы. После прихода Путина технократизм стал вообще чем-то вроде государственной религии.

Само понятие технократии, его смысловое наполнение и идейный дизайн оформились на Западе в 60-е годы, в эпоху масштабного слома модернистских ценностей, когда, действительно, очень многие цели и ориентиры этого высококоразвитого общества оказались дискредитированы и опрокинуты. Именно тогда у практической политики возникла насущная потребность в некоей альтернативе, выразившейся в искусном сочетании профессионализма и респектабельности, с одной стороны, и социального компромисса

и здравого смысла — с другой. Из подобного запроса вытекала и претензия на внеидеологичность, власть обязывалась чутко реагировать на любые перекосы баланса общественных сил и их интересов, а также обеспечивать и координировать поиск и реализацию приемлемых для подавляющего большинства решений. Отсюда, кстати, можно перебросить мостик и к более поздней мифологии современной западной политкорректности. Иными словами, в основу технократизма закладывалась прагматика здравого смысла. Эта прагматика возводилась в ранг системообразующей основы духовной, смысловой и культурной жизни общества в целом и каждой конкретной личности в частности.

Однако сразу хочется спросить, а в чем заключаются критерии здравого смысла? Ведь политика — вещь очень сложная, она строится и на весьма тонких мотивациях, и на различных точечных символических акциях, и на образах религиозного мироощущения. Как все это вписывается в здравый смысл? Каким образом данную нематериальную сферу можно рационализировать и упаковать как некий политехнологический прием?

Я не могу понять, чем пресловутый «черный» пиар отличается от «белого», почему первый предают анафеме, а принципы второго преподают во всех курсах по менеджменту. И это притом, что технологически оба эти пиара абсолютно идентичны. И уж кому, как не технократам это должно быть совершенно очевидно. Цивилизация подошла к качественно новому состоянию своего развития. Виртуальность информационной эпохи окончательно хоронит классические субъектно-объектные отношения, переводя политику в принципиально иной регистр, в котором приоритет принадлежит не финансовым потокам или материальным интересам, а, скорее, стилевому своеобразием или эстетическому чутью на проектное мышление. На этом фоне вполне естественными и закономерными выглядят откаты от здравого смысла к прежней идейно-мотивационной «архаике». Яркий тому пример — недавние президентские выборы в США, на которых именно идеологические расхождения между республиканцами и демократами вдруг приобрели несвойственное обществу просперити значение.

2005 год — год Великой Победы. На Западе, насколько мне удастся это отслеживать, идет очень серьезное изучение истории именно проектно-технологической составляющей большой политики военного времени. И здесь интересно высвечивается соотношение здравого смысла и каких-то иных мотиваций. Данный вопрос становится предметом осмысления. Понятно, что анализировать ретроспективно гораздо проще, нежели создавать модели актуального настоящего или предполагаемого будущего. Однако процесс в этом направлении уже запущен, причем отнюдь не технократами, а как раз их оппонентами — вышедшими из пост-модернистской распутицы культуртрегерами наступающей информационной эпохи.

Иными словами, технократическая мифология — это рудимент уходящего модернизма. У нас же подобная мифология заимствовалась именно в качестве своеобразного философского камня, способного обратить дикий компрадорский сырьевой рынок в социально ориентированную государственность. Такая постановка задачи изначально абсурдна, ибо технократизм возникал именно как способ преодоления наиболее одиозных и устаревших черт эпохи Модерна, а в России рубежа II и III тысячелетий его пытаются приспособить для прямо противоположной миссии — консервации именно модернистских основ социально-политической среды. К тому же на Западе технократизм — это инфраструктурная оболочка гражданского общества. У нас же — сама суть политического процесса, своего рода альтернатива какой бы то ни было социальной самодеятельности. Поэтому вполне естественно, что технократизм, провозглашенный как некое новое слово в российской политике, стал всего лишь маскировкой завершающего этапа передела собственности в ситуации полного паразитирования на сырьевой ренте. На этом фоне все остальные процессы играют просто обеспечивающую роль типа создания претендующих на внепартийность квазиидеологий, причудливо совмещающих консервативную и чуть ли не самодержавную риторику с жестким праволиберальным экономизмом эпохи первоначального накопления.

В итоге наш доморощенный технократизм, подобно многим другим заимствованным мифам и социальным практикам Запада, стал просто-напросто очередной слабой подделкой под оригинал. Отсюда — и совершенно неконструктивный, недееспособный и неэффективный миф, обеспечивающий эту подделку.

Взять хотя бы даже сам образ верховной власти. Уж очень странным технократом выглядит президент Путин. Причем эта странность бросалась в глаза еще даже в пору его премьерства в статусе фактического наследника Ельцина. Тогда на фоне новой военной кампании на Северном Кавказе в пиаре Путина безусловно превалировала идеократическая семантика. Вместе с тем риторика самого Путина была сугубо и даже где-то по-школьному технократической, апеллировавшей к правовым основам государственности, социальному компромиссу, профессионализму. И это притом, что реальная энергетика, которой наполнялся образ нового лидера нации, проистекала из совершенно другого источника, скорее, даже вопреки собственным технократическим заявлениям Путина.

Или вспомним, как президент уже позже, в 2000-2001 годах, боролся с неугодными олигархами. Вырисовывается та же самая картина: пропрезидентское информационно-пропагандистское обеспечение данной интриги шло чуть ли не наперекор массовым ожиданиям электората, в среде которого популярность Путина была тогда еще неколебимой. Кремлевская мифоиндустрия, казалось, совершенно игнорировала спрос потенциальных потребителей технократической мифологии.

В итоге на сегодняшний день технократический миф трещит по швам. Достаточно указать на два весьма знаковых в этом отношении события. Во-первых, конечно, это трагедия в Беслане, в очередной раз доказавшая крайний непрофессионализм силового блока, прежде всего, в сфере агентурной профилактики подобных акций. Во-вторых, следует назвать поражение российского технократизма на украинских выборах. Глеб Павловский недавно очень точно заметил, что Россия здесь «сфокусировалась на механике выборов, но прозевала революцию». Данный факт пред-

ставляется особенно обидным, если учесть то обстоятельство, что революции как масштабные мегасоциальные действия пассионарны лишь по форме, но технологичны по своей сути. Украинская оппозиция, в отличие от ее пророссийских оппонентов, готовилась не к выборам, а к своеобразному «проекту опрокидывания» — «взятию власти в форме выборов», «революции в упаковке сорванных выборов». Слова известного политолога бьют в самую точку проблемы: наш технократизм страдает отсутствием, пожалуй, самой главной составляющей — проектности.

Нынешняя власть более не способна на креативное мифотворчество. Я убежден, что сегодня остается лишь одна единственная сила, которая может взвалить на себя подобное бремя. Это — неангажированный интеллектуальный класс или, точнее, то, что от него осталось после полутора десятилетий непродуманного экспериментирования со страной и ее народом. Именно эта среда еще в силах потянуть новый масштабный высокоинтеллектуальный проект прорыва в некое новое качество бытия, качество, определяемое уже практически наступившей информационной эпохой.

***Н.В. Ильинская, Академия Народного хозяйства
при Правительстве РФ***

В Академии Народного хозяйства при Правительстве РФ существует пять факультетов, на которых учатся дети, выросшие после перестройки. У них свободное мышление. Они задают очень откровенные, прямые вопросы и просят дать на них прямые ответы. Сейчас, услышав, как рождаются мифы, я все-таки задам вопрос учащимся факультета «Компьютерные технологии в бизнесе». Когда они узнали, что я иду на «Горбачевские чтения», то обратились ко мне с просьбой: «Пожалуйста, задайте Михаилу Сергеевичу, вопрос. Он был главнокомандующим. У него в руках был Союзный Договор. Почему он, как главнокомандующий, не поднял в воздух подразделение «Альфа», не арестовал компа-

нию в Беловежской пуще и не предал их публичному суду? Тогда мы не имели бы того, что имели в последующие годы».

Отсюда и родился миф: Горбачев разрушил СССР. Социологические исследования, с результатами которых нас познакомили, тоже показали, что молодое поколение, воспитанное перестройкой, существует в некоторых мифах. И чтобы разоблачить эти мифы, нужны ответы на такие, не совсем удобные вопросы.

Заключительное слово

М.С. Горбачев

Это типичный вопрос, который задается во всех аудиториях, где бы я ни был — в России, в Европе, в Соединенных Штатах и т.д. Только одни более деликатно могут его поставить, а другие — напрямую.

Что касается распада СССР, то на отношение к этому событию очень большой отпечаток наложило время. Признаться в том, что ты развалил Союз, — интеллектуальное самоубийство. Перестройка была сложнейшим процессом, и управлять им было невероятно трудно. Надо было стимулировать само развитие этого процесса, опираться на людей. Одновременно, надо было решать вопрос, как уبلажить номенклатуру, военную, оборонную, государственную. Номенклатура видела, что приходит ее конец, но она привыкла к тому, чтобы просто «обслужить» секретаря райкома, который еще на несколько лет даст должность председателя колхоза или секретаря обкома, или продлит срок пребывания на должности первого секретаря горкома, райкома, или в другой район переведет. Результатом этого было окостенение общества — и вдруг, через демократию, надо доказывать, что имеешь право участвовать в управлении.

Я думаю, через 20 лет с начала перестройки, надо все-таки попытаться по-новому поставить многие вопросы и дать на них ответы. Это поможет преодолеть сложившиеся стереотипы.

По перестройщикам били два противника: Ельцин со своей командой и КПРФ. Куда бы я ни ездил в 1996 году во время предвыборной президентской кампании, меня сопровождала группа с лозунгами: «Иуда», «Предатель», «Пошел вон!» и т.д. Однажды в поездке в Волгоград со мной были Мария Васильевна Розанова и Андрей Синявский. Я им говорил: не надо ездить, это тяжело. Приехали в Волгоград — нас встретили теми же самыми криками. Я выступал как кандидат в президенты три часа. За стеной, под окнами играл оркестр, чтобы заглушить выступление; по залу ходили, все трещало. Мы продолжали разговор. Потом собравшиеся притихли — слушали и задавали вопросы, а провожали — стоя, овацией. Мы и к памятнику поднимались, там беседовали... Все это было на глазах у Розановой и Синявского, а, вернувшись в Москву, они увидели, что по телевидению ничего не передали, кроме выкриков «иуда», «предатель» и т.д. Многие об этом не знают. В период царствования Бориса Николаевича Ельцина все было сделано для того, чтобы я нигде не получил прямого эфира (больше того, троих человек, которым я сказал фразу в интервью, переданном по второму каналу телевидения, уволили с работы). Теперь есть возможность рассказать.

Нынешние власти тоже мучаются: что делать с Горбачевым и с перестройкой? — Находят фигуру Андропова, говорят «давайте Андропова поднимем». Я четыре года работал в Политбюро — при Леониде Ильиче Брежневе потом при Андропове и Черненко. Я оказался в руководстве страны без участия Андропова. Мне известно, что больше всех колебался Леонид Ильич, но Суслов, Андропов и Устинов были настроены очень решительно. Завтра — пленум, а накануне, в шесть часов, я узнаю, что меня будут выдвигать — до последнего момента шли колебания. Я хорошего мнения об Андропове, хотя система повязала его — определила его судьбу как политика, и он уже не мог из этого выбраться. Была надежда на Андропова: пришел новый человек, бескорыстный, честный, бессребреник — и решительно все знал. (Правда, потом открыли, как он вел себя в сталинские времена, как участвовал в расправе над карело-финским первым секретарем.) Говорили: если бы был Андропов, все бы

ло бы хорошо — не знаю... Андропов создал группу из нас, более-менее молодых, «условно» молодых (я стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 54 года). Мы разрабатывали многие проблемы, обсуждали реформы различных отраслей. Но я знаю очень хорошо — и даже написал об этом: реальный Андропов не пошел бы дальше того, с чего он начал.

Я могу только сказать, что история не фатальна: есть много альтернативных решений, есть возможность для проявления инициативы. Я не отказываюсь от той инициативы, от того выбора, который сделал. Но я действовал не в одиночку: это непосильный труд — поднять такой проект, как наши реформы. Эпохи всегда олицетворяли цари, генсеки, Брежнев, Горбачев... А, в общем-то, работает команда.

Мы прошли большой путь, и обратного движения уже не будет. Будут откаты, отливы, приливы, подъемы и спуски. Многое будет зависеть от того, как сложится социально-экономическая ситуация. Тем не менее, я думаю, что мы пошли правильным путем. Да, мы опоздали с реформированием партии, с реформированием Союза. Еще о многом я могу говорить. Ну, что же? — Распинайте меня за то, что мы опоздали. Все, что я предлагал, проходило через Политбюро, через пленумы, через Верховные Советы и съезды. Никакой тайной бухгалтерии у нас не было. Вспомните то время — политический «спектакль» разыгрывался перед всем миром и перед всей страной.

В вопросе о Союзе я занимал крутую позицию — в то время я не мог занять другую. Референдум провели по моей просьбе. Я на съезде настоял на нем и внес официальное предложение: Лукьянов не ставил на голосование, тянул — я заставил его поставить мое предложение на голосование. Депутаты помнят, какая возня была в президиуме... Наконец, поставили на голосование и приняли мое предложение.

Моя позиция по Союзному Договору не менялась — были какие-то маневры по статьям, по главам, но это был процесс поиска консенсуса. 14 августа 1991 г. Борис Николаевич Ельцин звонит мне в Форос и спрашивает: «Вы читаете газеты или нет?». Я говорю: «Читаю. Читаю и наблюдаю, что происходит. Кроме того, не только читаю газеты, но и

другую информацию получаю». — «Вы видите, меня поносят, что я пошел у Вас (Горбачева) на поводу и выступаю за сохранение империи». Я спрашиваю Ельцина: «А почему ты о второй части не говоришь? Все те, кто критикуют меня, говорят, что я разваливаю Советский Союз. Ты сохраняешь империю, а я разваливаю Советский Союз».

Если бы не путч, мы бы вышли на подписание Союзного Договора. Уже расставлялись стулья, определялось, кто и где должен был сидеть во время подписания, Россия должна была подписывать договор среди первых. Борис Ельцин рассуждал: «Почему Вы какой-то алфавитный порядок устроили? Почему Россия должна стоять по алфавиту? Мы же ведущая страна. Мы были инициаторами». Для него имело огромное значение: где он сидит — посередине, чуть вправо или чуть влево. Я говорю: «Пригласи Болдина, он тебе расскажет: в результате алфавитного порядка вы — в центре, а остальные — по бокам». — «А, ну ладно»».

Все было готово к подписанию, но путч его сорвал. Тогда «друзья» и сам Ельцин решили использовать шанс, который открылся — и начали торпедировать весь процесс.

Что касается того, чтобы «разбомбить Беловежскую пушу» — это не серьезно. Но вы помните мои шаги. Когда все стало известно, и были опубликованы документы, я сказал, что три человека не могут ликвидировать государство, за которое на референдуме проголосовал народ. Уже был разослан по республикам новый Договор. Верховные Советы республик должны были его рассмотреть. Мы предполагали включить в Договор то полезное, что содержалось в Беловежских соглашениях.

Теперь вспоминайте, что делали, за малым исключением, все. Пресса молчала. Интеллигенция молчала или радовалась. Как проходил Верховный Совет России? — Начали выступать. Один или два человека выступили. Севастьянов поднимается и говорит: давайте заканчивать, все ясно; вы же понимаете, что сегодня мы голосуем, а уже завтра не будет Горбачева в Кремле.

Распространялся какой-то доклад ученых из Сибирского отделения АН СССР о том, что весь Союз висит на шее у России, что мы отдаем в республики по 80 миллиардов руб-

лей. Ельцин сказал, что через три-четыре года мы будем самой процветающей страной в мире...

Я не собирал военных — знал, что уже позвонили Шапошникову и спросили его: «Ты согласен на пост министра или на главы Объединенных вооруженных сил РФ?». Шапошников ответил: «Да, я согласен». Это был сговор.

Перестройка и все, что с ней связано — огромный риск для политика. В стране, напичканной оружием, способным взорвать весь мир, могла начаться гражданская война. В той ситуации, когда мои позиции были подорваны путчем, я оказался в тяжелом положении. Я обсуждал, на какой крайний шаг могу пойти: основная масса людей не хотела расставаться с Союзом, но только что избранные депутаты в России и в Белоруссии голосовали за Беловежские соглашения. В Белоруссии — один Лукашенко не голосовал за развал Союза. На Украине — двое или трое были против Беловежских соглашений. В Алма-Ате собрались главы республик — я написал в «Правде» целую полосу о том, что будет означать для нас развал Союза. Ничто не подействовало — все проглотили и, как овцы, которых ведут на убой, пошли за бараном-provокатором. Люди устали от советского времени и уже устали от перестройки.

Все это нужно знать, чтобы понимать ситуацию.

Старшее поколение уже определилось с ответом: кто противник, враг, кого уважать, кого не уважать, в конце концов, каждый имеет право на свободу выбора, в том числе, и по вопросу, уважать или не уважать того или иного политика. Но когда говорят, что российские студенты далеки от политики, что она им безразлична и не интересна — это чепуха. Они улавливают нюансы политического процесса, знают разные позиции. Они следят за событиями, поэтому сегодня очень многое надо рассказывать молодежи.

*Тексты,
присланные участниками дискуссии*

**Современное мифотворчество:
технология и социальная база**

О.Р. Лацис,
д.э.н., газета «Русский курьер»

Россия сегодня чрезвычайно уязвима для мифотворчества. Слишком резкой оказалась ломка всех устоев жизни. Старые ориентиры отброшены, новые не выработаны или не прижились, недостающие замещаются мифами. Некоторым политикам это удобно.

Самое оживленное мифотворчество связано с дискуссией вокруг естественного постоянного сравнения прежней и нынешней жизни: какой уклад лучше? Безнадёжно мифиологична сама постановка вопроса, поскольку по умолчанию предполагает, будто общество могло по желанию проводить реформы или сохранить прежнее устройство. На самом деле, прежний уклад жизни ушел не потому, что кто-то вздумал начать реформы. Наоборот, реформы начались после того, как крушение советского «социализма» дошло до распада и прекращения функционирования всех социальных, политических, экономических механизмов — вплоть до прекращения подвоза хлеба в булочную по утрам.

В принципе, конечно, следует перечислять и разоблачать все мифы современной истории, но для начала надо понять механизмы их возникновения и ту почву, которая их питает. Некоторые типичные стороны современного мифотворчества лучше всего можно рассмотреть на примере мифологии сталинизма, которая наиболее глубоко и всесторонне разработана. Эта мифология приобретает дополнительную актуальность в связи с 50летием со дня смерти

Сталина (март 2003 г.), 125-летием со дня его рождения (декабрь 2004 г.), и шестидесятилетием Победы в Великой отечественной войне (май 2005 г.). Конечно, как и во всех других случаях, миф о великом и мудром вожде — прежде всего сказка, об утраченном золотом веке, из которой логично следует, что утраченное надо возродить.

Технология мифотворчества

Мифологические построения сталинистов включают несколько обязательных повторяющихся приемов. Прежде всего, это игнорирование реальности — идет ли речь о прошлом или настоящем. Стремление всячески маскировать реальность незаконных репрессий против миллионов невиновных людей — далеко не единственный пример.

Охотно противопоставляют нынешнюю, действительно позорную по масштабам бедность некоему туманно очерчиваемому благосостоянию в прошлом. Между тем, статистическое выражение сегодняшней бедности (численность лиц с доходами ниже прожиточного минимума) невозможно сопоставлять с соответствующими показателями советского прошлого по той простой причине, что сам размер прожиточного минимума был государственной тайной, а сведения о нем в открытых статистических публикациях не появлялись. И это не случайно: бедность в сталинскую эпоху была куда более распространенной, чем в любой последующий период.

Еще чаще говорят о «вымирании» населения России в наши дни, противопоставляя его высокому приросту населения в прошлом. За этим, действительно, стоит тяжелая для России проблема, характерная, кстати, для многих стран с высоким уровнем потребления. Но для ее решения нужно, прежде всего, правильно понимать порождающие ее реальные механизмы. Однако все объяснения специалистов об особенностях демографического перехода эпохи индустриализации и урбанизации (от сельского к городскому типу воспроизводства населения) отбрасываются и подменяются политизированными инвективами в адрес современных реформ.

Показателен в этом отношении один пример. По старым загсовским записям смертей демографы рассчитали ожидаемую среднюю продолжительность жизни для людей, родившихся в 1933 году — тогда эти данные, разумеется, не рассчитывались и не публиковались. При сохранении всех правил расчета этого показателя в наши дни оказалось, что по условиям того года ожидаемая средняя продолжительность жизни составляла 12 лет. Такова была интенсивность смертности в год великого голода, порожденного не урожаем, а политикой властей. Этот расчет показывает, когда, на деле, политика властей вела к вымиранию населения — при том рыночных реформ не было и в помине.

Второй излюбленный прием мифотворчества — стремление избегать свидетельства первоисточников. «При Сталине цены снижали» — эта ссылка на врезавшийся в память поколения небывалый факт как бы отменяет необходимость документации. Между тем, по данным официальной советской статистики, индекс государственных розничных цен 1954 г. был, правда, в 2,3 раза ниже цен 1947 г., но все еще на треть выше цен 1940 г. Секрет в том, что при денежной реформе 1947 г. цены были повышены втрое, и даже многократные снижения последующих лет не компенсировали этого повышения (умолчим здесь о социальной направленности «сталинских» снижений, дававших преимущества жителям столиц и закрытых городов за счет нещадной эксплуатации крестьянства). По общему итогу сталинской эпохи было бы справедливо говорить только о стремительном росте цен. Кстати, приведенные выше данные можно найти в статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР», вышедшем в 1956 году после многолетнего перерыва: при Сталине, в том числе в годы пресловутых снижений цен, даже эти, пропагандистские, по сути, сборники не издавались.

Еще один вопиющий факт: вдолбленная в память поколений школьными учебниками истории формула о выполнении первого пятилетнего плана за 4 года и 3 месяца. Не было этого! Просто, совсем ничего подобного не было, и советская статистика никогда не публиковала данных, подтверждающих это представление. Его единственным источ-

ником служило утверждение, сделанное Сталиным в докладе на пленуме ЦК в январе 1933 года и оставшееся абсолютно голословным, не подтвержденным никакими цифрами о реальном производстве конкретной продукции. Любое сопоставление плановых заданий с публиковавшимися данными о выпуске продукции показывает, что задания пятилетки по основным отраслям промышленности были выполнены не за 4 и не за 5, а лишь за 6-7 лет, а дополнительные повышенные задания, принятые в разгар «скачка», — за 10-20 лет. Разумеется, тогда никто открыто не делал этих сопоставлений. Причем отмеченный рост шел только в промышленности — в сельском хозяйстве происходило полное разорение и в годы коллективизации абсолютное снижение производства, которое пришлось восполнять в течении десятилетий.

Третий важнейший прием технологии мифотворчества — произвольный выбор критериев для оценки результатов деятельности властей. Народ уверяли, что индустриализация — монополия социализма, и это представление удивительным образом уживалось с утверждением, что наша страна отстала в индустриальном развитии от капиталистических стран, которые надо догонять. Соответственно, искусственно ускоренная индустриализация объявлялась личной заслугой Сталина, а необходимость ускорения, невзирая на требовавшиеся для этого жертвы, выводилась из задачи подготовки к отражению германской агрессии.

Здесь все — сплошная многослойная ложь. Индустриализация России, на самом деле, началась еще в конце девятнадцатого века, при капитализме, и обеспечивала тогда весьма высокие темпы промышленного роста. Сталинский вариант первого пятилетнего плана не ускорил, а замедлил предвоенное развитие промышленности по сравнению с имевшимися объективными возможностями, а главное — многократно повысил социальные издержки индустриализации, включая миллионы напрасно погубленных жизней. Что касается побочного социального эффекта индустриализации — быстрой урбанизации, — то она действительно имела место и приобрела скачкообразный характер, но

именно этот эффект следует отнести скорее к издержкам, чем к достижениям экономической политики эпохи. Как раз скачкообразной урбанизации следует, как показал советский опыт, всячески избегать.

Но здесь мы подходим уже к следующей теме нашего анализа.

Социально-психологические основы советского мифотворчества

Подстегивание индустриализации и, как следствие, скачкообразная урбанизация приняли в СССР небывалые прежде размеры. Если еще в 1920 году в стране было 1,7 миллиона промышленных рабочих, из них всего 700 тысяч кадровых (со стажем свыше 10 лет), то в годы первой пятилетки в города приходило из деревни около 10 миллионов человек ежегодно. Это породило неведомую до того в мировом опыте социальную структуру населения.

При естественных темпах индустриализации лишь меньшинство городского населения составляет маргинальный по своей природе тип горожанина в первом поколении, оторвавшегося от сельской культуры и еще не освоившего городскую. Он постепенно «переваривается» устойчивым большинством горожан, в городе и родившихся. В нашем случае этот, по меткому выражению Давида Самойлова, «неутрясенный народ» на десятилетия стал большинством политически активного городского населения, определяющим политическое лицо всего общества, что имело многообразные и далеко идущие негативные последствия.

По случайному стечению обстоятельств или по какому-то наитию Сталин нашел свою главную социальную опору в этом социальном слое, чей бурный рост был вызван его же политикой. И он блестяще воспользовался этой опорой. Если Ленин перед смертью более всего опасался «неустойчивости» правящей партии и во избежание этой неустойчивости добился сокращения ее численности наполовину, то Сталин посредством «ленинского призыва», численно сразу превзошедшего первоначальные на-

метки да потом еще дважды повторенного, в считанные годы растворил тонкую пленку партийных политиков со стажем в потоке новобранцев, смотревших в рот вождю. Маргинальный человек на добрых полвека стал главным кадровым резервом правящей бюрократии. Его психология сделалась и до сих пор остается самой благодатной почвой для мифотворчества.

Исходная точка этой психологии — сверхъестественная социальная подвижность, позволившая многим на протяжении одной жизни многократно изменить социальный статус: из селян в горожане, из строительных рабочих в заводские, потом в служащие, потом в руководители, в политики, наконец, в вожди. Первая весьма распространенная слабость, порождаемая этой социальной сверхтекучестью — нетерпение, сочетаемое с нетерпимостью. Вторая — самоуверенность, порожденная быстрым карьерным успехом, в сочетании с презрением к традициям. Третья — элитистское сознание, переоценка созидательной роли и созидательных возможностей государства (и своих собственных как «государственного человека»). Далее — непонимание отдаленных последствий сегодняшних решений, конъюнктурность сознания. Добавим к этому политическую неустойчивость, чрезмерное доверие к вождям, обожествление вождей, склонность к политической экзальтации. И, конечно, пристрастие к конспирологии, комплекс врага, чьи козни объясняют все неприятности жизни. Особо опасная сторона многих представителей этого типа личности — непрочность моральных устоев, вседозволенность, оправдываемая для себя высшими интересами революции, интересами государства, «интересами народа». Разумеется, эти психологические болезни поражают далеко не каждого «строителя новой жизни» и не обязательно поглощают его личность целиком — просто «неутраченный народ» страдает повышенной уязвимостью перед такими слабостями. Так формируется человек, отличающийся повышенной склонностью к мифотворчеству.

Интересно, что, судя по словарю Владимира Даля, слово «мещанин» не имело в его время нравственной, идеологической окраски. Это был просто горожанин низшего раз-

ряда, в том числе ремесленник, не приписанный к купеческому сословию. В словарях двадцатого века появилось и стало преобладающим второе значение слова «мещанин» — человек узких взглядов. Такова реакция на жизненные реалии эпохи индустриализации, на наплыв горожан-новобранцев. Уже близится эпоха изживания этого социального типа, но в ближайшие десятилетия он будет оставаться еще достаточно влиятельным.

Чтобы не ограничиваться описанием механизмов мифотворчества прошлых лет, — несколько слов о его новейшем этапе. Это, конечно, пресловутое «удвоение ВВП», которое из-за своего бюрократического происхождения остается загадочным фантомом и для «простого» человека, и для самих представителей власти. Больше всего спорят, реально ли оно. В принципе, при правильной политике — вполне реально, поскольку для удвоения ВВП за 10 лет требуется среднегодовой прирост всего на 7,2 процента, что неоднократно достигалось во многих странах — в том числе и в нашей стране. Возможны и более высокие темпы роста, хотя при неправильной политике столь же возможно и отсутствие роста. За этими спорами теряется понимание того, что удвоение ВВП само по себе не может служить стратегической целью для России уже потому, что для достижения нынешних стандартов жизни развитых стран нам необходимо увеличить ВВП в 8-10 раз. Иначе говоря, надо лет 30 развиваться темпами, дающими удвоение каждые 10 лет. Однако власть не решается начать честный разговор с народом ни о масштабах и длительности предстоящей работы, ни о ее возможной социальной цене, ни об условиях реализации таких достижений. В результате неплохо придуманный лозунг (именно лозунг, а не научная формулировка общественной цели) превращается в очередной миф.

Перестройка в СССР: некоторые вопросы изучения исторических фактов

Д. В. Маслов,
д. и. н. СПФ МГИУ

Общим местом в исследованиях по современной истории является признание высокой степени мифологизации исторического мышления. Тем более строгие требования должны предъявляться к селекции и анализу исторических фактов. Однако на теоретико-методологическом уровне вопрос о том, что есть исторический факт применительно к современной отечественной истории, освещен весьма скудно.

Исследование перестройки в отличие от изучения предшествующих периодов советской истории в фактологическом отношении имеет свои преимущества. Не говоря уже о дополнительных видах источников информации, отметим, что еще до завершения перестройки в СССР невиданный до этого в советской историографии размах приобрела активность мемуаристов. В последующие годы многие из них издали новые книги. Приведенные в них факты охватывали порой самые сокровенные сферы истории перестройки, прежде всего, отношения внутри правящей элиты. Авторы получали свои гонорары, библиофилы — увлекательное чтение, историки — пищу для размышлений.

Однако примерно к концу 1990-х гг. обнаружилось, что высокопоставленные мемуаристы в фактическом отношении иссякли. В науке — благодаря, главным образом, их стараниям — сложился определенный набор фактического материала, который в последние годы почти не обогащается принципиально новыми сведениями. Для историографии перестройки это имеет значение в том смысле, что возникает острая потребность в теоретическом осмыслении накопленного материала.

Нельзя сказать, что этому не уделялось внимания прежде. Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что нередко концептуальная сторона исследований предшествовала эмпирической составляющей, которую оставалось лишь «подогнать» под избранную модель исторического объяснения. При исключительном многообразии перестроечных процессов это не составляло особого труда. Историки-модернисты по-своему убедительно рассматривали перестройку как процесс перехода к современному обществу. Сторонники тоталитаристских версий обнаруживали в финальном этапе советской истории импульс демократизации. Ученые консервативных взглядов находили доказательства контрреволюционности перестройки по отношению к октябрю 1917 года, и т.д.

Таким образом, в современном «перестройковедении» проблема селекции исторических фактов выходит на первый план. Уместно поставить вопрос: с какого рода фактами, в основном, сталкивается сегодня историк, изучающий этот период? Признанные специалисты в теории и методологии исторического исследования (М.А. Барг, И.Д. Ковальченко и др.) в свое время отмечали многоаспектность исторического факта. Последний рассматривался как: 1) факт исторической действительности; 2) факт исторического источника и 3) научно-исторический факт¹. Анализ исследований по истории позднего СССР не всегда позволяет понять, в каком из названных аспектов употребляется категория исторического факта. Очевидно, что на коротком историческом промежутке, отделяющем исследователей от изучаемых событий, непросто различить названные разновидности исторического факта. Примечательно, что те же мемуаристы зачастую не только предпринимали в своих работах попытку изложения известных им фактов, но и предлагали определенную концепцию перестроечных процессов, выходя порой на весьма широкие теоретические обобщения. Тем более, что некоторые представители советской элиты

¹ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С.150; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С.143.

сами являлись историками, обществоведами по образованию (начинать перечисление можно с юриста М.С. Горбачева).

В качестве иллюстрации можно привести работы одного из видных деятелей перестройки А.Н. Яковлева. Если исходить из того, что характер фактов во многом определяется характером самого источника, то показательно, что писавший предисловие к недавней книге Яковлева «Сумерки» Григорий Бакланов затруднился однозначно назвать ее жанр («мемуары», «свидетельство современника и участника событий», «проницательнейшее исследование историка, основанное на документах», «исповедь»²). Если отбросить превосходные степени, то подобные оценки не покажутся чрезмерными не только в отношении книг упомянутого автора.

То, что приведенный пример не исключение, подтверждается и работами А.С. Черняева, на определенном этапе перестройки разошедшегося с А.Н. Яковлевым в политических позициях³. Но объединяет этих авторов стремление «вписать» историю перестройки в контекст советской и — шире — всей российской истории. Такой исследовательский импульс представляется весьма перспективным и может рассматриваться как один из критериев селекции исторических фактов. Очевидно, что мы немного поймем в перестройке, если не определимся со значением советского периода отечественной истории. А плюрализм мнений здесь, как известно, весьма значителен даже в научной среде. Но, пренебрегая изучением перестройки в таком широком историческом контексте, мы неоправданно отказываемся от надежного инструментария в работе с историческими фактами.

Следующий вопрос, который уместно поставить в изучении эмпирической базы перестройки, связан с востребованностью тех или иных сюжетов. На сегодняшний день

² Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Изд-во «Материк», 2003. С.7.

³ Стремление к концептуализации особенно прослеживается в последней на сегодня работе помощника М.С. Горбачева. См.: Черняев А.С. Был ли у России шанс? Он — последний. М.: Собрание, 2003.

нельзя сказать, что какие-либо значимые темы выпали из поля зрения историков. Весьма активно откликнулись пишущие о перестройке авторы на традиционно одну из самых закрытых проблем советской истории — историю власти (особенно ее высших эшелонов). Актуальность данной проблематики очевидна. Как пишут авторы введения к аннотации документального проекта Горбачев-фонда «Как «делалась» политика перестройки. 1985–1991», «раскрыть подлинное содержание политики перестройки можно... лишь показав деятельность высших органов власти в СССР», т.к. любые крупные изменения инициировались «сверху». Такое положение не вызывает сомнений с одной оговоркой: историку должно быть небезынтересно и то, как идущие от власти импульсы воспринимаются обществом. Мне уже приходилось возражать на дискуссиях в Горбачев-Фонде авторам ряда учебников, определявшим перестройку лишь как «комплекс мер партийно-государственной власти, направленных на...» и т.д. Безусловно, перестройка — это процесс, затронувший все уровни социума, и в этом ключ к ее адекватному пониманию. Нисколько не умаляя значения исследования процессов, протекавших «на самом верху», хочется обратить внимание и на необходимость сбора информации о том, что происходило в других слоях общества. Причем не только в социально активных группах, например, в неформальной среде, но и в стратах с доминированием, так сказать, рядового обывателя. Поэтому представляется, что *эмпирическая реконструкция* перестройки как основа ее теоретических исследований далеко не завершена.

Последнее замечание — о мифах в осмыслении периода 1985–1991 годов. Думается, бесполезно ставить вопрос о том, как вообще обойтись в описании истории (тем более, современной истории) без мифов. Перестройка начиналась с мифов («так жить нельзя»), осуществлялась с мифологическим сопровождением («иного не дано») и завершалась под мифологический аккомпанемент («рынок отрегулирует всё»). Это следует признать нормальным для столь масштабных преобразований. Более перспективным представляется изучение технологии мифов, чтобы, во-первых, научиться вовремя их распознавать; во-вторых, использовать

в общественно значимых целях позитивный потенциал, заложенный, практически, в любом мифе. Одним из таких мифов самой перестройки и её осмысления была, как представляется, уверенность граждан во всемогуществе государственной власти и в ее способности исполнить обещанное — при традиционно невысокой степени участия самого общества. По мере того, как преобразования столкнулись с неизбежными во многом трудностями, люди возложили вину на тех, кому практически слепо верили еще в середине 1980-х годов — на команду горбачевских реформаторов.

Для того, чтобы миф разрушился в считанные годы, нужны слишком серьезные причины, связанные не только с пустыми прилавками магазинов. Но и до сих пор основной бедой даже серьезных исследований перестройки остается стремление историков подменить анализом ошибок Горбачева поиск объективных причин трагедийности перестройки (по терминологии самих реформаторов).

Перестройка: факты и мифы

В.Г. Сироткин,
д. и. н., профессор,
Дипломатическая Академия МИД РФ

И все-то у нас как на корове седло.

Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии.

Горбачевская перестройка — не первая попытка модернизации России «сверху», начиная с реформ Петра I в начале XVIII в. Поэтому полезно взглянуть на этот процесс с позиции исторической ретроспективы, попытаться определить сильные и слабые стороны этих объективно назревших реформ независимо от идеологических этикеток — феодализм, капитализм, социализм, «ельцинизм», «путинизм» и т.п.

Конечно, Михаил Сергеевич и его единомышленники в Кремле были правы в главном: **так больше жить нельзя!** Советская империя давно трещала по всем швам, и Ю.В. Андропов в 70-х гг. признавал: какой, к черту, коммунизм — нам и до простого социализма еще пахать да пахать (свидетельство его помощника Г.М. Корниенко). Именно Горбачев вместе с другим секретарем ЦК КПСС Н.И. Рыжковым по рекомендации Андропова возглавили в 1983 г. первый «мозговой штаб» будущей перестройки, объединив вокруг себя советских академиков — Абалкина, Агенбегяна, Заславскую и др. Но проблема и трагедия Горбачева была в другом — *что надо было реформировать?* Сам Михаил Сергеевич полагал, что реформировать следует социализм, верность идеалам которому он провозглашал даже в 1990 г. (выступление перед деятелями культуры летом 1990 г. — «от принципов социализма не откажусь!»).

Но был ли «социализм по Марксу» построен в СССР? Может быть, правы были теоретики социал-демократии периода между двумя мировыми войнами, троцкизма и либерализма, утверждавшие, что *сталинизм* — это не *марксистский социализм*, а нечто прямо противоположное, скорее схожее с военным феодализмом китайских императоров или арабских халифов рубежа старой и новой эры? Французский академик антикоммунист *Ален Безансон* в своих «Интеллектуальных истоках ленинизма»⁴ утверждал, что в СССР есть экономическая политика, но нет *политической экономии социализма*. Эту идею к началу XXI в. стали разделять и российские ученые⁵. Новое прочтение трудов Сталина, особенно «Экономических проблем социализма в СССР» (1952 г.), показало — вождь к концу жизни был очень озабочен главной проблемой: какой же «социализм в одной стране» был им построен и сохранится ли он в СССР после его смерти? И никто иной, как сам Сталин написал в «Экономических проблемах социализма» пессимистическую сен-

⁴ Ален Безансон. «Интеллектуальные истоки ленинизма» // М., 1998.

⁵ см. сборник статей к 50-летию кончины вождя «Феномен Сталина» // Москва Краснодар, 2003.

тенцию, предопределившую через 40 лет, в 1991 г., крах СССР: «без теории нам смерть, смерть, смерть...».

Характерная деталь — преподавание «политэкономии социализма в одной стране» было введено постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР только в 1936 г. (до этого в 1918–1933 гг. социализм в СССР мыслился лишь в рамках мировой пролетарской революции), но экономические факультеты в университетах открыты еще позднее — перед самой войной (осенью 1940 г. в МГУ, весной 1941 г. — в ЛГУ), а вот вузовский учебник политэкономии социализма браковался Сталиным к выходу в свет с 1946 по 1953 г. и вышел из печати только после его смерти (1954 г.).

Так какой же социализм собирался перестраивать Горбачев — тот, «по Марксу», которого в СССР никогда не было, что к концу жизни признал и сам Сталин? К сожалению, ни «советские академики» из его с Рыжковым первого «штаба перестройки» 1983 г., ни молодые экономисты из семинара по «шевелению мозгами» в совминовском пансионате «Сосны» в Подмоскowie в сентябре того же года (Е. Гайдар, Г. Попов, Ю. Афанасьев, А. Чубайс и другие будущие ельцинские «прихватузаторы») не подсказали Михаилу Сергеевичу *главного*: сталинская модель «социализма в одной стране», основанная на безрыночной экономике времен татаро-монгольского ига и тотальном этатизме, **нереформируема**, ибо держалась лишь на принуждении — при Сталине на терроре, при Брежневе — на аппарате чиновников ЦК КПСС, выполнявших роль погонял-надсмотрщиков в лице инструкторов — секретарей райкомов — обкомов («давай, давай!» и «партбилет на стол!»). Такая «система погонял» явилась прямым результатом **стратегического провала** большевиков — их надежд на очень скорую мировую пролетарскую революцию в Европе и Северной Америке («Мы и начали наше дело — штурм Зимнего — исключительно в надежде на мировую революцию». — В. И. Ленин, ноябрь 1920 г.), после которой очень скоро во всем мире отомрет государство (армия, полиция, спецслужбы), тюрьмы и лагеря и главное зло капитализма и эксплуатации — деньги.

Но мировая революция не свершилась («Конечно, мы провалились». — В.И. Ленин, октябрь 1923 г.), и большевики

логикой разрухи и голода повернули к НЭПу, «плохонькому и уродливому буржуазному строю» (Н.А. Бердяев, 1922 г.). Сам Ленин в 1922 г. публично заявил, что «мы должны [Февральскую] буржуазную революцию довести до конца». Довели, что и обеспечило им массовую поддержку населения — ликбез, бесплатное здравоохранение и дошкольные учреждения, сопровождаемые индустриализацией и милитаризацией, в пропагандистских целях прикрытых этикетками — паровоз ФД (Феликс Дзержинский), танки ИС (Иосиф Сталин) и КВ (Клим Ворошилов), станок Д и П (Догнать и Перегнать) и т. п. Однако сталинские «стахановские движения», съезды «колхозников-ударников» и т. п., призывы «опрокинуть пресловутые буржуазные научно-технические нормы и ГОСТы» (Л. Каганович) не имели ничего общего с экономикой XX в. и явились прямым результатом дремучего научно-технического невежества сталинских «профессиональных революционеров» из Политбюро и ЦК ВКП(б) (только **шесть процентов** «вождей», по переписи 1939 г., имели диплом о законченном высшем образовании). Этатистская экономика Сталина — Брежнева имела несомненные преимущества в военном деле (ВПК), освоении космоса, крупных технических проектах (Северный морской путь, каскады ГЭС на Волге и на сибирских реках и т. п.), но в плане общего подъема хозяйства страны и роста благосостояния населения советская экономика деградировала, держась лишь на экспорте сырья — нефти и газа.

Критики сталинизма и брежневизма, в соответствии с традициями русской интеллигенции XIX в., видели причину кризиса в *людях*: «не могу найти полсотни толковых губернаторов», — говаривал еще Столыпин. М.С. Горбачев тоже вначале искал «толковых губернаторов»: менял секретарей обкомов, организовал «отставку» более чем ста членов ЦК КПСС во главе с А.А. Громыко, инспирировал выборы «начальников» на собраниях трудовых коллективов (но выбирали почему-то не толковых, а горластых — одним из первых в директора издательства «Радуга» полез ныне хорошо известный демагог «сын юриста» В.В. Жириновский).

На самом же деле проблема перестройки была гораздо глубже.

Режим большевиков стал *режимом узурпаторов*. Первые большевики-доктринеры вовсе не собирались управлять «лапотной» Россией, «Святой Русью икон и тараканов» (Л.Д. Троцкий) — они были уверены, что их «возьмет на большой исторический буксир мировая революция» (Л.Д. Троцкий). И просчитались — «лапотной» Россией с 70% «азбучно неграмотных» крестьян пришлось управлять именно им, большевикам-интеллигентам с дореволюционным стажем, составлявшим к 1930 г. менее одного процента членов ВКП(б). Первым это понял еще Ленин, повернувший партию и СССР от мировой революции к НЭПу, но собиравшийся строить его не руками «коммунистических дурачков», а головами дореволюционных «спецов». Не получилось, как не получилось много позднее и у Горбачева, собиравшегося вместе с А.Н. Яковлевым с 1988 г. расколоть КПСС на «спецов» (меньшевиков) и «дурачков» (большевиков).

Ничего оригинального, своего, кроме мировой пролетарской революции для России, большевики так и не придумали — НЭП, действительно, означал лишь «плохонький и уродливый буржуазный строй», да и тот Сталин отменил. В итоге и старая полукапиталистическая экономика была разрушена, а новая — не создана. Тоталитарные узурпаторские режимы — Муссолини, Гитлера, военные диктатуры в Восточной Европе периода между двумя мировыми войнами (Польша, Венгрия, Болгария и др.) — вообще редко создают эффективные экономики. Исключение составили лишь два — бонапартизм Наполеона I во Франции и франкизм в Испании Франсиско Франко. Но именно таких режимов не получилось ни у Ленина (НЭП), ни у Горбачева (перестройка). Победа провинциальной обкомовской номенклатуры над Горбачевым (как после смерти Ленина «сталинской пехоты» над большевиками-прагматиками типа Л.Б. Красина, Г.В. Чичерина, Г.Я. Сокольникова) полностью дискредитировала идеи *социалистической перестройки*, приведя к власти в СНГ режимы *мародеров*, ни о какой эффективной экономике и не помышлявшей. Фактически, в подавляющем числе стран — членов СНГ (за исключением, пожалуй, Белоруссии) установились режимы типа Объединенных Араб-

ских Эмиратов, либо живущие от «трубы» (нефтяной), либо от подачек РФ или Запада. Мародерство явилось вполне закономерным, потому что еще в 1928–1938 гг. Сталин физически уничтожил как «буржуазных спецов», так и идейных коммунистов, сделав ставку на мещан («зеленых»), которые воровали при любом режиме, не обременяя себя ни теорией, ни тем более, совестью. Именно эта категория «партийцев» стала номенклатурой брежневского «застоя» и именно из него выросли провинциальные «туркменбаши». Лозунги Горбачева о новом политическом мышлении, вхождении в Европейский Дом (Евросоюз) и др. могли быть реализованы только путем эволюционного изменения экономических основ, сблизивших экономический базис СССР с Западом. Это предполагало стоимостную оценку недвижимости, включая землю, недра, леса, запасы пресной воды и т. д., разделение власти и собственности при сохранении планового начала и госрегулирования цен, а также социалистического уровня социальной защищенности основной массы населения СССР. Всего этого не было сделано: основное время перестройки ушло у Горбачева сначала на борьбу с пьянством и алкоголизмом и госприемку, а затем на чистку партаппарата и создание гибрида партийно-советской системы, которая все равно не предотвратила ни развала КПСС, ни разбегания советских республик в сторону «самостоятельности».

Отказ «семерки» в июне 1991 г. в Лондоне оказать серьезную финансовую помощь Горбачеву — против Ельцина и других будущих «туркменбаши» — предопределил развал СССР и отставку Горбачева 25 декабря 1991 г.

Так трагически для народов СССР закончилась очередная попытка кардинально реформировать «сверху» коммунистическую систему, ставшую глубинным следствием большевистской узурпации власти в 1917-м году.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИИ ПЕРЕСТРОЙКИ В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Введение в дискуссию. «Необходимость перестройки»

В.Т. Логинов,
д.и.н., профессор, Горбачев-Фонд

Мы собрались в столь узком кругу, чтобы обменяться мнениями по ряду вопросов. И не более того. Ибо никто сегодня не может претендовать на роль ни первой, ни последней инстанции в постижении истины. Отчасти это связано и с общим положением и состоянием науки вообще и исторической науки в частности.

Российская наука переживает сложные времена. Но каждая отрасль знания переживает этот кризис по-своему. Если у физиков из-за отсутствия средств нельзя ставить дорогостоящие эксперименты, то, естественно, теоретическая физика начинает чахнуть. В медицине — иное положение: в ней сложились как бы две параллельные ветви. Одна — традиционная научная медицина, которая — по мере сил — ведет свои исследования, тащит на себе все реальное здравоохранение. Вторая — лжемедицина, в которой уже не только экстрасенсы, колдуны, маги, но процветающие фирмы и клиники. К несчастью, в последнее время грани между этими ветвями порой начинают стираться. В истории положение более печальное. «Историческая публицистика» — тесно связанная с текущей политикой, не только определилась как особый жанр, но и вполне отделилась от на-

уки. И с точки зрения воздействия на общественное сознание, именно она безусловно доминирует.

Всегда и во все времена выходило не мало глубоких и умных работ по истории. Но не всегда именно они задавали тон. Сегодня, например, тиражи книжек современных геростратов Фоменко, Носовского и др. по «новой хронологии» перевалили за два миллиона. А тиражи сборников «Анти-Фоменко», в которых участвуют виднейшие российские ученые, выходят лишь в сотне, тысяче экземпляров. Я уж не говорю о телепередачах того же Сванидзе, которые смотрят десятки миллионов зрителей. И нет ничего удивительного в том, что очень много людей, в том числе и учителей, сегодня знают отечественную историю именно «по Сванидзе».

Этому, кстати, способствует и заметное понижение профессионального уровня многих молодых учителей. Тех, которые кончали педагогические институты в последнее десятилетие. В эти годы перепуганные преподаватели сами не знали, куда податься — то ли читать историю по «Московским новостям», то ли читать по «Нашему современнику». Таким образом, по тиражам, по влиянию, нынешние школьные и вузовские учебники, авторами которых являетесь вы — единственное пространство и единственная возможность как-то противостоять всей этой, мягко выражаясь, «исторической публицистике».

Приближается 20-летие начала перестройки. На этой дате сойдется все — приятие и неприятие, личные симпатии и антипатии, наука и лженаука. 20 лет срок солидный. Меньшей, чем у Льва Толстого по отношению к войне 1812 года, но достаточный для определенной исторической дистанции и серьезного разговора. Потому-то мы и собрали столь узкий круг профессионалов.

Прежде всего хотел бы предостеречь от избыточной персонификации истории, которая столь характерна для сегодняшнего дня, когда все, что было до 1924 года привязано к имени Ленина, все, что до 1953 года — к имени Сталина, а все, что с 1985-го — к Горбачеву. Многие сегодня уже не помнят о том сложном механизме принятия решений, который существовал в 80-е годы, когда для проведения той или иной акции требовались предварительные заключения

и экспертизы министерств, палат Верховного Совета, Генштаба, разведки, научных центров, видных ученых и т.д. И когда сегодня Фалин излагает на ТВ свою версию объединения Германии, он, видимо, не подозревает, что в архиве Верховного Совета СССР (а он был руководителем Международной комиссии) лежат стенограммы его выступлений и документы с его подписью по данному вопросу.

Из всех проблем, связанных с началом и историей Перестройки, я предложил бы остановиться на трех.

Первая — когда началась перестройка? Во многих учебниках она начинается с Андропова, ибо, мол, уже тогда начались разговоры о необходимости перемен. Но если так подходить, то теперь, после выхода книги Юрия Жукова «Иной Сталин», можно было бы начинать и с Иосифа Виссарионовича. Потому что и он после войны осознал необходимость перемен.

Та система, которую с легкой руки Гавриила Попова стали называть Административно-командной системой, начала давать сбои еще накануне войны. Материалы XVIII партконференции свидетельствуют об этом. Однако война, потребовавшая мобилизации всех сил, средств и ресурсов, дала этой системе новый импульс. Мобилизационный вариант оказался единственно возможным и для периода восстановления. Но одновременно углублялись и негативные процессы. Послевоенная пятилетка опять потребовала всего этого. Поэтому, не случайно, после смерти Сталина и Хрущев, и Маленков, и Берия (не вдаваясь в методы и искренность намерений каждого) предполагали решать примерно одни и те же задачи: деревня, национальный вопрос и обременительная для страны внешняя политика.

И все-таки начало реальной перестройки вполне определено. Это 1985 год, когда осознание необходимости перемен привело к началу перемен.

Второй вопрос еще более сложен: в чем, собственно говоря, суть перестройки, ее содержание? Во многих учебниках старательно выписаны ошибки антиалкогольной кампании, Чернобыль... Что — смысл в этом? Этим отличается перестройка от предшествующего и последующих этапов?

Наконец, третий вопрос: когда и чем закончилась перестройка? Вопрос этот, я бы сказал, наиболее склочный. Если вы возьмете многопудовый труд в коже и золоте «Эпоха Ельцина», написанный его спичрайтерами и соучастниками, то там позиция предельно ясна: Горбачев пытался реформировать страну, у него ничего не вышло, и только Ельцин спас Россию. То есть ответственность за реформы 90-х годов они предлагают поделить. Иначе говоря, Горбачев начал, а Ельцин продолжил перестройку и довел ее до конца. К сожалению, такого рода позиций придерживаются и авторы многих учебников. Для меня лично данная позиция неприемлема не только с точки зрения моральной или политической, но прежде всего — профессиональной.

Я бы хотел, чтобы этот разговор продолжил Никита Вадимович Загладин. По той простой причине, что на государственном конкурсе Министерства просвещения именно его учебник занял первое место. Я не говорю о том, что он станет новым Шестаковым или новой Панкратовой, и на протяжении десятилетий все школьники будут изучать историю по Загладину. Но первое место — это факт более чем серьезный.

Выступления

Учебник для подростков, а не для профессоров

Н.В. Загладин,
д.и.н., профессор, ИМЭМО

Прежде всего, я хотел бы напомнить, что учебная литература, в частности для школ, отличается по стилю и жанру от научных изданий и монографических работ. С одной стороны, существует определенный уровень требований к тем знаниям, которые должны получить учащиеся, освоив учеб-

ник по истории. С другой стороны, учебники, естественно, ориентированы на восприятие не взрослого человека, помнящего период перестройки и последующие ельцинские годы, а на подростков. В силу молодости они, как правило, эмоциональны, склонны к резкости, и жесткости в оценках и крайностям в суждениях.

Именно поэтому я, как автор учебника, видел свою задачу в том, чтобы излагать материал как можно более взвешенно и спокойно. Это особенно важно потому, что многие учебники, появившиеся в последние годы перестройки и в начале ельцинского периода, были ориентированы не столько на детей, сколько на взрослых, на переучивание учителей. Порой они содержали невзвешенные, невыверенные оценки, заимствованные со страниц текущей прессы, в частности из журнала «Огонек».

Все присутствующие на «круглом столе» — историки. И они конечно знают, что при определенном умении, не вызвав серьезных упреков в фальсификации, можно написать так, что вся наша история, не только в период перестройки, но и до него и после него, будет выглядеть сплошной цепью ошибок, неудач, преступлений, т.е. будет сплошной негатив.

С этой точки зрения, не говоря уж о задачах патриотического и гражданского воспитания, я считал, что учебники все-таки должны объективно показывать те вполне реальные достижения и свершения, которые имели место на том или ином этапе исторического развития. Естественно, важно раскрывать и проблемные, негативные моменты, показывать, что далеко не всегда и не все получалось так, как было задумано, но все-таки формировать взвешенную, сбалансированную картину прошлого. Это было нелегкой задачей. Здесь, естественно, автору приходилось в чем-то жертвовать своими личными симпатиями и в какой-то мере ограничивать их проявления.

Я это говорю к тому, что учебник для школы, учебник для вуза и монография — это отнюдь не одно и то же. У меня есть намерение написать и фундаментальные исследования, в частности о международных отношениях, нашей внешней политике этого периода. Естественно, такое ис-

следование будет отличаться от того что целесообразно давать в учебнике.

После краткого предисловия, я обращаюсь непосредственно к тем сюжетам, которые вы затронули. Мне кажется, первый, поставленный вами вопрос и второй тесно взаимосвязаны. Нельзя ответить на вопрос о том, когда началась перестройка, не определив, что она собой представляла. Ведь попытки усовершенствовать механизмы управления экономикой и политическую систему предпринимались неоднократно, как тут правильно заметили, еще при Сталине и при Хрущеве. Можно вспомнить и косыгинские реформы, не доведенные до конца. То есть такие усилия постоянно имели место. В каких-то случаях они давали результат, в каких-то нет.

С этой точки зрения, перестройка, по-моему, стоит все-таки несколько особняком от ранее предпринимавшихся попыток модернизации советского общества, его политической и экономической систем. И прежде всего потому что речь шла о качественно новых решениях, выходящих за рамки той парадигмы восприятия советской действительности, которая была свойственна всем предшественникам Михаила Сергеевича. Их восприятие строилось в русле парадигмы, выстроенной в какой-то мере, на базе марксистско-ленинской теории. Но здание этой парадигмы все-таки было в основном воздвигнуто Сталиным. И выйти за установленные им рамки не удалось ни Хрущеву, ни Андропову. По сути дела, то, что предлагал Андропов, лежало в русле той самой старой логики мышления, то есть ужесточения наказаний, усиления спроса с исполнителей, более строгой ответственности и так далее.

При Горбачеве начала пересматриваться сама парадигма. Это не только «Новое мышление» на международной арене, которое явилось одной из составляющих этого пересмотра. Начали меняться и взгляды на социализм, на то, что относится к глубинным его ценностям, а что приходящее и может меняться. С этой точки зрения, перестройка сродни тому, что сейчас называют «бархатной революцией» или начальным этапом этой «бархатной революции».

Отсюда ответ на вопрос о хронологических рамках перестройки. Когда же началась перестройка? Дело в том, что первые шаги Михаила Сергеевича Горбачева тоже еще шли в традиционном ключе. Например, призывы к ускорению, внедрению госприемки, все это находилось в русле традиционной старой парадигмы. Может быть, со мной в этом кто-то и не согласится, но я не претендую на то, чтобы изрекать абсолютные истины.

На мой взгляд, временем начала реальной перестройки нужно считать 86-й год, не 85-й, когда стало очевидно следующее: призывы к ускорению не дают должного эффекта, а кое в чем оказываются и контрпродуктивными. Система госприемки также не дает отдачи и нужны последующие шаги. Далее начала действовать логика перемен, логика процесса, который развивался спонтанно, помимо воли инициаторов этого процесса.

С этой точки зрения, мне кажется, сложнее ответить на вопрос о том, когда завершилась перестройка. Если под термином «перестройка» понимать процесс трансформации советского общества в сторону его демократизации или сближения с социал-демократической моделью, то, очевидно, что про процесс перестройки можно говорить лишь до того рубежа, пока события оставались под контролем Михаила Сергеевича Горбачева и его непосредственного окружения. Когда события стали выходить из-под их контроля, когда возникло внутреннее сопротивление, оппозиционные силы и справа, и слева, когда начался процесс спонтанного распада СССР, что не предусматривалось целями перестройки, то тут уже трудно говорить об осознано направляемом процессе. То есть с уверенностью можно сказать, что в 91-ом году период перестройки был завершен. ГКЧП и события после ГКЧП — уже не имели никакого отношения к перестройке. В этом, по-моему, сомнений нет.

Далее, если сторонники Ельцина рассматривают себя как продолжателей идей перестройки, то это совершенно не верно. Они воспользовались тем капиталом на международной арене, который достался им в наследство. И это бесспорно. Но они достаточно быстро и во многом бездарно его растратили. Что касается внутренней политики, то

она не имела ничего общего с перестройкой хотя бы потому, что в ней отсутствовала социальная составляющая, в чем, в частности, потом сознавался и Егор Тимурович Гайдар, один из инициаторов ельцинских реформ.

Можно предположить, что процессы перестройки стали выходить из-под контроля даже раньше ГКЧП. Вот с этой точки зрения, период завершения перестройки и начала процесса спонтанно-стихийного развития направляемого не волей лидеров, а определявшегося характером взаимодействия сформировавшихся новых социальных и политических сил, характером конфликтов различных лидеров, наметился в 90-ом году. Именно в 90-м году эти процессы шли полным ходом и выходили из-под контроля.

В заключение должен сказать, что с моей точки зрения, личность Горбачева в отечественной истории XX века была совершенно исключительной. Он инициировал процессы трансформации общества, которое по всем зарубежным концепциям тоталитаризма не подлежало реформированию и не могло быть реформировано. Он наметил модель такого реформирования, такого перехода. Не только наметил, но и в значительной мере осуществил без гражданской войны, без насилия, без пролития крови. Естественно, предвидеть и оценить заранее все возможные масштабы сопротивления, все возможные векторы сил, которые сформируются в обществе в процессе перемен, рассчитать, какие последствия будут иметь те или иные экономические решения, было чрезвычайно трудно и практически невозможно. Несомненно одно — здесь речь действительно идет о лидере, о крупной личности, которая направляла ход событий.

Если же говорить о Ельцине, то учитывая специфику учебной литературы, я не могу позволить себе в учебнике слишком жесткую критику ельцинской политики. В соответствии с этим подходом я пытаюсь находить какие-то позитивные моменты тех преобразований, которые осуществлялись в период его пребывания на посту президента. Если пытаться оценивать его как личность, необходимо, прежде всего, учитывать фактор чеченской войны, фактический отказ от демократии на выборах 1996 года, которые отнюдь не были демократическими.

Сейчас признается, что прошедшие на Украине выборы не были демократичными. Согласно мнению социологов ИМЭМО, где я работаю, процент нарушений, при формальном сохранении демократии, не может быть более 15-20 процентов поданных голосов. Если больше — то это будет уже слишком заметно, и скрыть нарушения никак не удастся. Я не говорю, что на Украине была 20-процентная фальсификация, пока об этом данных нет. А вот на выборах 96-го года в России процент искажения голосов был явно больше 20-ти процентов.

То есть произошел фактический отход и от демократии, и от курса на мирное решение конфликтов, отход от всего того наследия перестройки, которое еще оставалось. Не случайно, что окружение Ельцина, те, с кем он начинал свои преобразования, потом от него отошло и отказало ему в поддержке. Фактически Ельцин как лидер, с моей точки зрения, не состоялся. Он в значительной мере действовал под влиянием окружения, но окружение произвольно менялось, продуманной стратегии реформ не было, лишь экспромты на отдельных направлениях. Все это, конечно, говорит не в пользу преемника Горбачева. Я думаю, сопоставлять Горбачева и Ельцина, с точки зрения исторической объективности, достаточно сложно. Так или иначе, но в учебнике эту свою личную позицию, повторяюсь, я не могу в полной мере отразить.

Прелюдия и начало перестройки

А.С. Черняев,
к.и.н., Горбачев-Фонд

Вчера я просмотрел кассету кинофильма, сделанную канадской компанией совсем недавно. Фильм из всех тех, которые мы видели про Горбачева и перестройку, наиболее содержательный и объективный, наиболее состоятельный.

В нем есть ответы на вопросы, которые поставил Логинов для нашей дискуссии. Их дает сам Горбачев. Да, в 85-м году мы задумали грандиозное дело. Но реально перестройка началась в 88-м году. До этого была прелюдия, был процесс подготовки, самообучения, какой-то мобилизации — внутренней, психологической, концептуальной.

В 1988 году, когда мы поняли (это говорил Горбачев), что система (обращаю внимание на термин — система) не-реформируема и подлежит слому, вот тогда началась реальная перестройка. Это действительно так. Так что это был не спонтанный процесс. Ведь Горбачев не случайно удалил партию от государственной власти. Вот откуда началась реальная перестройка. И спонтанные процессы пошли именно потому, что разрушили этот стержень, на котором держалась «сталинская парадигма» — я цитирую Загладина.

Вот таковы два момента — 85-й год и 88-й год. С этого последнего он, сам Горбачев, начинает реальный процесс перестройки. При этом он рассчитывал на включение спонтанного процесса, его термин «человеческий фактор» как раз и подразумевал включение народа в «делание истории». Очень важно это учитывать.

Теперь относительно конца перестройки. Вы, Никита Вадимович, высказали интересную мысль. Сошлюсь здесь на наши с Вебером затруднения в этом вопросе при работе над фондовским Проектом «Как “делалась” политика перестройки». Даты у нас обозначены — 1985-91 годы. Колоссальный проект. Три тысячи с лишним страниц. Там записано то, что говорилось на Политбюро. Но где, фактически, закончить собственно перестройку? — Мы с Александром Борисовичем Вебером оказались в некотором недоумении. Подошли к 90-му году. В названии Проекта есть слово «политика». И хотя в 90-м году политика перестройки вроде оставалась, она уже не реализовывалась, она уже не имела продолжения в жизни.

Мы можем говорить, что политика продолжалась до конца 1991 года, когда Горбачев ушел из Кремля. Он не хотел разрушать Советский Союз, до конца бился, чтобы сохранить реформированное общее государство. Иначе говоря, он продолжал свою политику, которая исключала такой

результат — распад страны. Но реальное влияние на ход событий он уже к этому времени утратил. И здесь действительно проблема: когда заканчивается объективный процесс перестройки. Я думаю, это такой же спор, какой мне приходится вести на международных конференциях, по вопросу о том, когда «холодная война» началась и когда кончилась: одни говорят, она началась в 17-м году, другие — в 45-м году, одни говорят, что кончилась в 89-м году (так и я считаю), а другие в восторге подхалимажа пишут — что это когда Буш-старший пожал руку Ельцину в 1992 году. Несерьезно это для историков.

В историческом повествовании принято обозначать четкие хронологические сроки (даты), иначе мы запутаемся окончательно. Нормальные, «официальные» сроки у перестройки –1985-91 годы. А между ними — разные шли процессы. Они подлежат своему анализу, отдельно каждый и все вместе. Но это, наверно, не для школьного учебника.

Перестройка как процесс

А.А.Данилов,
д.и.н., профессор, МГПУ

Сама идея такого круглого стола, как сегодня, с выяснением проблемных вопросов, тем более нацеленных на то, как отражать их потом в учебной литературе, давно просилась и давно стучалась в дверь. Помню, когда 9 лет назад вышел наш учебник — он стал первым в постсоветское время, — мы послали его в подарок Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Авторы полагали, что, может быть, какие-то проблемы мы поняли неправильно, поскольку не обладали той информацией, которой располагаем сегодня. Увы, ответа не последовало и обратной связи не получилось. Будем считать, что сегодня она восстановлена.

Прежде всего, следует отметить, что перестройка является исторически обусловленным процессом. Именно так она показана в большинстве учебников истории. И отвечая на те три вопроса, которые сформулированы, в первую очередь, на мой взгляд, нужно было бы определить, а что такое перестройка? Это правильно с методологической точки зрения, так как, прежде чем говорить, когда что-то началось или закончилось, надо выяснить, а что это было такое. Так вот, в современных учебниках вопрос ставится, на мой взгляд, совершенно правильно: перестройка — это система мер, направленных на обновление всех сторон общества в рамках социалистического выбора.

Вот если в такой постановке рассматривать вопрос, то, видимо, перестройка имеет вполне определенные хронологические рамки: 1985–1991 годы. Однако, нельзя не отметить и то, что этот короткий для истории отрезок времени имеет и свою внутреннюю периодизацию.

Первым я считаю период с марта 1985 г. по начало 1987 г. Это было время, когда выкристаллизовывалась идеология и программа перемен. Это был трудный и постепенный процесс. Сам Михаил Сергеевич Горбачев в книге «Жизнь и реформы» пишет, что какой-то конкретной программы мер после того, как его избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, у него, естественно, не было. Более того, каждый из членов высшего партийного руководства видел и перспективы страны, и суть перестройки совершенно по-разному. И эти самые разные мнения и идеи тоже влияли на позицию Горбачева, на характер предлагаемых или поддерживаемых им мер. Впрочем, и самого понятия перестройка тогда еще не было.

Ключевым мне представляется 1987 год. Это был год, начавшийся с радикализации реформ на январском Пленуме ЦК КПСС, а затем получивший свое закономерное развитие осенью, после выхода в свет программной книги М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Это был год, отмеченный началом открытого, гласного обсуждения исторического прошлого нашей страны, роли в ней Сталина, выяснения сущности и последствий сталинизма. Доклад Горбачева на торжествах,

посвященных 70-летию Октября стал здесь также важной вехой.

Дальнейшим логичным и последовательным шагом стала, конечно, проработка основ политической реформы, обсуждавшейся затем на XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС. Таким образом, второй этап перестройки я бы отнес к 1987 — весне 1989 гг. (когда прошли выборы народных депутатов СССР).

Наконец, последним ее этапом стал период 1989–1991 гг., когда инициатива политических процессов вначале постепенно, а затем все стремительнее перетекала от инициаторов перестройки — к тем, кто выступая за ее «ускорение», а по сути, ставил вопрос и о смене содержания начатых в 1985 г. процессов. Закончился, как известно, этот период распадом СССР в декабре 1991 г.

Буквально несколько слов (в связи с периодизацией) об оценках и общем отражении периода 1982–1985 гг. в учебной литературе. Конечно, никакой «перестройки» в этот период не было, и быть в принципе не могло. Система не только оставалась стабильной, но никто и не посягал на ее основы. Более того, борьба за наведение порядка и укрепление трудовой дисциплины носила порой такие причудливые формы, что в канун 1983 года представители интеллигенции поздравляли друг друга «с новым 1937 годом». И тем не менее, нельзя не видеть этого времени и с другой стороны. После смерти Л.И. Брежнева люди ждали перемен, верили в них, откликались даже на малейшие признаки изменений. Предложенный Ю.В. Андроповым курс на наведение порядка уже означал, что в нашем общем доме не все так, как должно быть. Выдвигались и конкретные программы оживления экономики. Вспомним широкомасштабный экономический эксперимент, начавшийся в 1983 году в Белоруссии, на железнодорожном транспорте, попытки обновления обветшалой идеологии летом 1983 года, ряд смелых кадровых решений и т.п. Все это вызывало у людей надежды на лучшее будущее. И потому так искренне сожалели многие, когда не стало Андропова.

Пришедший ему на смену К.У. Черненко был, казалось, полным антиподом своему предшественнику. Правда, сего-

дня мы знаем, что в реальной жизни все было намного сложнее. И сам Черненко немало сделал для того, чтобы укрепить позиции Горбачева. Но главное в другом — именно в эти два года и в обществе, и в высших эшелонах власти сформировались и усилились те силы, которые выступали за решительные перемены, отчетливо понимали, что дальше так жить и управлять просто невозможно. Думается, это время в полной мере можно назвать вызреванием предпосылок для перестройки. Хотя в широком историческом плане, главной предпосылкой этих перемен была уже сама сталинская модель общественного развития. Ее исторический потенциал был, безусловно, ограничен. И перестройка, не состоявшаяся после смерти Сталина, неизбежно должна была произойти.

Так вот, эти два года, 1983 и 1984, в большинстве учебников поставлены в разделе, посвященном перестройке. Здесь следует пояснить, что другого места для них авторы не могут найти, так как количество учебных часов и параграфов ограничено. Но в качестве первого «фонарика» в параграфе, посвященном началу перестройки они вполне, на мой взгляд, на месте. Они лучше оттеняют последующий материал и говорят о неизбежности перемен.

Какие слабости в действующих учебниках существуют? О них, наверное, следует говорить не авторам, а читателям. Но, на мой взгляд, следует четче использовать терминологический аппарат. К примеру, в одном из учебников, когда речь идет о XIX партконференции, используется как достижение того времени понятие «правовое государство». Но в материалах конференции этого понятия нет. Там есть понятие «социалистическое правовое государство», что, естественно, далеко не одно и то же. Или, например, между понятиями «гласность» и «свобода слова» ставится знак равенства. Но это тоже неверно. Гласность являлась очень важным шагом к свободе слова, но не являлась ею.

И еще одно, очень важное, с моей точки зрения, примечание. В большинстве учебников есть политические портреты различных исторических деятелей, в том числе и М.С. Горбачева. Следовало бы показать в них не то, чего тот

или иной деятель не сделал и не мог сделать, а то, что он сделал, несмотря ни на что.

Самой сложной частью заключительного раздела «перестройки» как раз и является постановка вопроса о том, что удалось, а чего не удалось сделать за этот короткий, исторически очень важный отрезок времени. Здесь «плюрализма» в оценках — хоть отбавляй... Одни пишут как об итоге и результате перестройки — о распаде страны, об утрате того, что все мы имели. Другие — о тех обретениях, без которых сегодня мы уже не можем представить себе сегодняшней России. Они кажутся сегодня естественным обретением для нас. На самом же деле — это и есть зримый, весомый, исторически значимый итог и результат перестройки. Результат не в полной мере еще оцененный историками, современниками, да и новым поколением.

В контексте системной трансформации

А.С. Барсенков,

д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

Последние 10–12 лет мы постепенно продвигаемся в сторону более объективного освещения перестроечного периода, хотя и в настоящее время существуют факторы, осложняющие его осмысление. Это, во-первых, политическая конъюнктура, воздействие которой в сравнении с советскими временами изменилось, но не исчезло. Несомненно и сохранение самооцензуры, приобретающей порой причудливые формы. Во-вторых, субъективизм современника, который в чем-то облегчает, а в чем-то осложняет восприятие событий, участником которых был сам исследователь. В-третьих, это влияние западной исследовательской традиции, некритическое, а часто и неосознаваемое следование которой также препятствует научному осмыслению динамичного и драматичного периода 1985–1991 гг.

Все это приводит к тому, что авторы некоторых учебников концентрируются не на разъяснении причинно-следственных связей явлений, а на вопросе о «виновности» тех или иных политических деятелей, хотя сами публикации такого рода грешат существенными фактическими и содержательными ошибками. Вызывает сожаление поддержка таких изданий со стороны отдельных официальных структур.

В этой связи хотелось бы сделать ряд замечаний, которые имеют принципиальное значение при изучении и преподавании истории СССР 1985–1991 гг. Во-первых, происходившее в те годы следует рассматривать в более широком историческом контексте — в контексте системной трансформации советского общества, которая началась в 1985, но не закончилась и поныне. До сих пор ведется поиск оптимальных форм экономической политики, государственного устройства, путей духовной консолидации общества — все это было инициировано в 1985 году.

В связи с этим историю последнего двадцатилетия, на мой взгляд, следует разделить на три части. Первая: 1985–1991 годы — начальный этап системной трансформации советского общества. Его отличительными чертами являются эволюционный, реформистский характер преобразований и стремление решить стоявшие перед обществом проблемы в рамках социалистического выбора. Второй этап: 1990-е годы — этап революционных изменений. Его характеризуют радикализм политики и высокий уровень хаотичности процессов при жесткой либеральной экспансии в идеологической и других сферах. При этом понятия «демократический» и «либеральный» приобрели особую российскую специфику, отличающую их от классических образцов. Третий этап начался в 2000 году и продолжается поныне. Его можно назвать постреволюционным или периодом стабилизации. Содержание этапа — наведение порядка в системе политических и экономических институтов, возникших на предыдущих этапах.

Второе принципиальное замечание. События 1985–1991 годов нужно рассматривать как естественно-исторический процесс, имевший определенные предпосылки в сфере экономики, международных отношений, государст-

венно-политического устройства и общественного сознания, и в то же время испытывавший на себе воздействие обстоятельств, возникавших по ходу преобразований. В 1985 году никто не мог предвидеть падения цен на нефть, чернобильскую катастрофу или землетрясение в Армении. Далеко не все назревшие преобразования (антиалкогольная кампания, ускоренное развитие машиностроения, активная социальная политика) дали тот эффект, на который первоначально рассчитывали. Весьма противоречиво складывались и связи с Западом. Ведущие страны оказались неготовыми к утверждению нового, неблокового мышления в международных отношениях. Не случайно сейчас исследователи все чаще обращаются к вопросу о роли США в дезинтеграции СССР. Между тем, видимо, во второй половине 1980-х гг. был шанс перехода к неконфронтационной системе международных отношений. Всего этого нельзя было предсказать в 1985 году.

Следует подчеркнуть поисковый характер перестроенных преобразований: в 1985 году никто не знал, что и как следует делать, и тем более не имел законченной программы реформ. В этом плане преподавание истории перестройки можно построить исключительно интересно: показать, как шаг за шагом, шел поиск разрешения накопившихся противоречий. Притом основные трудности первых этапов перестройки лежали в сфере общественного сознания: начало освобождения от «коммунистического фундаментализма» объективно не могло сопровождаться одновременным предложением готовых рецептов общественного устройства. Следует также иметь в виду, что перестройка как проект совершенствования общества в рамках социалистического выбора оказалась незавершенной: в 1991 году страна «сорвалась» в малоконтролируемый процесс революционных изменений с откатом от много из того, что было «наработано» в 1985–1991 годах.

Именно с этих позиций нужно походить и к вопросу о периодизации перестройки. Я бы предложил широкую и более узкую трактовку этого термина. С одной стороны, в историческую и политическую науку в нашей стране и за рубежом уже вошло представление о перестройке как о периоде

пребывания у власти М.С. Горбачева. В этом смысле время перестройки охватывает 1985–1991 гг. С другой стороны, если под перестройкой мы понимаем систему преобразований, содержание которых определялось принципами нового — отличного от прежнего — мышления во внутренней и внешней политике, то ее рамки будут уже. На мой взгляд, они охватывают 1987 — середину 1990 гг. В этой связи я бы предложил следующую внутреннюю периодизацию истории 1985–1991 годов

Изучение этого периода позволяет выделить четыре этапа, качественно отличающиеся друг от друга. В основе их выделения лежат: характер представлений о путях реформирования общества и соотношение политических сил, готовых отстаивать свою позицию. *Первый этап — апрель 1985–1986 г.* — прошел под лозунгом «ускорения социально-экономического развития советского общества». Преобразования в СССР осуществлялись на основе прежних, преимущественно административных подходов. Это время называют «авторитарной перестройкой». В рамках *второго этапа — 1987 — весна 1990 г.* — началось изменение системы политических, идеологических, экономических отношений. В качестве *главного рычага*, посредством которого предполагалось изменить общество, рассматривались демократизация и реформа политической системы. Однако на этом этапе резко ухудшилось социально-экономическое положение и обострились межнациональные отношения, началась реальная политическая борьба. *Третий этап перестройки — лето 1990 г. — август 1991 г.* — связан с суверенизацией республик и хаотизацией общественной жизни.

К середине 1990 года были, наконец, созданы программы последовательных рыночных реформ, однако реализовать их было уже невозможно из-за начавшейся борьбы между органами власти СССР с одной стороны, и союзных республик, — с другой. (Последние выступали за «суверенитет», который понимался как большая самостоятельность республик в рамках СССР). Противостояние союзных и республиканских элит вело к потере управляемости всеми общественными процессами. Весной — летом 1991 года страна была свидетелем острого кризиса власти, который за-

вершился политическим кризисом 19–21 августа 1991 года. *Четвертый этап* охватывает *конец августа — конец декабря 1991 г.* Это время постепенного угасания союзных органов власти, когда шел последовательный *демонтаж* (преобразование и ликвидация) *государственно-политических структур СССР.*

Принципиальным именно для перестройки «по-горбачевски» и ее судьбы является время с 1987 года. В 1987–1988 гг. была сформулирована концепция глубокой реформы политической системы и в 1989–1990 гг. началась ее реализация. В это время в результате бурных дискуссии, часто и методом «проб», были определены пути постепенной трансформации административно-распределительной экономики в рыночную, что нашло отражение в появлении двух принципиально схожих программ (план Л.И. Абалкина и программа С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского). В рамках этого периода в апреле — мае 1990 г. появились законы, призванные по-новому регулировать систему федеративных и международных отношений, последовательная реализация которых могла позволить навести порядок в этой сфере. В это же время была внесена «гуманистическая компонента» в трактовку послеоктябрьской истории. М.С. Горбачев первым из высших советских руководителей поставил вопрос о человеческой цене социалистического строительства в СССР. На основе анализа опыта мирового развития в XX веке активно велась разработка современного видения социализма.

Начало следующего этапа в рамках периода 1985–1991 гг. связано с июнем 1990 года, когда после принятия первым съездом народных депутатов РСФСР Декларации о ее суверенитете, в Москве оформляется второй, альтернативный союзной российский центр власти. Как показала история, это «двоецентрие» делало невозможным осуществление тех решений, которые были разработаны и приняты в 87-м — первой половине 90-го годов. Весь следующий год — до августа 1991 г. прошел под знаком борьбы против союзного руководства. (Сам Ельцин в октябре 1991 г. признавал, что до осени 1991 г. между республиками и «Центром» шла «холодная война»). И рад, что моя позиция совпадает с выска-

занным здесь А.С.Черняевым мнением, что собственно горбачевский период преобразований с середины 1990 г. начал завершаться. Хотя я считаю, что он уже, наверное, в это время завершился. Изучение событий тех месяцев дает основание для вывода о том, что как минимум, с начала 1991 г. года мы можем констатировать абсолютный кризис власти в СССР. К весне 1991 г. это осознали и противостоящие друг другу политики, что и вызвало к жизни «новогаревский процесс», в ходе которого союзные и республиканские власти попытались выяснить, кто за что будет отвечать. Начало подготовки нового союзного Договора и борьба вокруг него — это показатель кризиса той системы властных отношений, которая сложилась в стране к тому времени.

Есть разные оценки итогового варианта Союзного Договора (23 июля 1991 г.) Я присоединяюсь к тем исследователям, которые считают, что практически этот Договор означал прекращение существования СССР как единого государства, переход в лучшем случае к конфедерации. И дело не в конкретных формулировках текста проекта, а в политической воле элит, прежде всего российской и украинской, которые не демонстрировали серьезных интеграционных намерений, хотя открыто об этом и не говорили. Поэтому политический кризис августа 91-го года фактически поставил точку в существовании союзного государства как такового. После кризиса уже никакие реформы в масштабах Союза ССР центральная власть проводить не могла. Поэтому, строго говоря, в «горбачевскую» перестройку период с конца августа до конца декабря 1991 г. включать нельзя, ибо его основное содержание — ликвидация союзных структур и начало проведения другой новой, «ответственной» политики Российской Федерации, когда перед ее руководством впервые встала задача не борьбы, а реального управления.

Предлагаемые мною временные рубежи в разном контексте фигурируют в работах исследователей и политиков, как наших, так и зарубежных, и в этом смысле они не «придуманы». В то же время, отдельные грани в известной мере условны и в зависимости от угла зрения могут быть конкретизированы. Например, определение главного «рычага» перестроечных преобразований — демократизации системы

общественных отношений — приходится на лето 1986 г. Практическая же реализация курса связана с январским (1987 г.) пленумом ЦК КПСС. Такие «подвижки» можно обсуждать, но в целом они не будут влиять на содержательную характеристику предложенных этапов. Могу добавить к этому лишь то, что изложение материала в рамках предложенной периодизации было апробировано в ходе многолетнего чтения курса лекций по истории современной России на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и нашло отражение в учебнике «История России. 1938–2002», который мы выпустили в 2002 г. совместно с профессором А.И. Вдовиным.

В.Т. Логинов

Иногда очень трудно спорить по каким-то узловым вопросам потому, что в наш язык вошло множество понятий, смысл которых не вполне ясен. В том, между прочим, и проявляется особый российский «постмодерн для бедных». Я, например, сознательно избегаю понятия «тоталитаризм», ибо оно, уравнивая явления совершенно различного характера, лишь уводит от сути дела. «Тоталитаризм» — это претензия власти на контроль всех сфер жизни общества. Видимо, это удалось осуществить в Германии. Гораздо меньше — в Италии, Испании или Венгрии. К России же — с ее гигантскими пространствами, отсутствием коммуникаций, пестротой жизненных укладов, полиэтничностью и многоконфессиональностью, гигантским разрывом между официальной и неофициальной идеологией, жизнью «общественной» и жизнью «частной» — это понятие вряд ли применимо для сколько-нибудь длительного периода ее истории.

Или возьмите другое понятие — «демократия». Сегодня у нас главное в этом понятии — свобода ТВ и прочей журналистики. Ну, а возможность доступа к СМИ большинства населения? — Это проблема демократии или нет? У понятия «демократия» есть и базовый смысл: народовластие. Какова степень вовлечения самих народных масс в управление

жизнью общества и государства — вот чем измеряется степень демократизма. А когда вместо этого мне подсовывают клоунату выборов в США или манипуляции электоратом в российской глубинке как образец демократии — это уже совсем другое понимание.

Социал-демократическое прочтение перестройки

Б. Ф. Славин,
д. ф. н., профессор, Горбачев-Фонд

Хорошо, что состоялся этот «круглый стол». Его тема очень важна и для учителей, и для историков, и для политиков, потому что без понимания процесса перестройки, мне кажется, невозможно понять как советскую историю, так и современные проблемы России. В этой связи я хотел бы сформулировать ряд тезисов.

Здесь уже говорилось о том, что без понимания сути перестройки нельзя понять ее начало и конец. Это, в принципе, верно. Со своей стороны хотел бы расширить этот подход. На мой взгляд, нельзя понять суть перестройки без понимания всей истории советского общества, начиная с 1917-го года. И не только потому, что в годы перестройки был выдвинут лозунг о возвращении к идеалам Октября, о необходимости второй социалистической революции. Напомню, что Горбачев неоднократно говорил о том, что идея перестройки у него зародилась в ходе изучения последних работ Ленина. Как известно, в них говорилось о возникшем под влиянием НЭПа новом видении социализма, о политической реформе, предполагавшей демократизацию партийного и государственного аппарата, смещение Сталина с поста генсека и т.д. В этой связи, есть все основания говорить, что первоначальный замысел перестройки состоял в своеобразном «возвращении» к ленинским нормам партий-

ной и государственной жизни, устранении сталинских деформаций и широкой демократизации общества. Все это отразилось в лозунге: «Больше демократии, больше социализма!»

Тут уже прозвучала мысль о своеобразном социал-демократическом прочтении перестройки. Мне эта мысль близка. Особенно, если говорить о последних годах перестройки и тех сложных процессах в партии, которые возникли к началу 90-х годов и привели к разработке нового, по сути дела, социал-демократического проекта Программы КПСС. Эта мысль органически вытекает не только из анализа исторических фактов, но из самой эволюции политических взглядов Горбачева, который за годы перестройки постепенно перешел с типичных для того времени коммунистических позиций на позиции социал-демократа. По его собственному выражению за эти годы он прожил «несколько жизней, а не семь лет» (См.: его выступление в Мюнхенском театре «Каммершпиле» от 8 марта 1992 г.). Я это говорю, основываясь на анализе многочисленных текстов Горбачева, предпринятого в связи с подготовкой его книги по проблемам современной социал-демократии.

На мой взгляд, с формальной точки зрения перестройка началась в 85-м году и закончилась роспуском Союза, то есть исчезновением того объекта, который подлежал реформированию. Известное выступление Горбачева по ТВ в декабре 1991 года о сложении с себя полномочий президента СССР фиксирует это с точностью до минуты. Хочу подчеркнуть, что я говорю о формальных границах перестройки. За рамками этих границ существует идейное влияние перестройки, которое, на мой взгляд, сохраняет свою актуальность до сих пор. В этом смысле история перестройки не закончена, и, я уверен, что ее идеи еще будут востребованы как в нашей стране, так и во всем мире.

Несколько слов о малоисследованном периоде деятельности Горбачева после его возвращения из Фороса. Вы, наверное, помните, что сразу по приезде в Москву, Горбачев выступил на пресс-конференции с речью, где высказал мысль о необходимости продолжать реализацию стратегии перестройки. При этом он долго убеждал собравшихся в

своей приверженности социалистической идее, показывая ее несовместимость со «сталинской моделью организации общества» (см.: «Правда» от 23 августа 1991 года). Участники пресс-конференции стали ему намекать, что он де приехал в другую страну и что с партией и перестройкой пора кончать. В этом же русле шли и соответствующие комментарии в центральных газетах. Тем не менее, Горбачев продолжал борьбу, пытаясь вернуть потерянную в ходе путча полноту власти. Сделать это было не просто, ибо Ельцин сумел за время «форосского пленения» президента СССР переподчинить союзные структуры власти российским. Вернувшись из плена, Горбачев стал возвращать эти структуры на свое место. Так, вновь стали функционировать МИД СССР, соответствующие Министерства обороны, финансов и т.д. Наступил типичный период двоевластия. Наблюдая этот процесс, Бурбулис срочно пишет отдыхающему на юге Ельцину о том, что Горбачев снова восстанавливает свою власть и этому нужно что-то реальное противопоставить. Отсюда рождается идея Беловежских соглашений и роспуска Союза, ведущая к автоматическому отстранению президента СССР от власти и тем самым окончательному прекращению перестройки. Попытка сохранить Союз на обновленных началах со стороны Горбачева и стремление распустить СССР со стороны Ельцина, Кравчука и Шушкевича — это, пожалуй, самый драматический период истории перестройки. Чем он закончился известно всем. Роспуск Союза стал трагедией для миллионов советских людей.

Вообще, нельзя понять историю перестройки, не поняв тех основных социальных сил, которые определяли ее динамику и развитие. Я считаю, что существовало три главные политические силы в ходе перестройки. Прежде всего, это ее последовательные сторонники, которые шли за Горбачевым с лозунгом — демократического обновления социализма. Это от их имени поэт Евтушенко говорил тогда, что «мы все в партии Перестройка». Сторонникам перестройки противостояли консервативные круги в партии и интеллигенции, которые, в конечном счете, поддержали ГКЧП. Их тогда называли «правыми» и это было верно, ибо они выступили охранителями государственно-бюрократической, сталини-

стой модели социализма, от которой всячески пытались избавиться перестройщики. Это сила сначала пассивно, а затем активно, вплоть до Августовского путча, сопротивлялась перестроечным процессам и требовала возвращения назад к доперестроечным порядкам. Наконец, третьей, по счету, но не по значению, силой были люди, которые группировались вокруг президента РСФСР Бориса Ельцина. Они критиковали перестройщиков сначала за медлительность преобразований (за это их Горбачев назвал «авангардистами»), потом за принципиальную приверженность идее социализма. В конечном итоге, они потребовали как можно быстрее покончить с «социалистическим экспериментом» и присоединиться к мировой капиталистической цивилизации. Так, выступая в 1991 году в Нью-Йоркском университете, Ельцин говорил: «Россия сделала свой окончательный выбор. Она не пойдет по пути социализма, она не пойдет по пути коммунизма, она пойдет по цивилизованному пути, который прошли Соединенные Штаты Америки и другие цивилизованные страны Запада». Эта была точка зрения радикальных неолибералов, реализовавших позднее политику «шоковой терапии» в России.

Вот эти три силы и определяли динамику перестройки: ее успехи, противоречия и поражение. Во время путча все эти силы сыграли свою роль. Путчисты решили вернуть страну к доперестроечным временам, демократическое сопротивление сторонников перестройки сорвало эти планы. В итоге на волне демократического сопротивления путчистам пришли к власти неолибералы, которые сделали все от них зависящее, чтобы покончить с властью Горбачева и самой перестройкой.

Однако для того, чтобы понять суть перестройки и ее место в истории, как я уже говорил, недостаточно знать ее начало и конец. Нужно понять историю и логику развития всего советского общества, начиная с Октября 1917 года и кончая 1991 годом — моментом ухода Горбачева с поста президента СССР.

На мой взгляд, история советского общества после Октября 1917-го года характеризуется борьбой двух характерных тенденций: демократической и бюрократической. В

первой тенденции отстаивались интересы трудящихся, во второй отечественной бюрократии. Первая тенденция связана с переходом страны от политики «военного коммунизма» к политике НЭПа: она породила хрущевскую «оттепель» и горбачевскую перестройку. Вторая тенденция привела к созданию в СССР тоталитарного сталинского режима. С ней связаны трагические последствия преждевременной коллективизации, незаконные массовые репрессии, неосталинизм брежневской эпохи, деятельность ГКЧП и т.п. Перестройка, по сути своей, была отрицанием и преодолением сталинской модели тоталитаризма в нашей стране. Перестройку по праву можно назвать, мирной антитоталитарной революцией, совершенной во имя социалистических идеалов и торжества демократии. Напомню, что платформа XXVIII съезда партии так и называлась «К гуманному, демократическому социализму!». Эта платформа, раскрывая стратегию перестройки, принципиально отличалась от прежних программных заявлений КПСС, говоривших о «развернутом строительстве коммунизма» или «развитом социализме». Данная платформа была своеобразным идейным преддверием проекта Программы КПСС, который был подготовлен к планируемому XXIX съезду партии. Этот проект, как показывает анализ его текста, был уже социал-демократическим.

Итак, на мой взгляд, суть и историческое место перестройки, определяется ее антитоталитарной направленностью и утверждением на практике таких подлинно социалистических ценностей и идеалов, как свобода, гуманизм, демократия, гласность, справедливость, самоуправление, права человека и т.д. В этом плане перестройке удалось многое достичь. Достаточно вспомнить об отмене цензуры, альтернативных выборах, избрании советов трудовых коллективов, свободном выезде за границу, реальных плодах «нового мышления», чтобы понять, что создание демократической модели социализма в СССР как конечной цели перестройки, было не только декларацией, но и стало реальным фактом нашей истории.

В этой связи попытки отождествления перестроечного времени с господством сталинской тоталитарной системы

не имеют под собой основания. Уже «хрущевская оттепель» во многом надломилась сталинскую модель тоталитарного общества. Брежневский период ее снова оживил, но уже без тех массовых репрессий, которые были характерны для эпохи сталинизма. Перестройка, в свою очередь, окончательно покончила с остатками сталинизма. Это наглядно проявилось в таких акциях, как полная амнистия всех жертв незаконных сталинских репрессий, в восстановлении ленинских норм партийной жизни, в утверждении политического и идейного плюрализма и т.д. По моему мнению, тоталитаризм — это характеристика сугубо политического режима власти при Сталине, а не характеристика социально-экономического строя советского общества. Ее нельзя механически переносить на все этапы советской истории. Здесь я, в определенной степени, расхожусь с постперестроечными утверждениями некоторых помощников Горбачева о том, что в СССР был утвержден не социализм, а «тоталитарный строй», или «тоталитарная общественная система». Не смотря на то, что тоталитаризм своим влиянием охватывал все сферы общества, он все-таки был надстройкой, а не базисом общества, обусловленного выбором народа, сделанным в Октябре 1917-го года. Повторюсь, тоталитарный режим в СССР возникает в конце 20-х годов с утверждением личной диктатуры Сталина. С XX съезда КПСС начинается его закат, а перестройка преодолевает его окончательно.

Стремление осмысливать советскую историю только через призму концепции тоталитаризма, на мой взгляд, не выдерживает критики. Эту сугубо идеологизированную концепцию некоторые наши историки и политологи нередко некритически заимствовали у бывших советологов Запада. На мой взгляд, более правы такие известные американские историки России, как Роберт Такер и Стив Коэн, считающие концепцию тоталитаризма своеобразным препятствием на пути к объективному пониманию советской истории, со всеми ее противоречиями, достижениями и потерями.

Не меньшим препятствием для объективного понимания нашей истории служит концепция, отождествляющая перестройку с периодом радикальных ельцинских реформ.

Качественное отличие перестройки от ельцинских реформ, на мой взгляд, состоит в том, что перестройка осуществлялась в рамках социалистического выбора, а ельцинские реформы были направлены на последовательную ликвидацию этого выбора. Определять перестройку как начало неолиберальных реформ, которые проводил Ельцин, это значит противоречить фактам действительной истории. Эта концепция выгодна, прежде всего, Ельцину и его окружению, которые пытаются приписать себя демократические завоевания перестройки. Нельзя забывать, что при Горбачеве свобод было в несколько раз больше, чем при Ельцине. Существовала не только политическая оппозиция, но и было несколько оппозиционных телевизионных программ. Например, «600 секунд», «Пятое колесо», «Взгляд» и др. Отмена цензуры, альтернативные выборы, гласность, «новое мышление» — это все завоевания перестройки, а не ельцинского «потерянного десятилетия». Перестройка дала импульс подлинной демократизации и реформации советского общества. Это была политика в интересах большинства, в то время как ельцинские реформы шли в узких клановых интересах, в интересах так называемой «семьи».

Думаю, что перестройка закончилась беловежскими соглашениями. Закончилась, как я уже говорил, в формальном отношении, но она не закончилась в идейном плане. Ее идеи рано или поздно должны воплотиться в действительность, ибо они во многом отвечают вызовам современности и глубинному смыслу человеческой жизни.

Конечно, политика перестройки имела свои ошибки, просчеты и упущения, но они не меняют ее сути, связанной с демократическим обновлением реального социализма. Одна из фундаментальных ошибок перестройки состоит в том, что Горбачев, реформируя надстройку общества, фактически оставил в стороне решение вопроса о научно-технической революции, которое могло бы существенно продвинуть советское общество вперед. Правда, Горбачеву нужно поставить в заслугу сам факт проведения совещания по научно-техническому прогрессу. Я не так давно разговаривал с некоторыми членами Политбюро. Они в один голос заявляли, что «да, мы проспали научно-техническую рево-

люцию». К сожалению, и перестройка эту проблему не решила. Была определенная недооценка перестройщиками и роли финансово-экономического фактора в жизни общества и настроении людей. Когда в ходе перестройки возникли продовольственные трудности, людям стало не до гласности и плюрализма мнений. Наконец, явно запоздала партийная реформа, необходимая для размежевания с правыми и левыми радикалами.

Вместе с тем, повторяюсь, перестройка в целом дала возможность советским людям впервые в истории ощутить на практике широкие преимущества создаваемой модели демократического социализма. Понимание перестройки как исторического опыта создания такой модели и составляет, на мой взгляд, существо ее аутентичной концепции. Здесь я во многом солидарен с тем, что говорил Никита Замосквитин о перестройке, как социал-демократизации советского общества. Такой подход полностью совпадает с официальными документами той поры и подтверждается многочисленными текстами выступлений, статей и бесед М.С.Горбачева. Взгляды неолиберальных фундаменталистов (как и сталинистов), противопоставляющих перестройку идее социализма и отлучающим от нее самого Горбачева во имя его сближения с радикальными взглядами Ельцина, на мой взгляд, противоречат фактам истории и оказывают медвежью услугу сторонникам перестройки и ее главному инициатору. Противоречат они и суждениям самого Горбачева, который после возвращения из форосского пленения говорил: «Я отношусь к людям, которые никогда не скрывали своих позиций. Являюсь убежденным приверженцем социалистической идеи».

Перестройка не сумела решить все поставленные в ее ходе проблемы, но это не значит, что она ничего не достигла. Почти семь лет обновления советского общества дали много позитивного людям и истории. Перестройщики смело и во многом успешно «штурмовали небо». Они доказали, что социализм может иметь и демократическое, и человеческое лицо. Они же реализовали на практике фундаментальную идею социализма как «живого творчества масс», достаточно в этой связи вспомнить атмосферу проведения Все-

союзного съезда народных депутатов. Перестройка возродила и развила многие идеи НЭПа, связанные с использованием рыночных отношений, частной инициативы и т.д. Наконец, она положила конец «холодной войне», доказав, что если человечество хочет продолжать свое существование в ядерный век, мир между государствами не только возможен, но и жизненно необходим.

В этом смысле трудно переоценить значение перестройки для будущего. История не сразу делается. Модель демократического социализма, которую пытались реализовать перестройщики, постепенно пробивает себе дорогу в различных странах и регионах планеты. Возьмите, в этой связи, «Пражскую весну», выступление китайских студентов на площади Тяньаньмынь, демократические преобразования во Вьетнаме, на юге Индии — все эти факты доказывают, что ее идеи рано или поздно будут востребованы и реализованы человечеством.

Перестройка переустроила мир

А.А. Галкин,
д.и.н., профессор, Горбачев-Фонд

Сказанное — изложение мыслей человека, который никогда не писал и никогда уже не напишет учебников. Хочу обратить внимание присутствующих на следующее.

Первое. Мы уже сейчас сталкиваемся с градом нападков на перестройку. Эта тенденция, скорее всего, будет возрастать — и в связи с ухудшением общего положения, и в связи с выходом на политическую и общественную арену нового поколения, которому перекрыта социальная мобильность. Немалое значение имеет и то, что в наших условиях социализация молодежи происходит через поколение. Молодежь, которая выходит сейчас на общественную арену, воспитывалась не родителями, а бабушками и дедушками и во

многим приняла их ценности. Поэтому на ее позиции сказывается ностальгия, свойственная самому старшему поколению. Это обстоятельство зафиксировано многими социологическими опросами.

Данное обстоятельство придает особое значение теме, которую мы обсуждаем. Весьма важна в этих условиях позиция тех, кто пишет учебники. В общем потоке информации оценка перестройки должна быть организована так, чтобы преодолеть уже существующий ценностный барьер, внутреннее сопротивление учащихся.

Хорошо, что мы начали этот разговор, но его следует продолжить.

Второе. С точки зрения общей логики изложения, транзитологический подход, о котором тут говорили, соблазнителен. Он вроде бы рисует картину некоего единого потока, направленного движения. Но движение может быть в разных направлениях. Скажем, идет поезд с Севера на Юг, потом на пути переводят стрелку, движение продолжается, но меняется его направление: не с Севера на Юг, а с Севера на Юго-Восток.

Мне кажется, что, проводя транзитологическую трассу, надо учитывать, что перестройка представляла собой движение в одном направлении, а потом стрелку перевели, и маршрут изменился. С этой точки зрения я согласен с Борисом Федоровичем Славным. Перестройка была попыткой реализовать на практике исходные теоретические социалистические ценности. Их можно принимать или отвергать, но сама попытка — это бесспорный факт. Она не удалась. Но это не значит, что она не может удалась. В политике и общественном развитии слово — «никогда» — употреблять не рекомендуется.

Третье. Говоря о перестройке, часто ее расценивают только как попытку преобразования внутренней ситуации в Советском Союзе, создания новых форм отношений власть-общество и т.д. Это верно, но далеко не все. Все-таки перестройка началась, и была инициирована прежде всего потребностями внешней политики. И наибольшие достижения перестройки связаны с внешнеполитической деятельностью.

Можно как угодно оценивать ее внутривнутриполитические результаты, делать упор на то, что не было сделано, где допущались ошибки, но отрицать то обстоятельство, что перестройка переустроила мир, что был положен конец «холодной войне» и отодвинута угроза всеобщего взаимного уничтожения, невозможно. Поэтому, как мне кажется, разговоры о перестройке следовало бы начинать с изложения и оценки внешнеполитических факторов.

Тут уже говорили о влиянии внешней политики, но, главным образом, с точки зрения внешнего давления. Между тем эта проблема должна быть поставлена гораздо шире.

Таковы общие соображения, которые я хотел бы высказать, учитывая, что здесь присутствуют профессионалы, пишущие учебники.

Перестройка и российская история

В.Д. Соловей,
д.и.н., Горбачев-Фонд

Хотя, открывая наше заседание, Владлен Терентьевич Логинов говорил о том, что существуют различные, даже диаметрально противоположные интерпретации перестройки, в услышанных доселе выступлениях я не обнаружил никаких принципиальных концептуальных расхождений. Поскольку исключено, чтобы аудитория подбиралась таким образом, дабы исключить возможность дискуссии, это значит, что сложилась определенная научная конвенция, определенное взаимопонимание в трактовке перестройки как феномена.

Если говорить о самом этом феномене, то я полностью согласен с Никитой Вадимовичем Загладиным в том, что сначала надо определить существо процесса или феномена, а только потом уже говорить о его хронологии. Как же определить существо перестройки? Существуют три моду-

са изменения социальных систем — статус-кво, эволюция и революция. Понятно, что перестройка была эволюцией. Это была эволюция в рамках социалистической системы, что видно хотя бы из того, что ее зачинатели исходили из нормативистской коммунистической утопии и мыслили свое предприятие как реализацию этой утопии в полном объеме. Независимо от того, кто и как эту утопию понимал и трактовал в советском руководстве, для него она оставалась идеологическим, ценностным и интеллектуальным стержнем перестройки. Другое дело, что в процессе перестройки оформились влиятельные социополитические силы, мыслившие перестройку не как внутрисистемную, а как межсистемную трансформацию, т.е. эволюцию, тождественную по своим последствиям революции — кардинальной смене политической и социоэкономической системы.

В то же время перестройка была одновременно реализацией стереотипа русской истории (реформы в России всегда начинались сверху) и нарушением этого стереотипа. Ее новизна состояла в том, что впервые в русской истории реформатор обратился к обществу, стал его мобилизовывать, в то время как до этого в России реформы пытались проводить помимо общества, рассматриваемого как объект воздействия, а их движущей силой выступало социальное меньшинство. То, что Горбачев обратился к обществу, выбивает его из ряда традиционных русских реформаторов и придает перестройке статус уникального события русской истории.

Обращение к обществу было предопределено качественным изменением социокультурной ткани России: советское общество было массовым обществом, в общем-то, готовым к демократии. В связи с чем я полагаю принципиальной методологической ошибкой объяснять причины перестройки т.н. «многофакторным подходом» — вне зависимости от того, какие факторы приводятся, как они выстраиваются и группируются. Несравненно важнее другое: как все это преломляется в сознании людей, потому что никогда ни один фактор не действует непосредственно на политику. Все должно пройти через сознание людей, через культуру. В этом смысле я считаю академически абсолютно точным не-

привычно лаконичный ответ Горбачева на вопрос: что разрушило Советский Союз? Он ответил одним словом — «культура».

Но культуру в этом случае надо трактовать не в привычном для нас смысле — как совокупность материальных и духовных артефактов, а в рамках культурной антропологии — как психологическую модель освоения мира и адаптации к нему. В этом смысле культура есть совокупность моделей и образцов поведения и коммуникаций. Так вот, без понимания изменений в ментальности, в отечественной социокультурной традиции мы никогда не сможем понять, что и, главное, почему произошло в политике во второй половине 80-х — начале 90-х годов. Другое дело, что изучать эти изменения весьма сложно по причине отсутствия обширной и качественной социологии. Поэтому надо кропотливо исследовать историю советской ментальности и повседневности, стараясь понять, как менялось восприятие, ценностные и культурные конфигурации отдельных групп советского общества и общества в целом.

Очень важно понимать, что перестройка не была и никогда не могла быть вполне управляемым процессом. Это вообще невозможно в случае с масштабными социальными и культурными явлениями, в которых участвуют миллионы и десятки миллионов людей. Да, было какое-то первоначальное и смутное желание перемен, а впоследствии у руководства страны оформился какой-то их проект. Но история, даже современная, скорее результат спонтанности, скорее равнодействующая столкновения и сочетания разнообразных факторов и сил, чем продукт проективного мышления. Поэтому непредсказуемость итогов перестройки, прошу прощения за невольный каламбур, была предсказуема.

По поводу хронологических рамок перестройки. Понятно, что за 91-м годом мы переходим от внутрисистемной эволюции к революции, т. е. кардинальной ломке старой социополитической и экономической системы и формированию на ее месте новой. Внутренняя же периодизация перестройки зависит исключительно от того, в какой хронологической перспективе мы ее рассматриваем. Если в перспективе 100 лет (условно, XX в.), то внутренняя периодизация

перестройки не имеет значения. Если же рассматриваем перестройку как сугубо самостоятельный феномен, подходим к ней вплотную, тогда, конечно, внутренняя периодизация приобретает важный смысл.

Любопытно, что рассмотрение перестройки как части некоего масштабного, слитного процесса характерно скорее для массового сознания, в то время как в академическом дискурсе принято концентрироваться на ней как самостоятельном феномене. Между тем в рамках национальной исторической ретроспективы, в рамках последних пяти веков русской истории перестройка может быть концептуализирована как начальная фаза традиционной «русской смуты». Смуты как долговременного периода хаоса, в котором происходит коренная трансформация отечественной традиции — формирование нового русского космоса.

Однако в любой трактовке перестройки мы сталкиваемся с нереализованностью ее потенциала. И поскольку она была процессом, не доведенным до логического конца, до своего естественного завершения, то дать ему полную оценку крайне затруднительно. В восприятии перестройки преобладающее значение будут иметь культурные позиции, идейные симпатии, ее сравнение с последующими событиями. В последнем отношении даже нереализовавшиеся намерения перестройки выглядят не в пример симпатичнее того, что реализовалось в России 90-х годов прошедшего века. Суть этих изменений проста — социальный регресс. По социоантропологическим показателям (продолжительность и качество жизни, развитие молодежи и интеллектуальный потенциал) 90-е годы представляют регресс, беспрецедентный для невоюющей страны. Более того, страна понесла потери, сопоставимые с потерями в годы Великой Отечественной войны.

И в заключение об историческом образовании. На мой взгляд, его кардинальную проблему составляет не столько интерпретация истории, сколько ценностные, аксиологические основания этой интерпретации. Другими словами, вопрос о том, как мы относимся к собственной истории: считаем ли мы ее великой и трагической историей великого народа или же совокупностью ошибок, преступлений и недо-

разумений. Вот отправной пункт всякого учебника истории и всякого исследования отечественной истории. Если даже он не выражен явно, то все равно латентно присутствует в сознании авторов, предопределяя стиль и направленность изложения.

Перестройка и реформация

В.А. Медведев,
член-корр. РАН, Горбачев-Фонд

Недавно на заседании оргкомитета академической конференции, которую намечено провести 7 апреля следующего года в связи с 20-летием перестройки, неожиданно возникла дискуссия о самом понятии перестройки. Директор Института истории СССР, член-корр. РАН Сахаров А.Н. предложил вообще отказаться от этого термина как якобы не научного, а публицистического, в пользу термина «реформация», лучше, по мнению историка, отражающего суть происходивших в то время в стране процессов. Другие ему возразили, ссылаясь на то, что термин «перестройка» прочно вошел в оборот для обозначения определенного этапа в истории нашей страны.

Я тоже был в числе возражавших, полагая, что перестройку не следует ни отделять от реформации, ни отождествлять с ней. Попытки реформации предпринимались и раньше (хрущевская оттепель, косыгинская реформа). Перестройка имеет довольно определенные хронологические рамки. Она началась весной 1985 года и была прервана, не завершившись, в конце 1991 года. Она существенно отличалась от предшествующих ей попыток реформирования, тем, что решала не какие-то частные вопросы, а имела в виду реформирование советского общества в целом, начиная с его экономических основ и кончая тонкими идеологическими сферами. К сожалению, перестройку не удалось довести до

конца. Она пала жертвой ожесточенной политической борьбы.

Вопрос об общественно-политическом содержании перестройки не так-то прост и однозначен и должен рассматриваться в контексте исторической обстановки в стране на фоне процессов мирового развития. Во всяком случае, перестройка никогда не мыслилась ее инициаторами как отказ от социализма и возврат к капитализму.

Напротив, речь шла об очищении социализма, избавлении его от извращений и наслоений сталинизма, о восстановлении неких истинных ценностей социализма. На первое же место всегда выдвигались насущные практические потребности общества: ускорение экономического развития общества и научно-технического прогресса, решение назревших социальных проблем, создание лучших условий жизни и деятельности для человека, как говорилось тогда, повышение роли «человеческого фактора», создание действенных стимулов трудовой и деловой активности людей, расширение прав и свобод человека. Лишь постепенно акцент в общественно-политических ориентирах переносился на обновление социалистического общества.

На вооружение была взята ленинская формула о перемене всей точки зрения на социализм. Мы пошли в этом направлении значительно дальше, чем Ленин при переходе к НЭПу, преодолевая шаг за шагом границы узкоклассового понимания социализма, демократии, гласности, прав и свобод человека, приближаясь к признанию экономического, политического, идеологического плюрализма. Все это явно выходило за рамки прежних представлений о социализме, длительное время господствовавших в советском обществе и в советском варианте марксизма. Особое значение в этой связи имело провозглашение приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми как одного из исходных постулатов перестройки, а также все растущей целостности мира, абсолютного императива обеспечения безопасности и сотрудничества стран и народов, нового политического мышления на международной арене.

Да, представления инициаторов перестройки основывались на социалистических идеях. Горбачев, даже вернув-

шись из заточения в Форосе, в своем выступлении по телевидению подтвердил свою приверженность социалистическому выбору. Это объясняется не только тем, что вера в социализм была устойчивым стереотипом общественного сознания, с которым нельзя было не считаться, но прежде всего тем, что перестроечное руководство оставалось искренним приверженцем социалистической идее в ее обновленном виде с учетом реалий сегодняшнего дня.

Уже тогда пробивала себе дорогу, может быть еще в неопределенной, аморфной форме, мысль о том, что человечество в целом стоит на пороге вступления в некое новое состояние, выходящее за рамки традиционных представлений о капитализме, социализме, в котором ведущую роль приобретают общечеловеческие начала, наследуется все лучшее, что рождено предшествующим прогрессом человечества.

С этой точки зрения весь мир нуждается в перестройке, втягивается в процесс глубоких трансформационных перемен. Об этом неоднократно говорилось в выступлениях Горбачева. И нашей стране нужен был не возврат к капитализму, а движение вперед к новому состоянию общества, в котором найдут свое место и социалистические ценности. Следование этой парадигме было прервано поражением перестройки и обернулось приходом к «дикому» капитализму, не похожему на современное западное общество, переживающее процесс общецивилизационной трансформации.

Важные специфические особенности перестройка имела не только с точки зрения своего содержания, но и методов осуществления.

Эта проблема касается соотношения эволюционной и революционной форм развития. Действительно, Горбачев в одной из своих речей, кажется, на Дальнем Востоке назвал перестройку революцией, имея в виду коренной характер преобразований, которые предполагалось осуществить. Этот мотив и в дальнейшем повторялся не раз. В его окружении были люди, склонные к революционной фразе. Я лично старался избегать такой характеристики (хотя, может быть, иногда и проскальзывало словосочетание «революци-

онная перестройка»). Ведь революция — это единовременное, спонтанное действие, связанные с насильственным устранением существующей политической власти. Революция сверху — это не более чем фигуральное понятие. Поэтому перестройка не может отождествляться с революционным переворотом.

Не отношу себя ни к тем, кто молится на революцию, ни к тем, кто поносит любую из них — будь то Великая французская революция конца XVIII века или Русская революция начала двадцатого столетия. При определенных условиях, когда власть сопротивляется проведению назревших преобразований, даже прибегает к насилию для того, чтобы не допустить их и сохранить свое господство, революция становится неизбежной. Она выполняет очистительную роль, устраняя препятствия с пути общественного прогресса, приобщая к историческому творчеству широкие слои народа. И Великая французская революция, и Русская революция сыграли — каждая по-своему — огромную роль, открыв новую полосу всемирной истории. Что потом произошло — это уже другой вопрос.

В принципе же с общечеловеческой точки зрения, как мне кажется, предпочтительнее эволюционный путь развития — путь постепенных преобразований — даже самых коренных, без взрывов и катастроф, без жертв и насилия, гражданских войн. Советская перестройка мыслилась именно как эволюционный, реформаторский процесс, инициированный сверху, но отвечавший назревшим потребностям общества, настроениям и чаяниям большинства населения.

В этом смысле период в истории страны после событий конца 1991 года, не может, по моему мнению, быть назван продолжением перестройки, углублением реформации. Это был разрушительный перерыв постепенности, вызванный роспуском Союза, сменой политического режима, разделом государственной собственности. Последовал и откат от демократии, свидетельством которого может служить Конституция 1993 года, которой предшествовал разгон законно избранного Верховного Совета и расстрел Белого дома. В стране был установлен олигархический режим, основанный

на союзе и тесной спайке финансово-экономических олигархов и коррумпированной бюрократии.

Конечно же, такой исход не был фатально предопределен. Он явился результатом острейшей политической борьбы, развернувшейся в стране, на последнем этапе перестройки с консервативно-догматическими силами, с одной стороны, и радикально-либеральной оппозицией, с другой, просчетов и ошибок, допущенных перестроечным руководством, неблагоприятного сочетания объективных условий и субъективных факторов, приведших к поражению перестройки в конце 1991 года.

Периодизация «по царям»

Д.В. Маслов,
д.и.н., СПФ МГИУ

Я все-таки начну не как исследователь, а как человек, который в 90-е годы работал школьным учителем и начал свою вузовскую деятельность в качестве преподавателя.

Выступившие сегодня авторы учебников очень самокритично оценили свою роль в создании этих трудов. Но я хотел бы сказать несколько слов в их защиту. Давайте вспомним, какая ситуация сложилась в школьном и вузовском историческом образовании в начале 90-х годов. Это была перестройка системы образования и, хотя в адрес учебников и их авторов раздавалась критика, отчасти неизбежная и оправданная, но давайте представим, как можно было сложнейшие проблемы истории XX века объяснить девятикласснику (по старым понятиям восьмикласснику), который даже на уровне человеческого опыта не мог этого переварить и осмыслить. Естественно, что любой вариант трактовки здесь безусловно вызывал вопросы.

Вспомним также, какие предложения высказывались в то время — обойтись вообще без учебника. Неоднократно

встречал учителей, которые всерьез считали, что надо работать с газетными вырезками, поскольку они содержат последнее и самое точное слово в сфере науки. К чему это могло бы привести, догадаться нетрудно. Вспомним предложения, которые я совсем недавно слышал из чьих-то весьма просвещенных уст, к сожалению, фамилии сейчас не помню, не изучать вообще историю после 1917 года. Пусть, мол, все постепенно устоится, утрясется и т.д. и т.д.

Важно не то, что эти предложения, слава Богу, остались втуне, но сам факт того, что в общественном мнении такое представление существует.

Вопрос, конечно, сегодня уместно поставить и практически — как писать учебники дальше. Не собираюсь никого этому учить, поскольку здесь присутствуют люди, имеющие более богатый опыт в этой сфере, но отдельные соображения попробую сформулировать. В частности, в том, что касается периодизации. Конечно, мы все понимаем, что периодизация, прежде всего, это элемент методологии. Реальная история — это процесс объективный, непрерывный и дискретный одновременно. Мы его делим на периоды с точки зрения каких-то критериев, являющихся во многом продуктом нашего интеллекта. Здесь надо понимать различие периодизации для учебника и периодизации собственно научной. Может быть, это выглядит спорно, но попробую доказать. По периодизации, которая сейчас установилась, — перестройка охватывает 1985-й — 1991-й годы. Я с ней отчасти не согласен, о чем чуть позже скажу. Но на данном этапе, мне представляется, что этот вариант оптимальный. Почему? Потому что есть, я бы не сказал, что объективные, но понятные критерии: Горбачев — начало его политики и окончание, уход от власти. Это понятно, прежде всего, на уровне массового сознания, и школьника, и в последующем студента.

Здесь возникает другая проблема, с которой не раз приходилось сталкиваться в практике преподавания. Нередко видим, что студент или школьник считает, что до 10 марта 85-го года была одна история, а с утра 11 марта началась другая и продолжалась она до 8-го или, скажем, 25 декабря 91-го года, а потом начинается опять новая история.

То есть в сознании обучающегося барьеры воздвигаются здесь непрерывно. И приходится объяснять, что, конечно, этапы есть, и различия существенные, но элемент преемственности также надо проследить. То есть вот эта линия разрыва, мне кажется, сегодня все-таки преобладает в сознании.

Сошлюсь на пример учебника И.А. Исаева (Московская государственная юридическая академия, изд. 1996 г.) для вузов по истории государства и права России. Я обратил внимание, что количество периодов в рамках советской истории едва ли неодинаково по отношению ко всей предыдущей отечественной истории. То есть периодизация является слишком детализированной, что мешает (речь идет не только о названном учебнике) разглядеть сущность советского строя и место перестройки в нем. Наверняка мы все обратили внимание, что периодизация советской этапа истории нередко производится по принципу, который вроде бы еще в советские же времена был отвергнут, то есть «по царям» — сталинский период, хрущевский период, брежневский, горбачевский и т.д. Не раз приходилось сталкиваться и с тем, как всю историю после 1917 года студент может изложить буквально одной фразой: Ленин — революция, Сталин — тоталитаризм, Хрущев — «оттепель», Брежнев — застой, Андропов, Черненко — «междоцарствие», Горбачев — перестройка. Схематизм и начетничество становятся чертой познания молодежью отечественной истории, что не может нас не тревожить. В противовес такому подходу считаю возможным в контексте системного анализа предложить выделение всего двух этапов в эволюции советского строя: 1917 — рубеж 1940–1950-х гг. (становление и укрепление системы) и 1950–1990-е гг. (нарастание кризиса и падение системы). Конечно, к такому варианту будут неизбежные методологические претензии, но у него есть определенное преимущество — он весьма удобен в практическом применении.

Конечно, пресловутую роль личности именно в нашей истории отрицать никто не будет. И в то же время хотелось бы попытаться найти более объективные основания, в том числе и для периодизации. Для этого, естественно, уже как

исследователю, мне придется обратиться и к сути перестройки, о чем сегодня уже много говорили. В частности, хотел бы согласиться с Валерием Соловьев, что все-таки необходимо различать перестройку как волевой процесс, то есть как систему мер или систему взглядов на то-то и то-то, и те объективные основания, на которые эта система накладывалась.

Допустим, в 91-м году, как большинство выступавших отмечало, перестройка заканчивается. Но тогда было бы логично посмотреть, что происходит сразу за этим периодом. Разгул стихии рынка. Но элементы, и очень серьезные, теневой экономики и сращивания власти и собственности мы находим в 80-е годы и в 60-е годы. Линия какая-то здесь прослеживается.

Далее. Преобладание материального интереса в структуре сознания индивида 90-е годы показали. Но предгорбачевский период дал такую же картину. То же можно посмотреть и по национальной сфере. Всевластие местных «баронов» 1990-х годов вполне коррелирует с усилением региональных элит в 1970-е годы. То есть при всей специфике периода 85-го — 91-го года все-таки представляются важными те объективные процессы, на которые наложилась политика Горбачева. И в этом плане, может быть, более уместно предложить такую формулу, что Горбачев возглавил, как говорили, пытался оседлать тот процесс, который уже объективно зарождался. Сошлюсь, в частности, на последнюю на сегодня книгу Анатолия Сергеевича «Был ли у России шанс?», где он в главных пунктах солидаризируется с политикой Горбачева, но вместе с тем, насколько я его понял, отмечает, что эта политика в том ее виде, как он планировал, была обречена на неудачу. То есть он не мог спасти то, чего спасти было уже невозможно.

Что такое перестройка? С точки зрения историографии можно обратить внимание на эволюцию подходов к этой проблеме. В начале 1990-х годов наиболее популярные трактовки — «революция и контрреволюция», «номенклатурная революция», потом появился и вошел в обиход термин «модернизация». Ближе к концу 90-х появились уже и принципиально иные версии. А.Н. Яковлев предложил не-

давно такую формулу — «эволюция по форме, революция по содержанию». А Р. Саква, разочаровавшись, видимо, в предшествующих исследовательских попытках, вывел и во все причудливый термин — «антиреволюционная революция».

Здесь Борис Федорович Славин убедительно говорил о том, что перестройку нельзя понять вне контекста всей советской истории. А вот Л. Шевцова на одном из семинаров здесь же в Горбачев-Фонде отмечала, что перестройка явилась выходом за пределы парадигмы всей российской цивилизации, а не только советской. И эту точку зрения на сегодня нельзя игнорировать. А. Уткин отмечал, что и перестройка, и предшествующее развитие — это попытка России ответить на вызов Запада. То есть здесь еще и мировой контекст абсолютно очевиден, неизбежен. И в этом плане, мне кажется, что к периодизации перестройки в будущем появятся новые подходы. Если взять 91-й год. Да, распался СССР. Но к 10-летию распада СССР состоялся «круглый стол» в передаче В. Третьякова «Что делать?», и там, в частности, прозвучала такая идея, что СССР не в том, естественно, его формальном виде, а как геополитическая реальность продолжает существование, и приводились соответствующие аргументы. Версия, конечно, спорная, но попытки реанимации каких-то элементов отношений внутри бывшего Союза, я думаю, мы сегодня наблюдаем. Я говорю об этом вне положительных или отрицательных оценок.

Что касается тоталитаризма. Здесь не так давно проходил семинар, что перестройка — это преодоление тоталитаризма. Мне кажется, что перестройка по своему значению не сводима к отдельным аспектам. Конечно, тоталитаризм — это важный элемент системы, но все-таки элемент. Были и другие. Ведь и СССР также являлся элементом той системы, но против него Горбачев и команда реформаторов не только не выступали, а прикладывали усилия к сохранению. И, следовательно, перестройку трактовать только через негативистскую характеристику, т.е. как борьбу с чем-то или против чего-то, наверное, было бы недостаточно корректно и явилось бы сужением самого ее значения.

Наконец, еще один момент относительно продолжения перестройки. Мне представляется, что если не брать внутреннюю ситуацию, весьма еще туманную в России, то, по крайней мере, в одной перестройка должна продолжиться, должна как императив, но пока еще не как реальность. Это то, что называлось «новым политическим мышлением». Актуальность его в настоящее время, по-моему, даже более велика, чем во времена Горбачева, по всем вам известным причинам.

Буквально, еще один момент. Складывается такое впечатление, что все-таки оценка перестройки через определенный исторический промежуток во многом будет зависеть от того, чем закончится или к какому состоянию приведут наше общество современные преобразования. Если Россия опустится еще ниже, то как бы ни стремился кто-либо положительно оценить роль перестройки, переломить негативизм общественного сознания в этом вопросе будет едва ли возможно.

Поиски согласия

В.В. Загладин,
д.ф.н., профессор, Горбачев-Фонд

Я, собственно, шел сюда, полагая, что будут обсуждаться проблемы подготовки написания учебников и их совершенствования, но оказалось, что у нас более широкая тема, и это очень хорошо. Поскольку я к учебникам, в отличие от Никиты, не имел отношения, то я на эту тему и не очень думал. Но у меня было время задуматься над другими вещами, которые больше всего были затронуты Борисом Федоровичем, изучающим эволюцию концепции Горбачева, и Вадимом Андреевичем Медведевым.

Я воспринимаю перестройку не как историк, а скорее как участник каких-то дел этого периода, как тот, для кото-

рого перестройка была прежде всего частью жизни. Поэтому у меня, может быть, немножко другие какие-то взгляды. И тем не менее, как раз в последний период времени я попытался подняться над современной историей, над современностью и посмотреть на все происшедшее более широко, имея в виду два угла зрения.

Первый угол зрения — это фактическое развитие событий, фактическое развитие перестройки, ее результаты. В любом случае, если подходить даже с самых узких позиций, перестройка сыграла огромную роль, потому что она показала возможность совершенно другого типа развития, чем тот, который господствовал до этого и который мы наблюдаем сейчас. Девяностые годы, действительно, это регресс — шаг назад.

А другой угол зрения — это посмотреть на место самой идеи перестройки, ее эволюции, эволюции идеи нового общества — общества справедливости, равноправия и т.д. С этой точки зрения, мне кажется, очень многое можно еще сказать и подумать. По существу перестройка и концепция Горбачева, ее эволюция постепенно подвели нас к тому, что должна быть выдвинута иная концепция развития, концепция типа развития — не конфронтационная, не основанная на антагонизмах, а основанная, скорее, на поисках согласия, поисках компромисса, как бы он ни был труден.

Весь предыдущий путь развития истории — это был путь не компромисса, а путь антагонизма, конфронтации, противоречий естественного и искусственного происхождения. Если этот путь будет продолжаться, то очень скоро человечество просто погибнет. Нужен другой какой-то путь. И Горбачев в период перестройки вышел к пониманию этого, пытался это понимание предложить и другим. Не только России, не только советскому народу, но и всему миру. С этой точки зрения, новое мышление, конечно, действительно было очень большим шагом вперед, который должен развиваться.

Я попытался сначала мысленно, а потом поднял свой собственный архив и посмотрел эволюцию взглядов, подходов, оценок Горбачева. Очень важно было не ограничиваться тем, что было сказано в речах или докладах, но учесть

имевшие место обсуждения, которые очень многое открывали для того, кто в них участвовал или кто слушал. Они свидетельствовали, как развивалась мысль Михаила Сергеевича.

Конечно, очень многие вещи, которые он говорил, он формулировал с учетом не только самого значения этих вещей и не только веса, которые он им придавал, но и с учетом того, как будет воспринято это мировым общественным мнением и, прежде всего, советским общественным мнением. Очень многие вещи, которые поначалу он повторял, многократно повторял и сознательно, уходили корнями в доперестроечный период. И это понятно — нельзя было прерывать преемственность.

Когда я в ночь на 11 марта 1985 года приехал в Кремль (Горбачев еще был один), он высказал некоторые соображения по поводу того, что делать дальше. Говорил о том, что нужно, естественно, продолжать линию, но нужно и обновление. И эта фраза, которую он потом ночью сказал Раисе Максимовне, он ее и в этот раз повторил, что «дальше так жить нельзя». И это надо понять. Но если мы сразу слишком резко об этом скажем, этого никто не поймет. Вот его ключевая постановка. Очень многие вещи в его письменных и устных выступлениях, видимо, шли от этого. Он прекрасно понимал, что люди могут воспринять, чего не могут; что могут понять, а чего могут и не понять.

Эволюция взглядов, концепций перестройки — это был захватывающий процесс. Стал читать все это, перечитывать свои заметки, поднял старые записи разных обсуждений. Действительно шло потрясающее развитие мысли, которое не всегда ложилось на бумагу. Иногда одни вещи Горбачев говорил более четко здесь, внутри Союза. Иногда больше говорил в беседах с иностранными представителями в зависимости от того, что он от них слышал.

С этой точки зрения очень интересны были беседы у него с «Трехсторонней комиссией», потом с «Иссык-кульским форумом» и другими, в ходе которых открывалась глубина мысли. Не обязательно то, что потом входило в формулировки, а то, что стояло за ними. Это был потрясающе интересный процесс сам по себе.

Процесс выработки политики шел одновременно с процессом развития мысли. Эти два процесса не всегда совпадали. Процесс развития мысли — это редкий случай в истории, когда он так явно опережал политику, и опережал не на утопических принципах, а на очень простой идее: нельзя жить хуже других. Михаил Сергеевич часто ссылался на Ленина, который говорил, что нам нужно строить общество, исходя из всех тех богатств, которые выработало человечество. Но сам Ленин этому не последовал. Даже ему, при всей широте его мысли, классовая узость не позволила по-другому подойти к этому вопросу. А Горбачеву позволила именно его образованность, его начитанность, его взгляд на вещи.

Неудивительно то, что перестройка началась с возврата нашему народу тех культурных художественных ценностей, которые были отвергнуты после 17-го года и забыты, загнаны в спецхраны. Все это вернулось — огромное богатство идей, огромное богатство образов и красок. Это был шаг исключительного значения, потому что он как раз показал желание использовать все, что может служить делу Человека. Я не буду сейчас углубляться в это — массу можно найти и примеров, и подходов к этой тематике.

Тут затрагивался вопрос о том, когда возник вопрос о дихотомии социализм или капитализм. Возник этот вопрос очень рано — еще до 87-го года. А в 87-м это уже нашло свое выражение, правда, аккуратно, осторожно, тактично на Совещании партий и движений перед юбилеем Октябрьской революции.

Я сейчас не помню точную формулировку Михаила Сергеевича, но смысл был такой, что история развивается не только в рамках противоречия между капитализмом и социализмом. Есть масса других движущих сил и противоречий, которые двигают эту историю, и все это надо учитывать.

И дальше эта мысль постоянно развивалась шаг за шагом по разным случаям, по разным поводам... Формулировки можно найти разные по этому поводу, но смысл их один и тот же, что история не сводится дело к дихотомии капитализма и социализма. Мы должны искать пути к новому об-

ществу. Уже после 92-го года или начиная с 92-го года, Горбачев прямо ставил вопрос уже о переходе к новой цивилизации не только нашей страны, но и всего мира. О переходе к такой цивилизации, которая была бы синтезом всего лучшего, наработанного историей. И слово — «синтез» — употреблялось им тоже применительно — и не в 92-м году, а раньше — к будущему обществу, которое должно создаваться.

Этот подход, выход на эту высоту анализа, которая не всегда могла быть претворена в жизнь, благодаря и отсутствию необходимых условий (еще не созданы они были для этого в Советском Союзе), и благодаря сопротивлению материала, т.е. общества, которое тогда не могло принять этого и до сих пор фактически еще не принимает. Затем после 1992 года последовала реставрация капитализма, что совершенно не отвечало ни взглядам Горбачева, ни его намерениям.

Выход перестройки на такую высоту анализа, на такой взгляд не только на Советский Союз, а на историю вообще — это огромная заслуга, которая, я считаю, никак не может быть недооценена, хотя до сих пор этой темой, кроме Бориса Федоровича, по-моему, никто не занимался.

Короче говоря, перестройка как фактический процесс реформации страны — это одна вещь. Развитие идеи перестройки в ее горбачевском варианте, нового подхода к развитию общества, которое постоянно развивалось и сейчас еще продолжает развиваться естественным путем, — это вторая сторона дела, которой нужно и можно уделить особое внимание. Модель будущего развития человеческого общества в целом — это то, на что выходил Горбачев, и что имеет и будет иметь огромное значение.

Я согласен с тем, что идеи перестройки и нового мышления, прежде всего, абсолютно необходимы и сейчас. Потому что на деле сегодня мы опять вернулись назад, к старому мышлению. Идея нового подхода, нового типа развития на основе общечеловеческих интересов, без учета которых ни один интерес — ни классовый, ни национальный, ни религиозный — удовлетворен быть просто не может. Идея развития не на конфронтации, не на антагонизмах, а на по-

исках согласия, на поисках компромиссов — трудных, тяжелых, но совершенно необходимых. Идея развития на принципе выживания человечества. Этот термин — выживание — сейчас исчез из литературы, из политики, а на самом деле именно эта проблема становится все более острой. Если пойдет развитие так, как оно идет сейчас, то до конца века человечество просто не доживет. Раньше кончится жизнь. Развитие нового мышления должно быть продолжено. Иначе ничего не будет продолжено, просто будет конец жизни на Земле.

Сформировалась ли точка зрения общества?

О.М. Здравомыслова,
к.ф.н., Горбачев-Фонд

Среди названных сегодня вопросов, связанных с исследованием эпохи перестройки, есть несколько, на которых я хотела бы коротко остановиться.

Александр Анатольевич Данилов сказал, что к перестройке нужно, наконец, отнестись рационально. Создается впечатление, что как раз это сложнее всего. Перестройка — ценностная, мировоззренческая конструкция, в зависимости от принятия или неприятия которой общество разделяется на группы, противостоящие друг другу или, наоборот, солидарные друг с другом. Это реальность нашей общественной жизни и идейной борьбы, которую невозможно игнорировать. Это факт, с которым, не может не считаться ученый, пишущий сейчас историю перестройки.

Понимание перестройки и отношение к ней стало индикатором того, «кто есть кто», и что представляет собой современное российское общество. Это сам по себе чрезвычайно интересный вопрос, который, я думаю, исследуют не только историки, но и историки, в том числе. В советской и постсоветской истории есть несколько таких индикаторов и

одновременно, исторических кодов. Попытка «раскодировать» их — это, по сути дела, попытка ответить на известный вопрос «в каком обществе мы живем».

Здесь много говорилось о том, что Горбачев пытался мобилизовать общество. Это лейтмотив его выступлений — особенно, начиная с 1988 г., и это совершенно необычно для советской власти, хотя вся советская история рассматривается в рамках концепции мобилизации. Но одно дело мобилизация для решения задач, поставленных властью, и другое дело — мобилизация как пробуждение общества, как участие граждан в политике, в создании нового социального проекта. С этой точки зрения история перестройки еще не написана. Более того, похоже, что «точка зрения общества» на перестройку так и не была до конца выявлена — ни тогда, ни сейчас. Социологи показывают тот или иной срез общественного мнения о перестройке. Можно видеть некие тенденции, тем не менее, опросы общественного мнения не выявляют полностью драматического столкновения групп интересов, ценностей и мировоззренческих позиций тех, кто рассматривает перестройку как возможность прорыва, в том числе и для себя, и тех, кто, напротив, видит в ней препятствие для осуществления своих интересов.

Александр Абрамович Галкин поставил в нынешней дискуссии интересный вопрос — о «позиционировании» молодого поколения. Он сформулировал тезис, что отношение к перестройке, вероятно, будет более негативным, потому что нынешние молодые люди — дети и внуки тех, кто жил в советскую эпоху и кто сожалеет о распаде Советского Союза.

Я хотела бы не согласиться с этим тезисом, потому что, по моему мнению, отношение молодых поколений к перестройке будет формироваться в прямой зависимости от того, в каком направлении будет развиваться постперестроечная Россия. Пока молодежь, по крайней мере, та ее часть, которая, действительно, размышляет (потому что мы не можем закрыть глаза на то, что есть масса молодежи, которая постепенно перестает думать и «выпадает» из социума) не определила ни своего отношения к перестройке, ни своего отношения к российской истории. Она находится в поиске и за нее идет борьба различных политических сил.

Социологи хорошо знают, что до какого-то времени «дети» (скажем, поколение 90-х годов) не сознавали или, во всяком случае, не декларировали разрыва с «отцами». Они мыслили себя в режиме преемственности и не выходили за грань традиционных поколенческих конфликтов. Сейчас наступает момент, когда поколение, вступающее во взрослую жизнь (20–30 летние), начинает осознавать себя как поколение другой эпохи. У него другой язык, другие мотивации и его очень трудно понимать старшим. Какими глазами это поколение взглянет на историю и что оно с этой историей сделает — большой вопрос. Во всяком случае, исследования, которые проводятся сейчас, не дают на него однозначного ответа.

Я думаю, что имеет смысл включать в такие дискуссии, как сегодня, исследователей, представляющих разные поколения. Исследователи нового поколения тоже должны высказать свою позицию, свое понимание перестройки. Среди них есть люди, которые будут писать следующие учебники или будут по ним учить. Их взгляды нужно обсуждать в режиме профессионального разговора.

В заключение я хотела бы сказать, что сегодняшний разговор интересен не только для профессиональных историков, исследующих эпоху перестройки. Он выводит нас на вопрос о том, как создается образ и современная концепция российской истории.

В контексте мировой истории

А.Б. Вебер,
д.и.н., Горбачев-Фонд

Как выяснилось, я здесь не единственный, кто имеет некоторый опыт преподавания истории в средней школе. Правда, опыт не очень большой и относящийся к другому времени, далеко отстоящему от периода перестройки. Тем

не менее, мне хотелось бы сейчас выступить с позиции учителя истории. То есть сказать, как бы я раскрывал тему исторического значения перестройки, если вообразить себя в этой роли, мысленно поставив себя на место школа.

Прежде всего, я считаю, что нельзя понять историческое значение перестройки, ограничиваясь теми узкими хронологическими рамками, в которые она непосредственно укладывается, то есть пятью-шестью годами. При таком подходе фокус неизбежно смещается на непосредственные результаты, на те или иные ошибки и упущенные возможности, на вопросы типа «кто виноват» и т.п., и это не позволяет в полной мере оценить подлинное историческое значение перестройки.

Тут нужна другая оптика, другая мерка. Нужен вековой временной масштаб. Борис Федорович говорил, что к оценке перестройки надо подходить с позиций истории советского общества в XX веке. Я бы сказал шире — с позиций мировой истории в XX веке. По моему, то же самое имел в виду и Вадим Валентинович.

XX век начался фактически — как считают многие историки — в 1914 году, начался с первой мировой войны. С этой бессмысленной вселенской кровавой бойни, которая стала огромным потрясением для современников. Счет жертв военных действий пошел на миллионы и десятки миллионов. Эта война не закончилась в 18-м году. После относительной передышки, заполненной чередой не утихающих конфликтов и новых военных приготовлений, она возобновилась как вторая мировая война, еще более кровопролитная и разрушительная. Недаром ведь этот период называют иногда тридцатилетней войной.

Первая мировая война имела для России несколько фундаментальных последствий. Во-первых, революцию 17-го года. Война подтолкнула революцию. Ведь не исключено, что в иных условиях дальнейшее развитие событий в России могло бы пойти по реформистскому пути. Но война настолько ожесточила, озлобила массы, что не только привела к революции, но и выдвинула на первый план самую радикальную концепцию переустройства общества и привела к власти самую радикальную революционную партию.

Мы обычно говорим в этой связи о социализме, социалистической идее. Но дело в том, что в данном случае имелось в виду специфическое понимание социализма — как первой фазы коммунизма. Речь шла о строительстве совершенно нового, коммунистического общества. Это была максималистская утопия, и попытаться реализовать ее можно было только с помощью принуждения — со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые хорошо известны.

Второе следствие — распад российской империи. Это стало фактом после февральской революции. В декабре 17-го года советское правительство признало независимость Украины и Финляндии. Потом, в ходе гражданской войны, советскую власть на Украине пришлось восстанавливать или устанавливать Красной Армии, как и в Азербайджане, Армении, Грузии, а также в Средней Азии и Казахстане. Не удалось достичь этого в Эстонии, Латвии и Литве — они получили независимость. Быстротечная советско-польская война закончилась мирным договором, по которому Западная Украина и Западная Белоруссия отошли к Польше. Возвращение этих территорий и Прибалтики в состав СССР также было связано с приходом туда Красной Армии.

Таким образом, предпосылки для осложнения межнациональных отношений в Советском Союзе и для его распада существовали задолго до начала перестройки.

Наконец, еще одно следствие — уже глобального масштаба: раскол мира на две системы, на два противостоящих друг другу военно-политических лагеря, четыре десятилетия холодной войны и гонки вооружений, которая поставила мир на грань ядерной катастрофы. В 1948–1980 гг., в моменты обострения международных кризисов, сверхдержавы по меньшей мере 16 раз угрожали применением ядерного оружия. За годы холодной войны в мире произошло более 100 крупных военных конфликтов, в той или иной степени связанных с соперничеством сверхдержав, в них погибло около 20 млн. человек. Общие потери в войнах XX столетия оцениваются в 80–90 млн. Да еще десятки миллионов жертв тоталитарных режимов. Такова це-

на этого, по выражению Вилли Брандта, «организованного безумия».

Все это не могло продолжаться бесконечно. Ситуация осложнилась обострением социальных и экологических проблем глобального масштаба. Для Советского Союза бремя гонки вооружений становилось все более невыносимым, обернувшись торможением экономического и социального развития, технологическим отставанием от промышленно развитых стран Запада. Таков тот реальный контекст, который сделал необходимой перестройку, то есть радикальное преобразование сформировавшейся ранее общественно-политической системы, а также сложившейся системы международных отношений.

Что касается связи периода перестройки с последующим периодом, то ее следует понимать диалектически. Как здесь уже говорилось, исторический процесс непрерывен. Это только в порядке художественной метафоры можно сказать, как, например, у Маяковского: вчера еще был капитализм, а завтра «свой путь продолжали трамы уже при социализме».

Хронологические даты и рубежи всегда условны и имеют по преимуществу символическое значение. В истории есть и непрерывность, и дискретность. Без учета этого мы не могли бы правильно интерпретировать исторический процесс. С этой точки зрения, постперестроечный период связан, конечно, с перестроечным. В том смысле, что перестройка подготовила последующий этап. То, что произошло в 92-м году, не могло произойти раньше, в 85-м. Где тогда был Гайдар и кем он тогда был? В редколлегии «Правды» или «Коммуниста»? Перестройка выдвинула на авансцену общественно-политической жизни Ельцина, Собчака, Чубайса, Гайдара и многих других, кто со временем стали ее критиками и отрицателями. То есть здесь присутствуют и связь, и отрицание.

Отрицание смысла перестройки выразилось в том, что произошла смена реформаторской парадигмы. Мы, я думаю, вправе рассматривать перестройку как социал-демократический проект. В этом была суть того, к чему стремились архитекторы перестройки, хотя первоначально, на пер-

вых этапах, они, по понятным причинам, еще не воспринимали ее или, во всяком случае, не могли позиционировать таким образом. Но так это было по сути дела. И в конечном итоге это проявилось и стало очевидным, когда обсуждалось и принималось программное заявление XXVIII съезда и когда разрабатывался проект новой Программы партии, уже вполне социал-демократический по своей направленности и содержанию.

Кстати, не могу согласиться с тем, что проектное мышление «не создает истории», что история — это только стихийный процесс. Да, стихийное начало всегда преобладало, но со временем стала возрастать и роль субъективного фактора. Неверно противопоставлять одно другому. Разве 95 тезисов Лютера не послужили первотолчком к началу эпохи Реформации? Разве Петр I ничего не изменил в судьбах России? Разве «Апрельские тезисы» Ленина не внесли новый элемент в развитие России? И Путин вносит, как ранее внес Горбачев, инициировав перестройку. Да, результаты оказались не такими, как предполагалось. Но общество, политическая система изменились. С приходом к власти Ельцина реформы получили иное содержание, но многое из наследия перестройки сохранилось. Образовался довольно сложный, гротескный социальный «коктейль», в котором перемешались черты разных этапов трансформации России. К сожалению, команда Ельцина социал-демократической модели предпочла курс на внедрение капитализма по американской модели. С расчетом на то, что «свободный рынок» сам решит все проблемы, если убрать государство из экономики и сократить его участие в социальной сфере. навязанный обществу праволиберальный проект открыл путь дикому капитализму и привел к регрессу, о котором здесь говорилось.

Перестройка и «катастрожка»

Г.С. Остроумов,
Горбачев-Фонд

Прежде всего, я хотел бы выразить большое удовлетворение тем, что мы сегодня встретились с авторами учебников. Думаю, то, что они делают, заслуживает большого уважения, потому что писать правду истории в современных условиях нелегко. Это требует и интеллектуального, и гражданского мужества. Мне кажется, что все присутствующие авторы в этом смысле производят в целом приличное впечатление.

Я не могу согласиться только с одним тезисом, который здесь прозвучал. Если я правильно понял, здесь прозвучала идея единого трансформационного потока от Горбачева до Ельцина и до Путина даже. С этим никак не могу согласиться, потому что перестройку понимаю как глубокое социально-демократическое обновление российского общества и государства. Я согласен с Александром Борисовичем Вебером, что перестройка объективно, особенно с учетом внесения кардинальных изменений в Программу партии, сыграла и еще будет играть свою роль обновления российского общества и российского государства на социал-демократическом векторе развития. А это значит — преодоление отчуждения граждан, общества от собственности, власти, культуры. Это и было содержанием перестройки.

Это важно не только для того, чтобы отделить горбачевскую перестройку от ельцинской «катастрожки», но это еще более важно, может быть, для того, чтобы понять, что сейчас происходит, по какому вектору мы движемся при президенте Путине. Ельцинский период это вовсе не продолжение, будто бы лишь более решительное, горбачевской демократизации, — это поворот к дикому, грабительскому капитализму, отвечающему интересам узкой верхушки олигархических и бюрократических кланов, поставивших большинство населения на грань бедности и нищеты, на уровень

бесправного «быдла». Если бы это был поворот к современному капитализму, то это еще куда ни шло. Но это поворот к «дикому капитализму», который давно уже преодолен развитыми странами Запада и Востока. Это поворот назад, вспять. Если продолжится эта ельцинская линия (она пока, как я понимаю, все-таки продолжается, просто в относительно благообразном виде), — то мы будем все дальше и дальше уходить от современного государства, от современного общества, и тогда совсем беда.

Или президент Путин сумеет переломить инерцию ельцинского беспредела и решится повернуть Россию на путь продвижения к современному государству и обществу, необходимым компонентом которых является демократизация, реально существующие правовые, демократические институты. Показателем вектора движения уже в ближайшее время может стать двадцатилетие начала перестройки: будут ее охаивать, значит мы продолжаем путь вспять, будут делать из нее разумные уроки, значит мы чему-то учимся и есть надежда...

Что это было?

В.В. Журавлев,
д.и.н., профессор, МГОУ¹

Сначала о самом термине «перестройка». Считаю более корректным употребление его в кавычках в силу того, что традиционно и условно обозначаемое им явление по сути своей в принципе не соответствует точному смыслу того, что мы вкладываем в данное понятие. Ибо «перестроить» в русском языке (о чем свидетельствуют академические словари) означает внести изменения в систему, *не ломая ее*.

¹ В.В. Журавлев — руководитель авторского коллектива — лауреата Государственной премии РФ 2004 года. Выступление представлено в письменном виде.

Развернувшаяся в ходе настоящего обсуждения дискуссия, выявившая, в частности, несходство взглядов на обсуждаемую проблему маститых специалистов по широкому кругу проблем методологии и истории «перестройки», — лишней раз убеждает, насколько сложно оценить место в истории того или иного ее поворотного, «судьбоносного» (по излюбленной терминологии М.С. Горбачева) события, находясь в зоне его притяжения, в том числе нравственно-психологического. Невольно вспоминается в этой связи крылатое суждение современного французского историка А. Демюрже, который свой анализ кризисных явлений во французском обществе рубежа XIV и XV веков сопроводил многозначительным умозаключением: «Средние века умерли, но сами еще не знали об этом». В еще большей степени, к сожалению (или же, напротив, к счастью), и нам не дано предугадать, что в идеях и исторической практике «перестройки» кануло в Лету, а что еще проявит себя в недалеком или же самом отдаленном будущем.

Осознание этого факта не следует, на мой взгляд, трактовать как констатацию нашего интеллектуального и исследовательского бессилия. В нем — методологическая установка на длительность и поэтапность познания сути такого рода явлений или процессов с «инвентаризацией» на каждом этапе того, что в наших суждениях о них выдержало испытание последующим ходом событий, а что оказалось иллюзорным. Принципиальная неприемлемость заявок на одномоментное воссоздание «всей правды истории», столь популярных на закате «перестройки» в среде псевдодемократически настроенных псевдоисториков, сегодня, к счастью, все последовательнее утверждается не только на уровне истории познающей, но и истории, популяризирующей последние достижения науки.

Убежден, что учить молодое поколение историзму мышления, столь необходимому для *реальной, практической* ориентации в наши сложные времена смены всех и всяческих ориентиров, значит, прежде всего, отталкиваться от постулата относительности наших знаний о прошлом. В особенности, если речь идет о недалеком прошлом. Но эту относительность важно воспринимать и трактовать не как от-

каз от познания правды истории, а как установку на перманентность, активность и самостоятельность такого познания с подключением пусть скромного, но личного, собственного потенциала жизненного опыта как неперменной составляющей опыта исторического. Именно такого рода соображениями руководствовался коллектив школьного учебника по отечественной истории XX столетия (Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. Учебник для 9 класса. 3-е издание. Рекомендовано Министерством образования РФ. — М.: Дрофа, 2004), специальная глава которого посвящена процессам «перестройки» и краха советской общественной системы (1985–1991).

Глава открывается кратким текстом, призванным ввести учащегося в курс проблем, с которыми ему предстоит ознакомиться, а также заранее нацелить его на самостоятельное осмысление этих проблем:

«Через год с небольшим после того, как к руководству страной пришли новые, энергичные люди со стремлением осуществить масштабный реформаторский эксперимент на просторах СССР — огромной державы, с пространствами, раскинувшимися на 11 часовых поясов, где проживало много более сотни больших и малых народов, говорящих на разных языках и поклоняющихся разным богам — случилось чрезвычайное происшествие мирового масштаба. 26 апреля 1986 г. в 02 часа 23 мин. 50 сек. на Чернобыльской атомной электростанции (Украина) произошла самая крупная за всю историю ядерной энергетики авария. Взорвался четвертый блок. Радиационное заражение распространилось на значительные территории Украины, Белоруссии, России и даже перешагнуло границы СССР.

Что это было — дурное предзнаменование? Скорее — предостережение всем, в том числе и политикам, о том, насколько опасно «проведение экспериментов, программа которых составлялась чрезвычайно небрежно и неаккуратно». Слова эти принадлежат академику В.А. Легасову — высокоталантливому молодому ученому в области физической химии и остро ранимому человеку, посланному в Чернобыль, чтобы руководить работами по ликвидации последствий

аварии. Перед тем, как добровольно уйти из жизни в 1988 г., ученый оставил свои записи о виденном и пережитом в эти драматические дни. Главное, на что он обратил внимание, заключалось в следующем: «Чернобыльская авария — это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет».

275-миллионному народу великой страны оставалось надеяться, что у его новых лидеров достанет политической мудрости, взвешенности и профессионализма в том, чтобы начатый ими колоссальный социальный эксперимент не вышел из-под контроля разума, а был доведен до желаемого результата в четком рабочем ритме хорошо отлаженного реактора».

Ключевое в данной вводке понятие «социальный эксперимент» ориентирует на восприятие последующих событий с позиций оценки происходившего в 1985–1991 гг. именно как эксперимента, характерной чертой которого является решение спонтанно наплывающих проблем методом проб и ошибок — методом «небрежным и неаккуратным», по классификации Легасова, не только для испытаний технического плана, но и для не до конца продуманных взрывоопасных политических действий.

Подводя итоги рассмотрению периода «перестройки», авторы не склонны навязывать однозначных выводов и решений. Констатируя, что вопреки внешней ясности и открытости деклараций политических деятелей по поводу их «истинных намерений» и существа провозглашаемых целей, за гласностью, полной открытостью в обществе в плане оценок результатов и последствий воплощения этих целей в жизнь, «перестройка» была и остается одним из самых «загадочных», неоднозначно трактуемых периодов отечественной истории.

И далее учащимся предлагается набор самых популярных из этих трактовок: «Что это было на самом деле? Неумелое реформирование социализма, окончившееся развалом страны и политическим крахом реформаторов? Или же тщательно продуманная и виртуозно совершенная акция, на-

правленная на демонтаж системы на радикально-либеральных началах?

...Вопросы, вопросы, вопросы... Они еще не скоро получат обстоятельные, убедительные ответы».

И далее учащимся предлагается вместе со своим учителем поразмышлять в ходе соответствующего урока о месте «перестройки» в исторических судьбах нашей страны. Учитывая, что ее проблемы по сей день являются полем идеологических схваток и политической борьбы, вряд ли целесообразно втягивать себя при этом в такого рода бесплодные дискуссии. Что было бы самым важным в этой обстановке? Не заикливаясь на уровне своих личных идеологических и политических пристрастий, извлечь из опыта «перестройки» одинаково полезные для всех уроки, которые могут пригодиться как в настоящем, так и в будущем.

В итоге на обсуждение выносятся два таких урока. Во-первых, о необходимости обществу в целом учиться, «как проводить крупные радикальные, «судьбоносные» преобразования без потрясений всего общественного организма, без жертв, распада государственности, крупных социальных откатов». И, во-вторых, «учиться различать слова и дела своих лидеров, их благие намерения и объективные результаты действий. Ибо «перестройка» хотя и стала историей, в которой ничего изменить, «переиграть» уже нельзя, но далеко не завершила исторического пути России».

Полагаю, что следование в ходе образовательного процесса принципу относительности, предварительности нашего знания о прошлом открывает несравненно большие возможности для выявления элементов позитивного знания и формирования адекватного потребностям и вызовам времени мировоззрения и историзма мышления подрастающего поколения, чем утверждение ложной убежденности в том, что нам уже открылась «правда истории» во всем ее блеске и непогрешимости.

Была ли альтернатива?

Н.В. Загладин

Я хотел бы поблагодарить всех участников за внимание к рассмотренным сюжетам, поскольку для меня, как автора учебника, было очень интересно услышать обмен мнениями, дискуссию, которая здесь возникла по связанным с перестройкой проблемам. Это, конечно, поможет и в дальнейшем работе.

Из этой дискуссии я бы выделил три особо важных момента.

Во-первых, очень важно разобраться в понятийном аппарате периода перестройки, это задача, которая встает перед современной исторической наукой. Очень часто термины и категории, которые мы используем, в том числе и в учебниках, не корректны в научном отношении. Это относится, например, к термину «тоталитаризм». К тоталитарным государствам относят столь разные страны, со столь разной историей, столь разными идеологиями, что, конечно, этот термин не является строго научным. Я, кстати, в своих учебниках по истории Отечества стараюсь этот термин использовать как можно меньше, и только в 11-м классе привожу его как дискуссионный.

Во-вторых необходимо задуматься о том, как последующие поколения будут рассматривать перестройку. Действительно, кто-то может воспринимать ее и так как нечто произвольно осуществленное, приведшее к распаду СССР, гибели великой державы, проигрышу «холодной войны» и породившее ельцинские реальности. Однако отвечая на воззрения сторонников подобной позиции, наверное, надо исходить из всего комплекса факторов. Здесь, может быть, в какой-то мере, недоработка историков, исторической науки, а может быть, и продукт нехватки определенных документов. Ведь очень часто упускается из виду такая проблема: а была ли альтернатива перестройке, строго говоря?

Например, с моей точки зрения, к моменту начала перестройки Советский Союз находился уже в фазе наступающего кризиса. Его истожила «холодная война» и экономически, и морально. Ведь общество находилось в состоянии перманентной мобилизации по сути дела с первых пятилеток, т.е. с конца двадцатых годов. Если НЭП считать небольшой разрядкой, передышкой, то дальше последовало несколько десятилетий непрерывного мобилизационного развития.

Общество напоминало марафонца, которому до финиша далеко, а он уже готов упасть и умереть. Может быть, несколько лет оно еще могло продержаться. Здесь как раз не хватает точных данных относительно экономического положения страны, хотя достаточно фактов, которые говорят о том, что шла инфляция, падал уровень жизни, падал уровень производства, падала производительность труда. То есть все было на грани крушения.

И вопрос: какие альтернативы были в этом положении? Признать себя побежденными в «холодной войне» — это абсурдно. Перед кем признаваться? «Холодная война» — это объективное состояние международных отношений, характеризующееся конфликтом, биополярностью. То есть просто признать себя побежденным — это было абсолютно бессмысленно и невозможно.

В прошлом, когда отсутствовало оружие массового поражения, держава, находящаяся в положении СССР, скорее всего, пошла бы на развязывание «горячей войны». Советский Союз еще находился на пике наращивания военной мощи, дальше уже явно начинался спад. Но в ядерную эпоху и такой выход, очевидно, был не реалистичен и губелен для всего человечества.

С этой точки зрения, единственным выходом (причем, я бы сказал, гениально найденным) была перестройка. То есть не капитуляция в «холодной войне» и не победа Соединенных Штатов, а совместная с ними реструктуризация международных отношений. Но при этом, очевидно, нельзя было выйти из «холодной войны», не став в какой-то мере частью нового формирующегося или начавшегося форми-

роваться мирового цивилизационного пространства, о чем здесь уже говорилось.

С этой точки зрения, принятие социал-демократической модели развития было единственно приемлемым и в какой-то мере совместимым с идеологическими стандартами в той ситуации. Но то, что произошло потом... Ведь естественно, когда общество стало выходить из состояния мобилизованности на борьбу с внешним противником, оно обратило взгляд на себя. Когда этот несчастный, истощенный марафонец посмотрел, что у него почти все внутренние органы уже атрофировались: гражданской экономики нет, про межнациональные противоречия забыли (хотя они существовали, но в условиях конфронтации не проявлялись), то, естественно, этот марафонец, можно сказать, упал и рухнул. Но дело тут не в перестройке. А дело в том, что ей не было альтернативы.

То, что говорит Вадим Андреевич Медведев, что можно было избежать ошибок, или не допустить такого количества ошибок и каким-то образом попытаться сохранить СССР, может быть, и верно, но тут возникает еще один ракурс или третий момент, на который я хотел бы обратить внимание. Это проблема лидерства.

Дело в том, что в моих учебниках с учетом того, что в нашей истории большую роль всегда играл фактор личности, лидера или ведущих политиков, специально выделяются биографические фрагменты или сюжеты. Даются биографии тех или иных лидеров, описание их основных деяний, если это не вошло в основной текст учебника.

Что здесь обращает на себя внимание? Разные модели формирования лидерства в демократических странах и в СССР. Ведь теория формирования лидерства, которой мы руководствуемся, заимствована из опыта стран демократии. Она предполагает, что если есть какие-то группы интересов, яркие личности, то происходит определенное совмещение и потом уже, так сказать, «царя делает окружение» с которым он взаимодействует.

С Горбачевым была совершенно иная ситуация. Бесспорно, что в обществе, в том числе и в аппарате руководства обществом, были люди, готовые к творческому поиску,

понимающие необходимость альтернатив и т.д. Но ведь не они Горбачева выдвигали как своего лидера. Система выборов Генерального секретаря ЦК как раз не предполагала, что выдвигается реформатор. Она предполагала, что выдвигается человек, который, как и Леонид Ильич до этого, и Константин Устинович, будет олицетворять систему и направлять дальше ее развитие в русле старой парадигмы. Никто не избирал того, кто эту парадигму будет менять. Коль скоро уж такой человек оказался на первом посту, то здесь все зависело от него. Он, естественно, стал искать окружение, соответствующее его взглядам.

И ранее, очевидно, были соответствующие контакты. Мемуары многих здесь присутствующих я читал. Поэтому более или менее представляю себе ситуацию. Позже Горбачев стал трансформироваться в демократического лидера, стремился опереться на массы. И действительно, какое-то время, если вспомнить историю, он был кумиром толпы. Его идеи вызвали бурный восторг, даже если массы в них особо не вникали. Уже потом была утрачена поддержка масс. Горбачев мог остановить процесс распада СССР, но в этом случае он должен был перестать быть лидером демократической ориентации.

Если мы посмотрим на развитие модели (я говорю именно о моделях лидерства) поведения Ельцина, то возникнет прямо противоположная картина. Он выдвинулся как демократический лидер, потому что на него сделала ставку определенная команда. Он опирался на настроения масс, в частности, их нетерпение, слепую веру, что скорейший переход к рыночной экономике решит все насущные проблемы. Все это создало ему харизму как человека, который может чего-то быстро осуществить.

А что сделал он? Он начал себя вести как типичный авторитарный лидер советской или даже досоветской эпохи. То есть он начал менять свое окружение, выбрасывал одних, назначал других. «Царь Борис». То есть его эволюция была антидемократична.

Сравнение этих двух моделей лидерства позволяет говорить о том, что этап Ельцина был шагом назад от демократии. А то, что признается за ошибки Горбачева, это, ско-

рее, противоречие положения лидера, который стремился развиваться в направлении демократии, эволюционировал сам и как человек, очевидно, эволюционировал, но не мог навести порядок в старом понимании слова, не перечеркнув эти черты в себе. Прибегнув к силе, он возможно, решил бы многие проблемы, но это был бы уже совершенно другой лидер и другая модель развития. Наверняка это привело бы и к концу нового политического мышления на международной арене. Этот фактор тоже надо учитывать, как и то, что ситуация в стране уже изменилась. Общество стало другим, что и показал провал ГКЧП.

Так что, с моей точки зрения, не перестройку надо винить в развале СССР, а объективные процессы, вызванные ситуацией, в которой началась перестройка. А это было бы абсурдно. Перестройка может рассматриваться как единственно приемлемый выход из той ситуации, потому что любая другая альтернатива была бы еще хуже и катастрофичнее. С этой точки зрения никаких упреков в адрес инициаторов перестройки, видимо, быть не должно, особенно в учебниках, предназначенных для школьников.

Надо было объяснять

А.А. Данилов

Результат нашей сегодняшней встречи для меня очевиден — я знаю теперь, каким образом буду дорабатывать наш раздел по «перестройке» в учебнике, в его последующих изданиях. За это большое спасибо организаторам.

Пару тезисов в дополнение к прозвучавшему.

Первое. Мне думается, что, когда говорим о «перестройке», мы, в самом деле, не должны забывать о том, что сказал В.Д. Соловей — М.С. Горбачев, проводя реформы, я думаю, первым из российских реформаторов последних трех веков, да и всей нашей истории апеллировал к народу,

к самым широким слоям людей, которые принимали участие в этих процессах.

Второй вопрос, довольно мучительный для каждого из нас, но в сотни раз мучительнее для самих реформаторов: почему же, если все так хорошо начиналось, все так печально закончилось? Ответы на этот вопрос у каждого будут, наверное, своими. Мне кажется, очень важным упущением было то, что населению слабо разъясняли суть происходящего.

Реформаторы недоучли это тогда, как недоучитывают и сейчас уже другие люди. В частности, недоучли роль системы образования и подготовленности людей к тому, чтобы воспринять все те идеи, которые были предложены инициаторами перестройки. А ведь это очень важно. В качестве примера могу привести документ эпохи, на который ссылался Б.Ф. Славин — программная платформа перед последним съездом партии — «К гуманному, демократическому социализму». Очень хорошие мысли, но для кого эти мысли заложены в том виде, в котором они были опубликованы и изданы? Для научных работников, для людей, которые могут, в общем-то, подискутировать где-то в каком-то кругу. Большинство же людей этого не понимали. Потому и называли его часто «К туманному, демагогическому социализму», потому что ничего никто понять толком не мог, и нужно было объяснять, разъяснять даже тем, кто мог бы дальше потом идти и разъяснять. Это то, что, в общем-то, тоже имело место и это тоже нужно иметь в виду.

Третье. Когда мы говорим о политике нового мышления как о политике, в том числе, компромиссов, ненасильственного, не силового решения вопросов, — это все, конечно, правильно. Это одна из основных позиций самой идеологии и программы политического мышления.

Но в этой связи возникает вопрос: на каком этапе и когда заканчивается компромисс и начинается прямая уступка тем нашим собеседникам или переговорщикам, которые с нами этот диалог ведут? Они всегда, не только в годы «перестройки» были последовательны в отстаивании своих национальных интересов. Есть воспоминания, которые на меня произвели колоссальное впечатление, наших американских

партнеров по переговорному процессу, которые описывают, каким образом они выработали тактику поведения на переговорах с Э.А. Шеварднадзе. И эта тактика давала результат — наши компромиссы оборачивались часто уступками, которые и имели в виду американские коллеги.

Повторю лишь то, о чем уже говорил — конечно, легко говорить об этом сегодня, спустя многие годы, в тиши академических кабинетов и рассуждать о том, кто чего не сделал. Намного сложнее было действовать в конкретных условиях того стремительного времени и добиваться того, что уже вошло в мировую историю.

Еще раз большое спасибо за то, что такое мероприятие было организовано, и с удовольствием приму участие во всех последующих.

«Коридор возможностей»

А.С. Барсенков

Многие прозвучавшие на нашем «круглом столе» идеи были очень интересны и будут полезны для дальнейшей разработки темы. Однако даже в ходе нашего обсуждения не удалось избежать оценочных моментов из категории «виноват — не виноват», которые я считаю ошибочными применительно к педагогической практике. В отношении ошибок, видимо, более корректными будут суждения А.С. Черняева и В.А. Медведева как непосредственных участников тех событий. Наша же задача — понять и изложить историческую логику происходивших процессов, показать и проанализировать «коридор возможностей», в рамках которого действовали ведущие персонажи той бурной эпохи.

Стоит заметить, что среди публикаций по перестройке по-прежнему доминируют работы мемуарного плана. Поэтому я хотел бы привлечь внимание коллег к желательности усилить исследовательский акцент при освещении пере-

строечных сюжетов, и здесь можно немало сделать даже в рамках подготовки кандидатских диссертаций. В целом же, полагаю, наше обсуждение в какой-то степени продвинет учебный процесс и в средней, и в высшей школе.

Заключительные замечания

В. Т. Логинов

Валерий Васильевич Журавлев считает, что рано еще делать окончательные выводы. Боюсь, что поздно. Ибо стереотипы, порожденные избыточной «политизацией», вбиваемые в головы уже не одного поколения нашими СМИ, вполне могут стать прочным элементом массового сознания и напрочь закрыть дорогу к пониманию и недавней истории, и происходящего сегодня.

Я думаю, что позднее, когда стенограмму нашего «круглого стола» опубликуют, будет интересно прочитать ее глазами исследователя. Со школьных лет нам объясняли — и это было правильно, — что нельзя периодизировать историю народа и страны по ее правителям. Хотя именно в истории России это довольно часто совпадало. Но когда я говорил об очевидном рубеже, отделяющем Перестройку Горбачева от периода так называемой «ельцинщины», я имел в виду не только смену лиц.

Нынешний кризис, переживаемый Россией, это не итог Перестройки, а результат того, что она была прервана. Все признаки этого налицо: расчленение единой страны; полная смена правящей элиты; толпы предателей, перебежчиков и дезертиров. И массовое обращение в «иную веру». А главное, как мне кажется, это радикальные перемены формационного (забытое слово!) плана.

Так, к величайшему несчастью, разрешился кризис, зревавший на протяжении десятилетий. И надо задуматься над тем, что эта трагедия могла приобрести еще более ка-

гастрофический характер для всего мира, если бы за годы перестройки не произошли принципиальные перемены в системе международных отношений. Ибо разрешение кризиса могло приобрести иные — «ядерные формы», любой исход которых поставил бы под угрозу само существование человечества.

1991 год — это год «распада» СССР. А это событие не уездного и даже не российского, а мирового значения. Ибо с так называемым «распадом» Союза рухнул прежний миропорядок, прежний биполярный мир. Значение этого события — и для России и для мировой истории — мы еще до сих пор не осознали полностью. Поэтому, как мне кажется, разговор о том, что Перестройка это лишь один из этапов процесса модернизации России, уводит нас от проблем глобальных к проблемам «губернского» масштаба.

Второй вопрос, который затронул здесь Валерий Дмитриевич Соловей, о роли «теории», различных «проектов», «планов» и т.п. Сегодня достаточно распространены представления об истории как о процесса реализации — разработанной политической элитой — той или иной модели «социалистической утопии» или, на худой конец, «межсистемной трансформации». Такие представления достаточно наивны.

На одном из съездов Советов в 1918 году молодой «левый коммунист», делегат из провинции, под всеобщий хохот заявил: «Наша Россия непобедима по своей пространственности и квадратности». И он был прав в том смысле, что гигантская страна с ее экономической многоукладностью и многоконфессиональностью была способна перемолоть любые «теории» и «задумки» даже очень умных людей.

В наше время отношение к народу как в «быдлу» уже перестало быть признаком неинтеллигентности. Любое упоминание о роли народных масс в истории воспринимается со снисходительной иронией. А вот мудрейший человек Питирим Сорокин, будучи уже в эмиграции, писал, что важнейшим условием успешности любой реформы является прежде всего ее соответствие «базовым инстинктам» народа, его менталитету, его представлениям о добре и зле, о желае-

мой цели. Может быть это и объясняет причину провала так называемых «реформ» 90-х годов.

Если говорить о смысле Перестройки и ее отличии от последующего периода, то необходимо проследить это хотя бы на двух вопросах, которые и составляют смысл любой революции или контрреволюции. Это вопрос о власти и вопрос о собственности.

Возьмите вопрос о собственности. Перестройка: повышение эффективности различных форм общенародной собственности для повышения жизненного уровня населения. Постперестройка: криминальный раздел общественной собственности, ее концентрация в руках кучки олигархов и погружение в бедность основной массы населения.

То же самое и с вопросом о власти. Перестройка: вовлечение граждан в управление и контроль за производством, регионами, государством; Съезд народных депутатов как первое в истории России Учредительное собрание. Постперестройка: отстранение населения от управления и контроля за производством, манипулирование электоратом с помощью политтехнологов, законосовещательная Дума как символ «управляемой демократии». Иными словами, 1991 год повернул Россию к ретроградному процессу.

И еще: об «эволюции без жертв и насилия», упомянутой В.А. Медведевым. То, что прекращение политики Перестройки приняло относительно «цивилизованный» характер (не считая морального террора и хамства), не должно вести к умолчанию о цене ельцинских «реформ». Почти ежегодная убыль в миллион человек, ядро которой составляют не пенсионеры, а люди вполне трудового возраста, в конечном счете, вполне сопоставимо с жертвами гражданской войны 1917–1921 годов.